

НОВЫЙ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

**ВАДИМ ПАНОВ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ**

**ДРУГАЯ СТОРОНА МОСКВЫ
В НОВОМ РОМАНЕ
ВАДИМА ПАНОВА**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:
Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:
Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО. Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США), Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Урал-пресс», «Сейлс», АиФ,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ГК «Кардос», «Роспечать»,
«Желдорпресс».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 159.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

29 Раджнар ВАДЖРА

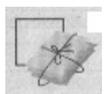
ПЯТЬ КОРОБОК ДЛЯ ДОКТОРА

Уже знакомый нашим читателям доктор для чужаков должен решить, казалось бы. неразрешимую задачу.

171 Адам-Трой КАСТРО

УБЕЖИЩЕ

А вот не менее запутанная проблема. И хотя на этот раз юридическая, но столь же драматичная для всех героев.

3 Леонид КУДРЯВЦЕВ, Дмитрий ФЕДОТОВ

МУСОРЩИКИ ВРЕМЕНИ

А может быть, дворники? Все зависит от точки зрения.

87 Павел АМНУЭЛЬ

ЧАЙКА

Этих мужчину и женщину не связывает более ничего. Электрон с Земли и атом железа из звезды Барнарда и те ближе.

115 Пол КОРНЕЛЛ

АРГУМЕНТ ПО-ДАТСКИ

Существование подобного альтернативного мира вызывает вопросы. Но детектив развивается в полном соответствии с его законами.

149 Джо ХОЛДЕМАН

НЕ БУДИ ЛИХО...

Бывший солдат прибывает на планету, где тридцать лет назад участвовал в боевых действиях.

217 Крейг ДЕЛЭНСИ

ТРИ ДЖУЛИИ

Так сколько же их, в конце концов?!

98 Александр ТИМОФЕЕНКО

КУДА УЖ РЕАЛЬНЕЕ...

«Лукоморья больше нет, все, о чем писал поэт, - это бред».

104 **Аркадий ШУШПАНОВ**

ЛЮДИ ТЕЛА

...Или актеры без лиц.

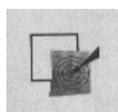
112 **Сергей КУДРЯВЦЕВ**

ЛИДЕРЫ-2011

Неожиданностей мало: кто больше всех хотел прорваться в лидеры, тот и стал им.

100 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

А ведь кому-то такой юмор нравится...

235 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**

«Я - СЕМЬЯ...»

«...во мне как в спектре живут семь «я» - этот отрывок из поэтической миниатюры Андрея Вознесенского отлично описывает тему статьи.

242 **Мария ГАЛИНА**

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В АНК-МОРПОРКЕ

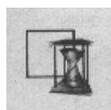
В Одессе это делалось по-другому, но все революции в чем-то похожи.

244 РЕЦЕНЗИИ

И фэнтези, и НФ, и альтернативная история, и фантастиковедение, и новеллизация, и даже феминистская НФ.

265 КУРСОР

Как Байконур вдруг очутился в Астане...

250 **Валерий ОКУЛОВ**

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕУДАЧНИК

Бывают такие странные книги, которые наперебой ругают и одновременно захлеб читают.

255 **Вл. ГАКОВ**

ЗАПОВЕДНИК ПРИМАТОВ

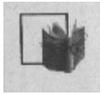
Этот писатель серьезно пошатнул авторитет Дарвина, доказав возможность обратной эволюции.

262 Сергей СЛЮСАЙЕНКО

ТЕОРИЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Настоящий научный вопрос задал читателям журнала самый настоящий ученый.

267 ПЕРСОНАЛИИ

Многие критики полагают, что житейская биография писателя неизбежно отражается в его творчестве. В таком случае авторы нашего журнала, как минимум, гости из будущего, а возможно, и вовсе маскирующиеся под людей пришельцы.

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ, ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ

МУСОРЩИКИ ВРЕМЕНИ

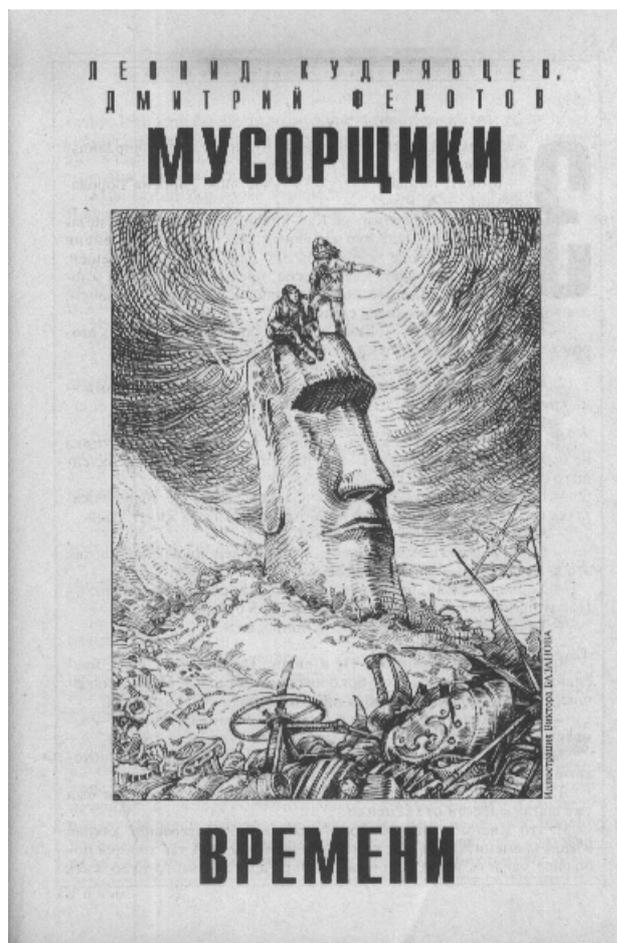

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Зажигалка. Я прищурился и взглянул на ее ауру. Неправильная она все еще, слегка незрелая.

- Может, поищем другую? - участливо спросил Бородавочник. - А, Крэг?

Он искренне переживал. Как-никак мы компаньоны, независимое товарищество на равных паях по сбору во времени ненужных, чаще всего забытых или потерянных вещей. Нам все подойдет. Еда, оружие, предметы обихода и многое другое. Лишнее можно обменять в поселке. Впрочем, эта вот зажигалка пригодится самим.

- Не все так просто, - сказал я приятелю. - Мы в двадцать втором веке. Это тебе не сквозь джунгли юры или мела ломиться.

- Кто мешает нам вернуться в прошлое?

- А не ты ли сказал, что разжигать очаг обычными спичками - не круто?

- Я, конечно.

На физиономии волосатого, шириной со шкаф Бородавочника не было ни тени смущения. Неандерталец, не имеющий ни малейшего понятия о совести.

- Надо подождать, - сказал я. - С полчаса, ну, час. Вдруг зажигалка все-таки созреет? Заодно посмотрим, как здесь живут люди.

- А что тут смотреть?! Лес как лес.

- Парк, вон даже скамейка есть. А что людей пока не видно, так это даже неплохо - никто не помешает.

- Хорошо, давай подождем, - согласился неандерталец. - Пойду прогуляюсь, полюбуюсь на этот парк будущего.

- Только осторожнее, ладно? - попросил я.

- Да я само благоразумие.

Бородавочник улыбнулся. Ну и видок: здоровенные зубы, массивные надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, поблескивающие, словно у кошки. А улыбка при этом вполне человеческая.

- Неприятности случаются и с самыми благоразумными, - заметил я.

Зажигалка, «слегка незрелая», отличалась теперь от «необходимой» лишь на волосок. Минут пять - и дело в шляпе.

Я огляделся. Бородавочник довольно быстро удалялся, он был уже шагах в десяти от скамейки.

И что мне мешает подобрать зажигалку? Интересно, каково в этом времени? Здесь мы, кажется, еще не были. А так хочется побольше увидеть и везде побывать. Впрочем, для этого надо жить вечно. Или хотя бы иметь возможность удлинять жизнь, увеличивая собственное время. На деле, получается, их два. То, в котором каждый вольный собиратель может путешествовать, и личное, так называемое невремя, никому не подвластное.

Аура зажигалки снова изменила цвет. Самое время ее поднять. И

лучше поторопиться, пока о безделушке никто не вспомнил.

Я схватил с земли вожделенный приз и самодовольно улыбнулся.

Ну вот, теперь нам не придется разжигать костер с помощью увеличительного стекла, а то ночью и в дождливую погоду для этого даже приходилось переноситься во времени. Теперь все будет значительно проще.

И вокруг как будто ничего не изменилось. Хотя... где обормот?

Я выругался.

Моего спутника нигде не было видно. Исчез, словно его корова языком слизнула.

2.

Клетка была очень тесная, но Бородавочник каким-то чудом умудрился сесть в ней. Встать он, кажется, уже не в силах. Так и сидел в этом решетчатом пенале с несчастным видом, растерянно лупая глазами.

- Как это случилось? - спросил я.

- Прыгни на двенадцать часов назад и посмотри. Увидишь во всех подробностях.

- Выкладывай, как тебя сцапали, - велел я. - Все, без утайки. Быстрее спасу.

- А если не получится?

- Пошинкуют в научных целях. Когда они догадались, что ты неандерталец?

- С этого все и началось, - сказал Бородавочник. - Первое время они думали, что я неразумен, и говорили не таясь. Потом пришел какой-то начальник, прикрикнул на них, и рядом с клеткой болтать перестали.

- Когда они догадались? Скажешь ты мне наконец?

Институт, в котором содержали моего друга, был полон людей, и я то и дело смотрел на дверь, ведущую в коридор. Судя по ее ауре, у нас было по крайней мере полчаса, в течение которых сюда никто не войдет, но осторожностью пренебрегать не следовало. Если меня обнаружат здесь, избежать неприятностей не удастся. Обязательно последуют вопросы: «А как вы сюда попали?», «Отчего вас не увидела ни одна камера слежения?», «Почему у вас нет никаких документов?», и конечно, сразу после этого, словно опускающаяся крышка гроба, приговор: «Мы не можем вас идентифицировать. Кто вы вообще такой?».

- Все произошло очень неожиданно для меня, - начал рассказ мой доисторический товарищ. - У них... то есть здесь проходил семинар по живой природе. А для этого они...

- У кого это «у них» и кто это «они»? Давай поточнее, - перебил я его. -

Сам понимаешь, важны все мелочи.

- Дети, блин, - почти прорычал Бородавочник. - Детишки великовозрастные. И их учитель, культурист хренов. Качок, понимаешь ли. Как он скрутил меня, до сих пор понять не могу. Быстро и легко, даже, можно сказать, изящно.

- Тебя? - удивился я.

Это Бородавочника-то? С его-то немереной силушкой?..

- Точно, точно, - подтвердил компаньон. - Упаковал в какую-то силовую сеть и прямым сюда.

Я вздохнул.

- А перед этим? С чего он на тебя нацелился? Ты сказал, у них вроде семинар был. По отлову питекантропов, что ли?

- У них есть какой-то портативный анализатор, - сообщил Бородавочник. - Учитель прихватил его с собой на всякий случай. Вдруг попадется редкая птичка или зверушка. Он запустил его в автоматическом режиме и, как только я оказался в пределах досягаемости, узнал об этом.

- А ты что, увидев их, не смог убежать?

- Они были в каких-то мимирк... мимикрирующих костюмах.

Узник научного любопытства издал жалобный стон.

Я сделал шаг к клетке, в которой сидел мой незадачливый компаньон. И тотчас передо мной в воздухе возникло едва заметное розоватое свечение. Я застыл на месте, а потом осторожно отступил назад.

- О-па! - мрачно сказал Бородавочник. - Аура нехорошая? Догадливый.

- Она самая, - подтвердил я.

- С чего бы?

- Да какая разница? Может, сделав еще шаг, я попаду в поле зрения скрытых камер?

- Понятно, - ответил мой догадливый товарищ. - Слушай, а как ты меня отсюда вытащишь?

Я вздохнул.

Вот умеет. Что называется, зрит в корень.

- Как? - снова спросил Бородавочник.

Я пожал плечами:

- Придумаю что-нибудь.

- Думаешь, удастся?

- Уверен, - ответил я и, повернувшись к нему спиной, открыл дверь в иное время.

3.

- Еще информация?

Я взглянул на человека, задавшего этот вопрос, и покачал головой.

Помощник библиотекаря выглядел почти классически. Узкое бледное лицо, острая бородка, большие очки, крохотная круглая шапочка, черная мантия. Непривычными были только весьма малый рост да руки, способные растягиваться, словно гармошка. Не так давно, когда помощнику понадобилось снять с верхней полки хранилища кристалл памяти, руки его удлинлись метра на три, не меньше.

- Хотите еще что-то узнать?

- Спасибо, я узнал все необходимое, - поблагодарил я. - Ухожу.

- Мы с нетерпением будем ждать вашего следующего визита.

Я неспешно вышел на улицу и тут же, прямо на ступенях хранилища информации, остановился. Утреннее солнце нещадно слепило глаза, дышалось, как после дождя, а мимо почти бесшумно тек по небу нескончаемый поток машин. Похоже, держались они в воздухе благодаря каким-то антигравитационным силам.

А что, неплохо. Может, стоит хоть изредка наведываться сюда?

Я взглянул на завитые спиралью купола ближайших домов, на их отливающие зеленью колонны, окинул взглядом сновавшую почти под ногами стайку голенастых, толстых робоптиц - они напомнили мне вездесущих и неистребимых голубей из моего времени. Робоптицы двигались рывками, словно герои плохо смонтированного мультика, жадно хватали крохотными манипуляторами рассыпанные перед ними металлические и керамические детали, дрались за них, издавая непонятные звуки, как из испорченного динамика.

Или не надо? В любом времени есть как плохое, так и хорошее. В идеальном мне пока бывать не довелось. Если, конечно, не считать начало времен. Не зря мы с Бородавочником разбили там лагерь, ох, не зря.

Я не сдержался и едва слышно чертыхнулся.

- Не следует понапрасну бросаться такими словами, - сказал вдруг один из псевдоголубей.

Сказал и тут же вцепился отливающим сталью клювом в крыло соплеменника, когда тот неосторожно повернулся к нему боком. Трепыхаясь и пытаясь высвободиться, птица рванулась и поволокла за собой нападавшего, который, похоже, уже пожалел о содеянном.

Нехорошая судьба выпала Бородавочнику. Судя по записям, после поимки прожил он недолго, все время находясь под строжайшей охраной. Даже толком не похоронен - стал экспонатом в музее. Еще бы, научная сенсация! Неандерталец, каким-то чудом уцелевший с древнейших времен и теперь пойманный учеными.

Я оглянулся на здание, из которого только что вышел. Маленькое, почти неприметное. В наше время под архивы требовалось гораздо больше места, поскольку все записи велись на бумаге. Хотя какое это сейчас имеет значение? Суть осталась та же.

Нет, пожалуй, это время не для меня. Здесь я понял, что потерял друга, так и не сумев ему помочь.

4.

- Не отчаивайся, все образуется.

Это сказал хозяин кабака Мироныч.

- Каким образом? - не очень дружелюбно отозвался я.

- Есть вариант, - раздался слева от меня голос.

Я повернулся. Это был Баламут собственной персоной. Интересно, когда это он успел подсесть за мой столик?

- В общем, мы решили, что тебе следует помочь, - сказал Баламут. - Хотя бы советом.

Мне хотелось послать их куда подальше, сказав, что они ничего не смыслят и не понимают ситуации, но я промолчал. Они понимали. Из вольных собирателей редко кто не терял друзей во времени.

- Думаешь, возможно вытащить Бородавочника? - спросил я у Баламута.

- Остается надеяться на чудо, - ответил он. Я пожал плечами.

Бред! О каких чудесах он говорит? Какие могут быть чудеса во времени! Даже малейшее влияние на его ткань недопустимо. Иначе окажешься во временной петле. Это в лучшем случае. Из нее хоть есть шанс выбраться. А то просто сгинешь, как после встречи с буджумом. А Бородавочник оказался в такой ситуации, когда вытащить его, не нарушив ткань времени, уже невозможно. И на какое чудо тут можно рассчитывать?

- И то верно, - прогудел Мироныч. - Сидеть и тосковать, конечно, проще.

И этот туда же, со своими поросшими мхом поучениями.

- Поступок, нужен геройский поступок, - сказал Баламут. - Мы решили, что тебе следует поговорить с основателем нашего поселка.

- С тем самым? - нахмурился я.

- Да, с тем самым. А еще он разработал кодекс вольных собирателей, - с азартом произнес Баламут. - Он знает о времени и обо всем, что с ним связано, лучше любого из нас.

- Разве не он давным-давно исчез в неизвестном направлении? - спросил я. - Куда он исчез и почему так получилось, никто не знает до сих пор.

- Что правда, то правда - исчез, не оспоришь, - согласился Мироныч. - Но ведь его можно попытаться найти.

Я окинул таверну взглядом. В дальнем углу за круглым столом, который был принесен сюда, кажется, из каюты «Титаника», сидел Вицли-Пуцли. Он отсалютовал мне братиной и ободряюще улыбнулся.

Чуть в стороне от него в плетеном из лозы кресле-качалке полулежал Марек по прозвищу Тарабарщина. И хотя он был неподвижен, а из трубки, которую он держал во рту, не шел дым, меня не покидало ощущение, что из-под полуприкрытых век он внимательно следит за мной. И кто это там пристроился у камина? Не старина ли Панург? Сидит себе на расшатанном стуле викторианской эпохи, закинув попихонски ногу на ногу и подперев щеку ладонью, и пристально рассматривает меня с кривой ухмылкой на губах. Мне ли не знать его знаменитой ироничной ухмылки!

Заговор - иначе и не назовешь. Посовещались тут в задней комнате и надумали подсунуть мне безумную идею. А теперь вот явились и любят. Надеются, что я клюну на их наживку? И неведомо куда отправлюсь выручать друга? Кретины.

- Ну что решил? - подал голос Баламут. - Не таись, детинушка, молви слово.

В ответ я только мрачно хмыкнул. Хотя стоило попробовать. Чем черт не шутит, когда Бог дремлет!

- Итак, вы предлагаете мне пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что?

- Не совсем так, - поправил меня Баламут. - Кого найти, ты знаешь. Аристотеля. Чтобы спасти друга, тебе надо найти его.

5.

Я сидел в проеме чердачного окна и смотрел на лоскутное одеяло парижских крыш начала двадцатого века. Внизу, под этими крышами, мирно соседствовали крохотные забегаловки и ресторанчики, квартиры и доходные дома, нищета и достаток, истинная и поддельная роскошь. Там, внизу, обыватели умирали от голода, влюблялись, жестоко мстили, но чаще прозябали - чтобы потом кануть в Лету, не оставив после себя ни следа. А еще там бродили художники и писатели, доселе никому не известные. Много ли им было нужно, чтобы спорить до хрипоты о вечном, писать книги и рисовать картины, которые после их смерти станут шедеврами? Рюмки абсента да пачки папирос, набитые турецким табаком. Эти след оставят, но все равно накроются могильными плитами, как только придет срок.

Я вздохнул.

Спуститься вниз? Нет, сейчас мне нужны только крыши Парижа. Они помогают думать. Как отыскать человека, затерявшегося в дебрях времени? Пойти туда, не зная куда, истоптать десять железных сапог, съесть десять железных хлебов?

Представив, как грызу железный каравай, я невольно содрогнулся.

Страсти какие. Избавь меня, Боже, избавь.

Я снова вздохнул.

Итак, я опробовал самое простое: я посетил время, в которое жил Аристотель. Оказалось, он действительно существовал и даже оставил след в истории. Мыслитель, открывший основной закон гидростатики и совершивший множество дел. Вот только мне нужен был другой Аристотель - тот, кто основал наш поселок. Откуда он взялся? И зачем назвался таким громким именем? Или оно настоящее? Но главное - как его найти?

На соседней крыше промелькнуло что-то темное, размером с шапку. Порыскав по сторонам, существо замерло, а потом стало подкрадываться к лежащему возле печной трубы сломанному зонтику.

Обыкновенный попрыгунчик-мусорщик. Если есть вольные собиратели, почему бы не появиться существам, которые научились прыгать во времени и приспособились питаться потерянными вещами?

Возле зонтика попрыгунчик снова замер, словно приняв себя, но наконец решился: прыгнул, растянулся, накрыл всем телом добычу. Если сейчас его не спугнуть, через полчаса от зонтика не останется мокрого места.

Стараясь не делать резких движений, я осторожно продвигался поближе к мусорщику и устроился в пяти шагах от него.

Попрыгунчик все еще был при деле. От удовольствия он едва слышно повизгивал, а тело его пульсировало и время от времени окрашивалось в самые разные цвета. Вот оно стало малиновым, но уже через мгновение его затопила тусклая зелень. Впрочем, и этот цвет быстро сменился другим. Потом, словно вспомнив об осторожности, мусорщик времени поменял свой окрас под цвет черепицы, став, подобно хамелеону, почти незаметным.

Интересно, что подумал бы тот, кто не посвящен в тайны времени, увидев такое создание? Может, благодаря подобным встречам и возникли мифы о домовых, леших и другой нечисти?

Впрочем, сейчас это было не столь важно. Вот как найти того, незнамо кого, - большой вопрос? Что вообще мне известно об Аристотеле?

Склад ума. Судя по его делам, он принадлежит к породе пытливых исследователей. Никаких тайн и загадочных исчезновений. Просто некий ученый, изучая законы перемещения во времени, попутно основал наш поселок и разработал принципы, по которым можно заниматься вольным собирательством. А после двинулся по своим делам дальше.

Только знать бы куда? Конечно же, в поисках новых загадок времени, того, над чем стоит подумать.

Я покачал головой и снова взглянул на попрыгунчика.

Вот еще одна из загадок времени. Кто они и откуда? Как научились тому, что умеют? А ведь они должны где-то жить, вить гнезда или рыть

норы, чтобы вывести детенышей. Забавное должно быть местечко.

Думаю, Аристотель не мог не заинтересоваться ими и наверняка там побывал. Найти бы этот момент. Впрочем, кто мне мешает? По правде говоря, это плевое дело. Главное - узнать, где находится дом мусорщиков времени.

Насытившись, попрыгунчик медленно отодвинулся к печной трубе. От сломанного зонтика не осталось и следа. Странно, но так быстро он его съесть не мог. Значит, решил забрать с собой, оставить про запас или накормить детеныша. Выходит, сейчас он отправится домой. Удобный момент, чтобы выследить его.

Рядом с попрыгунчиком я заметил крохотное жемчужного оттенка пятнышко. Это была дверь. Он скользнул в нее. Еще мгновение - и дверь закроется. Мне хватило одного взгляда, чтобы придержать ее и даже раздвинуть. Теперь в нее мог пройти и человек.

Направляясь к двери, я вспомнил про маленькую девочку, которая последовала за волшебным существом в его норку. Кажется, в той истории все закончилось благополучно. Вдруг и мне, взрослому дяде, повезет и моя волшебная страна окажется не столь опасной?

6.

Шторм, ураган, семь казней египетских, двадцать два татаро-монгольских нашествия и один одесский привоз...

Вокруг было как-то подозрительно тихо и мирно. Это не могло не настораживать. Особенно после того, что я видел последние шесть часов. И куда я в итоге угодил? Глаз бури, островок спокойствия посреди сотрясающего полотно времени шторма? Как вообще этой дорогой проходят попрыгунчики? Хотя у них инстинкт, который в подобных ситуациях здорово выручает. А вот мне пришлось туго.

Я открыл глаза.

- Пациент пришел в себя.

Это сказала девушка, молодая и красивая. Она смотрела на меня с неподдельным участием.

Я подумал, что в реальном мире такие хорошенькие сиделки редкость. Значит, расслабляться пока рано. За спиной у девушки виднелась белая стена, на вид самая обычная - не шевелилась, не обрастала иглами или зеленой травкой, никакие звериные морды со злобно оскаленными клыками из нее не выглядывали.

- Или мне это только показалось? - пробормотала сиделка.

- А ты проверь.

Тот, кто сказал это, находился вне поля моего зрения.

Кто он - врач, доктор?.. Я болен? И чем, позвольте спросить?

- Пациент, скажите что-нибудь. Как вы себя чувствуете?

- Где я?
- Вы у нас, и вы в полной безопасности.
- А точнее?

- Точнее я вам скажу, как только узнаю, кто у меня на попечении.

Знакомые игры. К счастью, любой вольный собиратель способен легко выяснить, где он находится и в каком времени застрял, подобно тому, как птица определяет направление полета. Стоит лишь задуматься, и ответ придет сам собой.

Я ухмыльнулся.

- Будем торговаться?

На пухлых губах сиделки появилась ироничная усмешка.

- Спорим, твоя жажда узнать, где ты, сильнее моего желания выведать, с кем я имею дело?

И куда только делось все очарование? От сочувствия не осталось и следа. словно кто-то повернул выключатель.

- В самом деле?

- Угу. И у меня есть еще одно преимущество.

Я поморщился:

- И какое?

- Оно рядом с тобой. - Это сказал тот, кого я принял за лечащего врача.

Я приподнялся, чтобы взглянуть, на него, и сразу понял, что ошибся. Нет, это кто угодно, только не врач. Лицо, как у тюремного надзирателя, халат грязный, а в руке ржавая пила-ножовка.

- Лечить откажетесь? - как ни в чем не бывало поинтересовался я.

- Отчего же, возьмусь, - сказал мнимый доктор. - Мой метод разом восстанавливает способность к речи.

Я взглянул на сиделку.

- Соглашайся, соглашайся, - кивнула она.

Не пора ли свалить отсюда подобра-поздорову? И как можно скорее. Только бы встать...

- Лежите, больной, лежите, - стальным голосом приказала сиделка, уловив мое движение. - Доктор прописал вам постельный режим.

Человек в синем халате шагнул ко мне...

И тут по другую сторону кровати я заметил слабый жемчужный отсвет. Я знал: этот мерцающий прямоугольник - открывшаяся дверь в иное время. Мне оставалось лишь приподняться и нырнуть в нее рыбкой.

Именно так я и сделал. Падая, я видел протянутые ко мне руки, но понимал, что меня им уже не ухватить - слишком руки коротки. Еще раз прикинул в уме, куда меня занесло. Выходило, что это кусочек, некогда выпавший из общего полотна времени и обособившийся. Скорее всего, это двадцатый век, из которого я родом, а безумцев в нем было предостаточно.

Понимают ли доктор с сиделкой, что со временем у них не все в

порядке? Интересно, сколько стихийных собирателей они успели обработать? Ведь не каждый из тех, кто к ним попадал, осознавал, каким даром он обладает, а потому не мог вовремя унести ноги.

Хочешь не хочешь, а придется ими заняться, но сначала надо найти Аристотеля и спасти Бородавочника.

Сразу после меня дверь закрылась, оставив на стене едва заметное пятнышко. Через несколько мгновений оно исчезнет.

Я летел в пустоту, падал все ниже и ниже. Что там, на дне? Знать бы...

7.

Где затерялся след любителя старых зонтиков? Да нет же, вот он, летит к своему неведомому гнездовью, перепрыгивая из одного времени в другое. Колоритные картинки, словно в калейдоскопе, мелькали у меня перед глазами одна за другой. Я видел метеоритный дождь в Сибири и заросли лотоса на Ниле, мимо них величественно проплывала золоченая, похожая на сбывшийся сон нувориша, ладья фараона. Забрызганные кровью боевые колесницы сменялись мирно пасущимися стадами мамонтов. И куда-то скакали на своих коротконогих лошадаках узкоглазые кочевники. Лошадок почему-то было жалко. Казалось, они выполняют непосильную для них миссию и вот-вот рухнут под тяжестью здорового амбала, облаченного в кожаные доспехи с железными бляхами.

Ничего в этом не было удивительного, но все в высшей степени странно, как и положено в настоящей, всамделишной жизни. И память, поскольку я начал к этим прыжкам привыкать, теперь фиксировала лишь отдельные, яркие моменты. Путешествие стало чем-то вроде мозаики, в которой были опять всадники, в огромном количестве, а также жители древних Афин, сидящие вечерами с чашами в руках. И еще там нашлось место зулусам, их военным танцам, сопровождаемым гортанными выкриками и воздетыми вверх ассагаями. Меня преследовали сладкий запах квартала красных фонарей Амстердама двадцатого века и мерзкая вонь придорожных канав Европы времен Крестовых походов. Я слышал крики убегающих от свирепых ирокезов мирных поселенцев и радостный вой трибы питекантропов, завалившей шерстистого носорога.

Фрагменты становились все короче, накладывались один на другой, перехлестывались, сливались. И вот уже в зулусские рты льется густое греческое вино, а сами они обнимают вакханок. Десант эскимосов, перерезав ножами с рукояткой из моржового клыка всю стражу, грабит дворец Людовика XVI. Танки «Шерман» катят навстречу татаро-монгольской орде, и сидящие на броне brave пехотинцы готовы

сразиться хоть с самим чертом, лишь бы это было оплачено золотом. У подножия недавно построенной пирамиды Хеопса начинается бейсбольный матч, а в лабиринт венецианских каналов занесло парочку пирог с ирокезами, и сидящие в них воины пытаются обменять на бобровые шкурки несколько блестящих сувениров в первой же попавшейся лавке.

Картинки замелькали чаще, полотно времени изогнулось под прямым углом, и, хотя это было невозможно, я на мгновение увидел его с торца. Потом все вернулось к обычному порядку, а хоровод цветных пятен оборвался росчерком силуэта улетающего попрыгунчика.

8.

Жара. По аллеям парка прогуливаются люди. Вот девушка с тележкой. Крышка стоящего на тележке контейнера откинута, и оттуда видны брикеты льда.

- Осталось только ванильное.

После этих слов нужно тотчас повернуть и сделать три шага в сторону киоска «Союзпечати».

Так, сделал. Очень хорошо. Теперь пауза, во время которой ни в коем случае нельзя смотреть вправо. Ну как не умилиться малышу в коляске, которую везет очень даже симпатичная мамаша, как не задержать на них взгляд? Нет, туда смотреть не следует, иначе придется делать еще один оборот.

Пауза.

Я стою, упершись взглядом в точку чуть ниже вывески «Продукты». Из кирпичной стены над витриной торчит что-то, смахивающее на крысиный хвост. Кусок старой проводки? Сразу не разберешь. Пялиться на эту торчащую из стены штуку не возбраняется.

Смотрю ровно минуту. Теперь следует отмерить вправо десять с половиной шагов. Глазеть при этом можно на что угодно и сколько угодно. Главное - двигаться в нужном направлении и остановиться в надлежащей точке. Я словно танцую сложный танец, ни одно па которого нельзя перепутать. Иначе придется начинать все сначала. Впрочем, в запасе у меня вечность, а значит, время для этого есть. Уйма времени.

Вот такой «день сурка». Петлей времени называется. Никаких поцелуев и ухаживаний. Страшная скука и механические движения, чтобы чуть-чуть расширить ловушку. Рано или поздно она разомкнется, выпустит на свободу.

Впрочем, есть и радости. Можно побаловаться пломбиром. А ванильного мороженого нет. И это почти трагедия. Так хочется ванильного... Оно на другой стороне парковой аллеи, но туда сейчас

нельзя, а потом его не будет.

Шаг, еще один шаг.

Улыбнуться девушке в синем платье в белый горошек. Кстати, ей можно даже помахать рукой. Правда, это отнимет еще полчаса от цикла, но в это время, проверено, никакой обязаловки. Девушка - оазис, место отдыха. Иногда это необходимо, для того чтобы просто перевести дух, но не сейчас. В этот раз я дойду до конца без передышек, на одном дыхании. И если догадка верна, то расширить петлю еще на полминуты удастся. Даже если меня ждет провал, то это лишь в одном обороте. Рано или поздно выход найдется.

Это я уяснил, разорвав вторую петлю времени. Как давно это было? Неважно. Какая эта по счету? Кажется, восьмая. А если точно? Неважно. Главное, мое путешествие неизвестно куда в поисках Аристотеля уже принесло хоть какой-то результат. Я научился разрывать петли времени.

Теперь следует присесть на скамейку и полюбоваться лебедями в пруду. Как только вон тот черный подплывет к мосту за куском булки, надо посмотреть в сторону статуи девушки с веслом, будь она неладна.

Сколько раз я видел это топорное творение? Десять тысяч, двадцать, сто? И еще увижу, по крайней мере сейчас. Правда, есть надежда, что в последний раз. Если удастся расширить петлю хоть на полминуты, есть вероятность, что она лопнет. Небольшая, но все же.

Скрестить бы на счастье пальцы...

9.

Птенец попрыгунчика блаженно прищурил глазки, открыл крохотный, похожий на черную кляксу рот и осторожно засунул в него спицу от зонтика. Та закрутилась вокруг оси и стала укорачиваться, сначала медленно, а потом все быстрее. Сохранившийся на конце кусок материи распрямился и затрепыхался, словно флаг на сильном ветру.

- Время обманывать опасно, - пробормотал Аристотель. - Это написано даже в детских книжках.

Он не был величественным старцем в белом хитоне. Обычный толстый, бородатый дядька в старых джинсах и не очень свежей рубашке.

Мы сидели на носу наполовину вросшей в землю статуи длинноухого, неведомо как попавшей сюда с острова Пасхи, и смотрели на гнезда попрыгунчиков. Они были из сухих сучьев, переложенных кусками полиэтиленовых пакетов и хлопьями стекловаты. В них копошились маленькие разноцветные детеныши, которые с возрастом, очевидно, потемнеют.

- Способ должен быть, - сказал я.

Аристотель пожал плечами.

- Как я уже сказал, я его не знаю.

Гнезда были окружены завалами из каменных блоков, обломков колонн, пустых бутылок, съеденных автомобильных шин и просто мусора, определить происхождение которого не представлялось возможным.

Свалка, она и есть свалка.

- А кто знает? - спросил я.

- Мусорщики времени, - ответил Аристотель.

Я вновь принялся рассматривать обиталище попрыгунчиков. В нем кипела жизнь. Взрослые особи более всего смахивали на ожившие пятна Роршаха, а молодняк, который был практически в каждом гнезде, походил на разноцветные мазки с картин абстракционистов. Каждый был при деле. Кормежка, игры, выяснение отношений, драка за территорию, ухаживания, вылизывание тела и многое, многое другое.

Если их колония увеличится, а это очевидно, то через некоторое время забытые, сломанные зонтики станут дефицитом. А также старые карандаши, тряпки, зачитанные до дыр журналы, грязные, потерянные кем-то носки и прочий мусор. Чем будут питаться попрыгунчики, когда кончится и это?

Понятно, что весь этот мусор притащили сюда они. Но вот вопрос: откуда здесь крупные вещи? Какого размера должен быть попрыгунчик, чтобы утащить статую с острова Пасхи, на которой мы сейчас сидим?

- Мусорщики времени. Они знают ответы на все вопросы, - сказал Аристотель. - Правда, я еще не придумал, как их получить.

- Эти? - Я ткнул пальцем в сторону ближайшего гнезда.

- Я и переселился сюда именно для того, чтобы наблюдать за ними. Думаю, они знают ответы на многие вопросы. И если их правильно спросить...

- Попрыгунчики разумны? - поинтересовался я.

- Разумны? - Аристотель медленно провел рукой по бороде. - Не думаю... Скорее, нет, неразумны. Вот только я еще не решил - уже или еще?

- Может, стоит прыгнуть во времени и посмотреть?

- Они такие же, как ты или я, жители невременья. Мы с тобой можем двигаться только в одну сторону. Ну, сам понимаешь...

- Как в таком случае у них можно узнать ответы на вопросы? - спросил я.

- А как их узнают у воды, огня, ветра? А ведь узнают. И делают интересные изобретения, - сказал Аристотель. - С помощью наблюдений и умозаключений.

- Значит, для того чтобы спасти своего друга, я должен поселиться здесь и в течение лет эдак двадцати наблюдать за пожирателями

мусора?

- Не такое уж это недостойное занятие. Особенно во имя спасения кого бы то ни было.

И не возразишь.

- К счастью, можно пойти и быстрым путем, - после некоторой паузы добавил мой собеседник.

- Это как? - встрепенулся я.

- Спросить у меня, к каким предположениям я пришел. Выводы, как я уже говорил, будут лет через двадцать, а вот предположения есть уже сейчас. Хотя, как ты понимаешь, они могут быть и ошибочными.

Если ничего не удастся узнать сейчас, то лет через двадцать невремени мне придется повторить это путешествие, вновь пробиваясь сквозь ловушки, которыми буквально напичкана временная ткань. Веселенькая перспектива.

- Ну так как? Тебя интересуют мои выкладки? Осознаешь ли ты, что утратишь удовольствие от начала нового, необычного дела?

- Да.

- И готов меня внимательно выслушать, даже если сказанное поначалу покажется тебе бредом?

Я согласно кивнул.

Вновь улыбнувшись, на этот раз лукаво, основатель поселка сказал:

- Они, попрыгунчики, являются чем-то вроде термометров времени. Именно за счет этого и живут, путешествуя во времени. Могут проскользнуть без последствий сюда.

- Термометры? - Я взглянул на старика с недоумением. Одиночество и возраст, похоже, на нем все-таки сказались.

- Угу, - подтвердил Аристотель. - Знаешь, что любой термометр не только измеряет температуру, к примеру, воды? Он ее еще при этом изменяет. С попрыгунчиками происходит то же самое.

- Но ведь и они открывают двери?

- Ты видишь их перемещение таким, поскольку не можешь представить иного, - объяснил Аристотель.

- А есть другой способ?

- Конечно. Чему учат попрыгунчики? Они изменяются сами, и время на это реагирует, как реагирует вода на температуру опущенного в нее предмета.

- Каким образом?

- Лет через двадцать я буду это знать, - сообщил мудрец. - Приходи тогда или догадайся сам. Дойти до этого самому гораздо интереснее. Думаю, чтобы повторить действия попрыгунчиков, тебе придется самому стать другим. Понимаешь?

Пусть старик слегка и тронулся, но в его безумии была некая логика.

Попрыгунчики. Я внимательнее посмотрел на их гнездовье. Ничем необычным они не занимались. Ели, спали, играли, спаривались,

дрались. Правда, при этом им еще удавалось, изменяясь, управлять тканью времени. Может, поэтому все ловушки на дороге сюда оказались моему провожатому нипочем?

- Красавцы, - вполголоса промолвил основатель поселка собирателей.

В голосе его послышалась гордость, как у рачительной хозяйки при виде заполонивших ее двор кур, гусей, уток, получающей удовольствие от мысли, что вся эта живность принадлежит ей.

- Не желаешь вернуться в поселок? - спросил я. - Уверен, тебя примут там с почетом и уважением.

- Лет через двадцать, не раньше. А может, и позже. Помни о термометре. В нем ключ к решению задачи. И еще...

- Да?

- Подумай о том, что вы, собиратели, отличаетесь от мусорщиков лишь тем, что берете целые, не сломанные вещи.

- Мы, в отличие от них, разумны.

- Разум - вещь необязательная для выживания вида. Как видишь, и для путешествий во времени тоже. Если через двадцать лет выход не будет найден, приходи. Думаю, дорогу ко мне ты найдешь.

Сказав это, он вдруг вскочил и бросился к обиталищу попрыгунчиков. Подбежав к ближайшему гнезду, Аристотель бесцеремонно раздвинул сидевших в нем птенцов и, вытащив на свет божий штукину, смахивающую на большого морского ежа, стал внимательно ее рассматривать.

Очевидно, это означало, что разговор окончен. Исследователь вернулся к своему любимому занятию, и отвлекать его будет черной неблагодарностью. А я разжился любопытной мыслью. Так ли это мало?

10.

Ночь.

Я затушил окурок, поставил пепельницу на журнальный столик и под возмущенный скрип пружин лег на кровать.

Ни о чем не думать, закрыть глаза, заснуть. Вот сейчас... сейчас... Нет, дружок, если бессонница к тебе прицепилась, то легко от нее не отделаешься.

Я перевернулся на спину, тяжело вздохнул и смиренно сложил руки на груди.

Ладно, сдаюсь. Придется еще раз попытаться решить задачу, которая мучает меня уже год. Именно столько прошло после встречи с Аристотелем. Вполне достаточно, чтобы испытать, и не раз, отчаяние, осознать собственную никчемность, потом взрастить надежду и, наконец, опять рухнуть в бездну самоуничтожения.

А может, задача не имеет решения вовсе? Увидеть мир по-другому, изнутри. На словах легко, но как это сделать на практике?

Все видимое не более чем образы, созданные на основании полученной нашим мозгом информации. Вполне возможно, мир совсем не такой, каким мы его видим. Значит, для того чтобы его изменить, достаточно просто что-то переключить в мозгу.

Вопрос: что для этого нужно? Скорее всего, осознать свою жизнь как работу большого термометра. И тогда я смогу изменить невремение, то есть свое собственное время, причем направить его в нужную мне сторону.

Хорошо, пусть так. Но что конкретно я должен сделать, чтобы все эти чудеса со мной произошли? Броситься на капот проезжающего мимо автомобиля? Не есть и не пить неделю, все время медитируя? Спуститься в могилу и восстать из нее на седьмой день? Придумать новое религиозное течение? Устроить турне по публичным домам Древней Греции? Наглотаться самых разных таблеток и отрастить третью ногу? Сменить имя и купить новый паспорт, перекрасить волосы, сделать пластическую операцию, похудеть на пару десятков килограммов? Что именно?

Рука сама потянулась к тумбочке, нашла пачку. Зажигалка выдала порцию голубоватого огня. Легкие наполнились приятным горьковатым дымом.

Еще немного, и я стану завсегдаем захоластных гостиниц, навеки вмерзших в безопасные и ничемные времена. Буду пить, есть, спать и думать, пытаюсь разгрызть орех, который мне не по зубам. Прежде времени состарюсь, а потом умру, не дотянув до свидания с Аристотелем.

Я вздохнул.

Дело было не только в спасении Бородавочника. Существовала тайна, дающая новое, необычное знание.

Мне вдруг вспомнилась виденная в детстве, прилепившаяся к капустному листу куколка. Кто я сейчас? Все еще гусеница или уже куколка? А если куколка, то как скоро мне удастся разорвать оболочку и расправить крылья?

Я усмехнулся.

А вдруг путь к открытию тайны начинается с осознания себя самого, кем ты являешься и куда идешь?

Пришел страх, постоял, дожидаясь, пока я его замечу, и только после этого подсунул мысль. Не очень хорошую, правда.

А стоит ли делать этот следующий шаг? Каких новых жертв и усилий он потребует? Не будут ли они чрезмерными? Может, стоит вернуться в поселок? Я долго искал. Никто меня ни в чем не упрекнет. Да и вообще, стоит ли играть с невремением? Воздействовать на него опасно.

Довольно! Прочь, страх, прочь! Пора забыть о нем и вернуться к загадке о термометре. Итак, прибор, который одним своим присутствием способен изменить окружающий мир. Чтобы его воздействие стало иным, в первую очередь он должен измениться сам.

Окурки в пепельнице напоминали тела солдат, застигнутых газовой атакой, а сама пепельница - братскую могилу. Простыня, показавшаяся жесткой, липла к телу и обдирала, словно наждачная бумага. Во рту после табака было горько, но рука снова тянулась к помятой, полупустой пачке.

Страх понял, что у него ничего не выгорело, пожал плечами и ушел. Но на смену ему пришла усталость. Она убьет бессонницу, укажет путь ко сну, но отнимет возможность найти решение. Обмен, который я производил уже сотни раз и который стал вполне привычным. И как утешительный приз - мысль о том, что завтра, после того как я отдохну, найти решение будет легче. Остается лишь опустить голову на подушку и закрыть глаза.

Завтра будет новый день и найдется решение. А если не найдется завтра, оно придет послезавтра. Или послепослезавтра. И никогда не будет поздно. Таково свойство времени. Любое отложенное дело дождетсЯ своей очереди.

Уже проваливаясь в сон, я вдруг зацепился за образ, сработавший, запустивший реакцию. Куколка, из которой вскоре вылупится бабочка.

Лежа на кровати и разглядывая потолок, давно нуждавшийся в побелке, я вдруг явственно ощутил, как моя кожа превращается в плотную, твердую кожуру, что само по себе могло быть симптомом. Страх не было, но и удовольствия мне это не приносило, просто любой другой порядок вещей показался бы неправильным.

Медленно, одно за другим, текли мгновения, подобно сходящим со ступеней судам. Время, мое личное время стало веществом, хоть и подвижным, но густым, как мед, в нем вязли звуки, а лучик лунного света, прорвавшийся в зазор между занавесками, стал твердым и острым. Достаточно было неосторожного взгляда, чтобы порезаться об него. Но делать этого я не собирался и посему закрыл глаза. И тут же осознал, что это последнее условие начинающейся метаморфозы.

Кем я стану после? Бабочкой? Смогу ли по-новому увидеть время? Кто может это знать?!

11.

Чернота виднелась в промежутках, там, где ее не заслоняли еловые пни, сладострастно тянувшие острые корни к девственно белым цветкам, сотканным из лучистых взглядов, некогда брошенных в реальном мире, причем совершенно напрасно, и оттого потерявшихся,

канувших в безвременье. Красные восходы отчаянно воевали с откатами, грозили им преследованием, которое было от этого совсем не в восторге. Десятки копий Луны строили планы завоевания Земли, причем строили их прямо на своей поверхности, из бетонных плит, ворованных у безумных чугунных прорабов. А еще там было...

Хватит!

Я перестал пялиться по сторонам, сконцентрировался на нити времени и представил, что та развернулась в полосу. Она выполнила мое приказание, и держаться за нее стало удобнее.

Теперь можно было передохнуть, даже сменить руку, не опасаясь, что тебя рванет назад и ты начнешь пятиться, словно рак. Так я и сделал. Схватился за полосу левой рукой, разжал правую ладонь и помахал ею, стараясь восстановить кровообращение. Теперь можно было на несколько минут закрыть глаза и дать им отдохнуть. Свистопляска за пределами нити утомляла неимоверно.

Откуда взялись эти образы? Собственной судьбой, своим временем обладают не только люди, но и животные, рыбы, растения... Впрочем, любые неживые предметы тоже. Может, их линии выглядят именно так?

Минут через пять мне стало легче, но я все медлил, висел, цепляясь за полосу невременья, ощущая под рукой ее шероховатость.

Если захочу, то нырну в него, стану его частью, а потом при желании могу увидеть его со стороны и двинуться дальше. Это вовсе не трудно. Схватился за нить правой рукой - попал в прошлое, схватился левой - в будущее. На хорошей скорости, между прочим.

Может, отдохнуть перед дорогой?

Я открыл глаза и взглянул на полосу.

Нет, не пойдет, можно повредить «скакуна», по нити судьбы которого я путешествую.

Я оторвал взгляд от полосы и посмотрел в сторону. Огромный слон из белой кости тонкой резьбы неумолимо надвигался на отряд мышей. Те в страхе побросали коврики и сбились в плотную кучу, их провода окончательно перепутались.

Нет, торопиться не годится. Необходимо найти кусочек подходящего цвета и лишь тогда отдохнуть, но задерживаться больше положенного там не следует. Дорогу осилит идущий.

Я вздохнул, превратил полосу опять в нить и, взявшись за нее правой рукой, устремился дальше.

12.

Девушка с длинной русой косой улыбнулась склонному к полноте молодому человеку в очках, и это стало отправной точкой ее будущей

судьбы, различных ее вариантов, началом целого пучка линий. Каждый из них порождал новые варианты, те - следующие. Все вместе называются лабиринтом времени. Каждый человек, даже не подозревая об этом, двигается по нему всю жизнь.

Пора было менять «скакуна», и я, перепрыгнув на юного толстяка, рванул на пару лет в его прошлое. Они промелькнули передо мной, словно кино в ускоренной перемотке. Поступки, разговоры, отношения с другими людьми меня не интересовали. Я следил за линией судьбы. Как и положено, она все время делала два-три ответвления, но обращать внимание на них не стоило. Я караулил точки, из которых они выскакивали десятками. Практика показала, что удобнее всего менять направление, отталкиваясь от них.

Интересно, пользуются ли попрыгунчики такими линиями? Почти наверняка. Готов поспорить, именно этим объясняется их вездесущность и неуловимость. Благодаря своей изменчивой природе, эти создания способны жить в мире, в котором непостоянны даже те, кто может определить, насколько он преобразовался. Интересно, какими они видят нас? Застывшими навеки островками враждебности? Понимают ли они, что мы разумны? И насколько способны мыслить сами?

Я улыбнулся своим мыслям.

При желании я мог увидеть их прямо сейчас. Найти нужную линию времени и пойти по ней. Но стоит ли? Пусть тайнами попрыгунчиков занимается Аристотель, у меня другая задача. Я путешествую по лабиринтам невремени. Я первый вольный собиратель, сумевший подчинить его своим желаниям.

«В уютной норе стандартного времени жил обычный вольный собиратель...»

Красивое начало для истории о волшебном приключении. Вот только в реальной жизни волшебству нет места. Поэтому надо все рассчитать и учесть. К примеру, и еще не думал о том, как буду возвращаться. Было бы здорово просто открыть дверь и шагнуть в нужное мне время, но здесь этот фокус почему-то не получался. Возможно, если я не сумею вернуться в нормальное состояние, ему придется учиться заново. Пока же я чувствовал себя человеком, привыкшим ездить на автомобиле, но которому вдруг пришлось ходить пешком.

Я перепрыгнул на другого «скакуна» - он показался мне более перспективным - и рванул по его линии жизни в прошлое. Это был негр, который родился в Англии в 1980 году и умер в пригороде Бангкока в собственном особняке, почти дотянув до середины следующего столетия. Более всего меня в нем устраивала его тяга к путешествиям. Учитывая, что в старости у моего подопечного она сильно ослабела, для маневра имелось лет тридцать - сорок.

Я внимательно утюжил их, минуя год за годом.

Удовольствие и любопытство? Да нет, ничего подобного я почти не чувствовал. Жизнь вольного собирателя меня от них отучила. Мне просто надо было попасть из одной точки времени и пространства в другую. А для того чтобы не заблудиться, я использовал его судьбу, словно нить Ариадны.

Я перенесся на своем «скакуне» в Испанию. Юная соседка по отелю так улыбнулась ему, невинно и в то же время соблазнительно, что он задержался в этой стране на целую неделю. Потом на большой скорости мы отмотали пять лет в прошлое, где нас ждали жуткий гололед, крутой поворот на ночной дороге и развилка, которая вела либо к смерти, либо к инвалидности. Я предпочел выбрать ту, которая без последствий, и опять углубился в прошлое. До его детства оставалось еще три узла. Следовало понять, в каком из них я пересеяду на новую «лошадку».

Это было непростое решение, но, как и в каждом лабиринте, у меня была возможность в случае неверного шага вернуться на несколько поворотов назад. Главное было не заблудиться. Идти до самого конца, до тех пор пока я не перескочу на линию невременья Бородавочника. Вот тогда придется поработать.

13.

Берег вонзал в серо-зеленое тело океана начала времен слабые, но неистребимые песчаные пальцы. Причем делал он это весьма хитро. Любой посторонний наблюдатель мог бы присягнуть, что все как раз наоборот и именно океан ведет военные действия. Правда была открыта лишь знающему истинную природу времени.

Я тряхнул головой.

Все закончилось, никакие игры с невременьем я больше себе не позволю. Слишком велик соблазн попасть в собственное будущее. Особенно, если имеешь возможность не только посмотреть, что к чему, но и внести некоторые коррективы, сделать первый шаг на пути превращения в тупого полировщика собственной судьбы.

Бородавочник бродил по песку, то и дело забегал по колено в воду и тут же выскакивал, искал на отмелях замечательные камушки и просто носился с гиканьем по берегу. Устав, он присел рядом со мной на песок, а потом спросил:

- Так ты видел самого себя со стороны?

- Именно так, со стороны, - ответил я. - Что вполне логично, поскольку в тот момент я был другим человеком.

- Складно врешь, - сказал он и сладко зевнул. - Если бы я хоть что-то помнил...

- А ты и не должен помнить. Ты находишься сейчас в одном из

вариантов собственного будущего.

- И поэтому мы по-прежнему разжигаем костер увеличительным стеклом? - усмехнулся Бородавочник. - Значит, вариант, в котором я не дождался помощи, существует?

- Ну да, - подтвердил я. - И не один. Много вариантов, в которых ты так и остался трофеем ученых маньяков. Это плохо?

Бородавочник снова усмехнулся, обнажив свои огромные зубы. Я пожал плечами.

Ну чем он еще недоволен? Я буквально из кожи вылез, чтобы спасти его.

- А смысл? - промолвил любитель гигантских бифштексов. - Зло так и осталось. Ты просто перетащил себя любимого и меня заодно в лучший вариант будущего.

- Неблагодарный, - с чувством сказал я.

- Еще какой! - подтвердил Бородавочник. - Подумай, ради чего ты старался? Не для личных целей?

- К чему ты клонишь? Фактически, мне пришлось создать одно из ответвлений. Одним больше, одним меньше.

- Твое умение воздействовать на невременье сохранилось, и, значит, можно попытаться исполнить мечту каждого честолюбивого человека.

- Получить власть над миром?

- Почему бы и нет? Ко всеобщему благу, конечно.

Я не удержался и процитировал строчку, где-то мной вычитанную:

- «И тогда все станут веселы, счастливы, свободны, и у каждого будет не менее трех рабов»?

- Ну почему ты так? - обиделся Бородавочник. - Я имел в виду совершенно другое.

- Что бы ты не имел в виду, кончится все именно так, - сказал я. - Согласно человеческой природе.

- А если попробовать? Кто нам запретит? - встрепнулся мой товарищ.

- Не буду даже и пытаться.

- Но добро...

Я покачал головой.

- Кто сможет определить границу между добром и злом?

- Ты, конечно, поскольку точно видишь последствия поступков, можешь просчитать их.

- И это дает право карать и миловать? Не думаю.

- Ты уверен?

- Иди поплавай! - буркнул я. - Учти, у нас есть по крайней мере одно важное дело, но для начала необходимо сходить на охоту, пополнить запасы еды.

Потребовалось время, чтобы эта мысль полностью завладела Бородавочником. А когда он переключился на нее, как я и ожидал,

глаза его вспыхнули, а рот плотоядно приоткрылся.

- Большая охота... - пробормотал он. - Дичь... много свежего мяса... игуанодонт или трицератопс?

- Учитывая твой аппетит, - согласился я, - дичь должна быть большой.

- А какое важное дело?

- Надо привести в порядок один закуклившийся участок времени.

- Каким образом?

- Мы что-нибудь придумаем. Но сделать это надо, поскольку там небезопасно.

- А когда мы отправимся на охоту? Сейчас?

- Начинай собираться.

- О, я принесу тебе универсальное ружье! Очень умная штука. Выменял в прошлый раз у Мироныча.

Бородавочник помчался по направлению к дому, а я лег на спину, закинул руки за голову и посмотрел на солнце. Находишь наше логовище в самом начале сотворения мира, жить в нем было бы не очень-то комфортно. Когда я выбирал место для своего дома, мне понравилось именно это время. Свежий воздух, чистый пляж, вкусная вода. Здесь, кстати, уже стала появляться кое-какая живность, но крупных хищников пока нет. Начало мира живых существ. Истинное начало времен.

Чем я займусь после того, как мы разберемся с тем фрагментом, в котором неосторожных путешественников поджидают, словно пауки, «умелая сиделка» и «добрый доктор»? Придется снова заняться собирательством, сделав его смыслом жизни?

Небо раскинулось гигантским шатром, отделив мой уютный и теплый мир от холода и пустоты космоса. Не было в нем ни единой крылатой тени. Лишь облака, словно чьи-то потерянные, утратившие форму воспоминания, теперь уже и не пытающиеся найти своих хозяев, медленно дрейфовали в высоте. Счастливы ли те, кто породил их? Кто они? Уж конечно, не люди, поскольку нас здесь всего двое. Кто тогда? Холмы и море, горы и реки? Так ли не правы были древние, одушевлявшие их?

Я рывком сел, несколько раз провел ладонью по голове, стряхивая с волос песчинки.

Нет, по невремению я больше путешествовать не стану. И значит, незачем погружаться в состояние, при котором это возможно. Постепенно все войдет в свою колею, а пока следует контролировать себя. И пора заняться делом. Мясом запастись, например. Благо, в роли холодильника можно использовать ледники Антарктиды. Понадобился кусок свежатины - шагнул в дверь и отрезал. Захотел пива - пожалуйста, там же гора ящиков, взятых с брошенного командой корабля со стандартным, незапоминающимся названием минут за десять до того, как он ушел под воду.

Все прелести жизни вольного собирателя. Мы пользуемся ими, не задумываясь. Однако за все в этой жизни надо платить. Как возникли попрыгунчики - создания, живущие по тем же принципам, что и мы? Эволюционировали? А что, если все было по-другому? Жила-была некая раса, а потом деградировала, сохранив лишь навыки, необходимые для поиска пищи? Откуда родом попрыгунчики? Из прошлого или из будущего?

Да нет, не могут они быть нашими потомками. Хотя подобное с собирателями мусора может случиться.

- Держи, это тебе.

Штука, оказавшаяся у меня в руках, выглядела внушительно. Ложе его усеивали всякие там кнопочки и панельки, а экран на прикладе указывал на наличие кибермозга. Подтверждая это, ружье тут же заявило:

- В песок? Меня? Вы что, мухоморов объелись? Я не для этого. Начинается...

- Так, приказываю молчать! - велел я.

- Повинуюсь, но должно отметить, чести вам это не делает.

Тут ружье заткнулось. Это меня несколько удивило. Подобные говорливые штуки остановить бывает трудно.

- Что, не нравится? - удивился Бородавочник.

Его улыбка на мгновение стала ехидной. Или мне это почудилось?

- Нет, - ответил я. - Можешь оставить его себе, а мне верни мой старый добрый мушкет. Он хоть и заряжается со ствола, зато у него нет дурной привычки заводить разговор о погоде в самый неподходящий момент, когда ты только прицелился и осталось лишь спустить курок.

- Консерватор, - буркнул Бородавочник.

- В бунгало! - приказал я. - Где стоит мушкет, ты знаешь.

Бородавочник отправился выполнять приказание. Я же продолжил свои размышления.

Получается, что мы, вольные собиратели, должны приложить все усилия, дабы не повторить судьбу попрыгунчиков. Для этого надо приносить пользу другим. Уничтожать ловушки и разрушать петли времени? Что еще? Было бы желание, а работа найдется.

Вернулся Бородавочник и, сунув мне в руки мушкет, деловито спросил:

- А что мы будем делать потом, после того как покончим с твоим важным делом?

- Потом... потом, думаю, надо будет вернуться в поселок и поговорить с его жителями, - сказал я. - С Баламутом, например, и с тем же Миронычем. У меня есть, что им сказать об их будущем... и о некоторых возможных перспективах. И есть, что предложить.

- Пугаешь ты меня, - пробормотал Бородавочник.

- Мне и самому иногда страшно, - признался я. - Но надо двигаться дальше, иначе...

РАДЖНАР ВАДЖР

ПЯТЬ КОРОБОК ДЛЯ ДОКТОРА

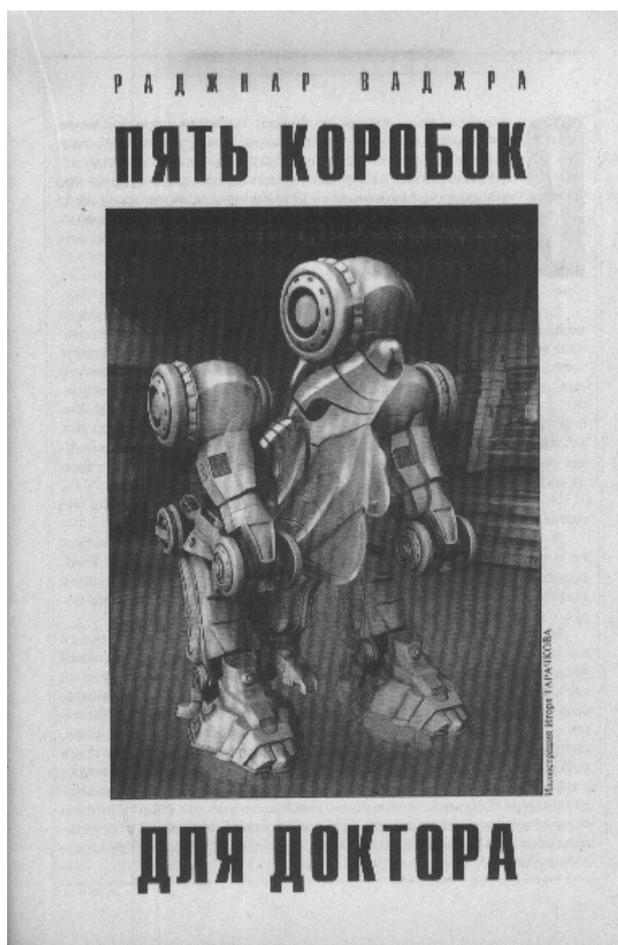

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Вы не первый человек в городе, который спросил меня, на какой это безумной штуковине я теперь езжу. Но вам, пастор, если не возражаете, я хотел бы рассказать всю историю целиком. Никогда не мог совершенно откровенно сообщить о некоторых ее деталях даже Санни: моей жене и так пришлось немало пережить. Вы располагаете временем? В таком случае, полагаю, нелишним будет начать со взрыва.

Если бы вы спросили меня в ту среду, я бы ответил, что все соседи ненавидят мою клинику, кроме вас. А Санни просто немного нервничала из-за нее, по крайней мере так она утверждала. Миссис Мерфи, живущая прямо через дорогу от главного здания, никогда не жаловалась, а наш сын Алекс даже назвал ее «клёвой» - это слово он подцепил у одного из необычных пациентов моего заведения. Конечно, Эмбер Мерфи страдает слабоумием после нескольких инфарктов, а Алексу недавно исполнилось восемь лет. И хотя я говорю откровенно, что не положено человеку моей профессии, мне и самому эта клиника немного надоела.

И все же меня удивило, что кто-то ненавидит ее так сильно, что пытается меня убить.

Я оторвался от мостовой на стоянке, уставился на тлеющие останки моей почти новенькой машины, а потом повернулся к Тад. Инопланетянка продолжала сжимать мою правую руку выше локтя своей конечностью, которая была длиннее человеческого торса. Плечо болело, и я тяжело дышал, но по крайней мере дышал.

Моя инопланетная спутница, женская особь-1 вапабондов, родом из неправильного, по сложившемуся у меня убеждению, конца нашей Галактики, смотрела на меня сверху вниз своими большими карими глазами с гримасой, которая могла означать, а могла и не означать, сочувствие. Вы никогда не видели вапабондов? Представьте себе гориллу в два раза выше обычной с волосатыми руками и ногами, но прибавьте к этому торс, покрытый чешуей броненосца, который раздувается и сжимается с каждым вдохом и выдохом, и голову моржа с тремя загнутыми вниз клыками. К этому добавьте обувь 33-го размера, удивительно напоминающую гуачи, в качестве единственного предмета одежды, и едкий запах, который может показаться сексуальным разве что слону. Это позволит вам получить примерное представление о моей спутнице.

- Откуда вы узнали, Тад? - спросил я ее. В тот момент я лишь слегка встревожился. Произошедшее казалось слишком сюрреалистичным, чтобы принять его всерьез. Кроме того, возможно, моя первая догадка была неверной, и топливные элементы автомобиля загорелись по какой-то случайности, а не по злему умыслу недоброжелателя.

- Запах. Взрывчатка, - ответила она, отпуская наконец мою руку.

Тадетраулагонг была существом, произносящим мало слов, или, скорее, мало слов за один раз. Предполагалось, что она бегло говорит по-английски и по-испански, но догадаться об этом было невозможно; вероятно, строение ее челюсти и клыки мешали пережевывать человеческие языки. Когда Тад была в настроении, она выполняла обязанности медсестры, а официально числилась охранником клиники.

Сейчас она прибавила к своему резюме нечто новое: телохранитель.

Крохотные прямоугольники небьющегося стекла сверкали на парковке, словно тучные снежинки. Я тряхнул головой, и несколько осколков выпало из волос.

Хлопнула дверь. Я оглянулся и увидел, как выбегают из домов соседи - несомненно, в надежде, что клиника взлетела на воздух, а не из желания насладиться приятным осенним днем. Должно быть, они испытали ужасное разочарование, судя по тем взглядам, которые я на себе ощутил. Даже милая старушка Эмбер Мерфи нахмурилась в мою сторону.

Я почувствовал прилив крови к голове вместе с приступом страха, когда реальность случившегося начала проникать сквозь туман в мозгу. Мне также пришло в голову, что я проявляю неблагодарность.

- Вы спасли мне жизнь, Тад. Спасибо.

- Пожалуйста.

Если бы она сегодня не решила проводить меня до стоянки, что не входило в ее привычки, моим соседям пришлось бы искать другой объект ворчания, и я вполне оценил усилия великанши. Приятная перемена, поскольку она дала мне три причины для головной боли с тех пор, как стала моей сотрудницей.

Ступням в ботинках было необъяснимо тепло, поэтому я поднял одну ногу и обнаружил, что каблук сзади изрядно скошен. Очевидно, трение стало тому причиной. Теперь, когда я знал, что искать, легко было заметить длинный двойной след черной резины, тянущийся от останков злосчастной машины до моего нынешнего местонахождения. Все это подтверждало мои смутные подозрения. Самая нелюбимая из служащих клиники оттащила меня назад метров на двадцать от «вольво-гидро» в тот момент, когда я нажал кнопку, чтобы открыть ее. Я даже не успел удивиться, почему меня вдруг стремительно понесло назад, как раздалось: бум!

Я помахал соседям рукой, извиняясь, потом по АБД связался с Санни и попросил ее забрать нашего Алекса. Естественно, она мне напомнила, что сегодня моя очередь выполнять эту важную задачу, но я объяснил супруге, что моя машина неисправна, из осторожности избегая произносить слово «взрыв». Она испустила обычный тяжелый вздох долготерпеливой женщины, но согласилась поехать. Между прочим, в автомобильных правах жены значится имя Соня, но я вам этого не говорил.

Когда она отключилась, стресс, наконец, обрушился на меня в полную силу. Если бы я пользовался старомодным внешним спутниковым телефоном, а не АБД, я бы уронил аппарат. У меня тряслись руки, подгибались ноги, и я устоял на них только потому, что Тад снова крепко держала меня. Именно тогда я услышал приближающиеся сирены и понял: разваливаться на куски рано.

Впечатляющее явление: шесть полицейских автомобилей, две кареты «скорой помощи», черный седан без опознавательных знаков, пожарная машина и отставший на одну наносекунду большой фургон со взводом городских саперов. Пятеро в мундирах огородили стоянку зелеными конусами и желтой лентой. Празднично. Еще трое занялись то ли сдерживанием толпы, то ли записью показаний местных жителей. После того как парамедики объявили меня недостойным поездки в машине «скорой помощи», два мрачных чиновника в темных костюмах допросили меня и попытались (безуспешно) допросить Тад. Один из них, детектив Ленц, явно считал, что во всем виноват я. Вероятно, один из соседей. Он то сердито смотрел на меня, то пялился на вапабонда так, словно собирался вызвать ее на схватку по армрестлингу.

К счастью, другой мелкий чиновник от сил правопорядка - детектив Карл Береш большую часть вопросов задавал сам и оставался вежливым (в разумных пределах), хотя по морщинам на его лице я догадался, что у этого человека аллергия на веселье. Наш маленький диалог начался неловко, мы исполнили дуэт собеседников, который стал для меня таким привычным, что я мог бы исполнять его во сне и, вероятно, исполнял.

- Доктор Ал Моргансон? - спросил он для проформы.

- Друзья зовут меня Ал. Сокращение от Алансо.

Он бросил взгляд на Тад, потом снова посмотрел на меня.

- Не хочу показаться невежливым, но вы и есть тот человек, которого называют «инопланетный доктор»?

- Боюсь, что да. - И это так раздражает, ведь здесь я вовсе не инопланетянин.

- Вы владелец и сотрудник... - он заглянул в предмет, практически считающийся инкунабулой после АБД-революции, то есть настоящий бумажный блокнот, - Центра Моргансона для страдающих созданий?

Не я выбрал это название, и оно всегда заставляло меня морщиться.

- Всего лишь сотрудник; его владелец - Консорциум трейдеров.

Он не стал записывать этот существенный факт, служивший оправданием для психиатра.

- Нам нужен полный список ваших нынешних и бывших клиентов, людей и... всех остальных.

Я пожал плечами.

- В этом месяце у меня лишь одна клиентка с другой планеты, и она здесь почти со дня открытия. - Тяжелый случай. - И я уверен, что никто из моих пациентов-людей...

- Нам нужно исключить любую возможность, - учтиво произнес он. - Это рутина, и она приносит свои плоды. В ваших интересах позволить нам выполнять свою работу.

Я быстро обмозговал слова детектива.

- Ладно, мой секретарь в приемной передаст вам этот список, но вы понимаете, что я не могу обсуждать своих пациентов.

Взгляд его глаз, и без того уже холодный, опустился ниже нулевой отметки.

- Не сомневаюсь. Но вы можете рассказать нам все, что укажет определенное направление? У вас есть враги? Как насчет этой инопланетной пациентки?

- Игнорируйте это направление: она не... функционирует. Что касается врагов, в округе меня не считают «доктором Популярность», но не могу поверить, чтобы кто-то реально пытался меня убить. - Мой голос звенел от недостатка искренности. - Сейчас, детектив, меня больше всего волнует безопасность собственной семьи.

Он оскалил зубы, возможно, симулируя улыбку.

- Конечно. Мы позаботимся о защите вас и ваших близких, пока не найдем виновника.

Но когда дым рассеялся, сыщики смогли установить только то, что «зажигательное устройство» было заложено так, чтобы сработать в тот момент, когда я открывал машину. После чертовски тщательной проверки клиника и прилегающая к ней территория были объявлены свободными от бомб. Съёмочные группы из службы новостей явились как раз тогда, когда мою бывшую машину увозили на громадной платформе с подъемным краном, но допрашивавшие меня копы увели меня от камер, а потом отвезли домой. Мы подождали в патрульной машине, пока саперы и собака, похожая на Гуфи, осмотрели мой дом и участок. Сегодня я, несомненно, извлекал максимальную пользу из своих долларов, отданных в уплату налогов. Вскоре явились жена и сын, и когда Санни услышала правду, она побледнела и вцепилась в Алекса и в меня хваткой, не уступающей Тад.

Трое наших новых приятелей с бляхами не давали нам скучать в течение следующих четырех часов. Мы угостили их кофе и домашним печеньем Санни.

Шоколадное печенье подходило к концу, когда еще четверо вооруженных полицейских присоединились к веселью: два особых агента ФБР мужского пола, Данн и Миллер, которые согласились только на кофе, и еще двое официальных лиц, Смит и Джоунз, представляющих некую непонятную организацию. Эти последние - Смит, белая женщина, и Джоунз, прямая ее противоположность, - были немногословны и отказались от угощения. Вскоре все четверо сгрудились, а потом Смит отделилась от всех и сообщила мне, что квартет желает допросить меня немедленно. Она нехотя призналась, что по закону обязана информировать меня: предстоящая беседа будет записываться не только системами АБД агентов, но также - ибо какое правительство не любит излишнего дублирования? - точечными камерами, незаметно размещенными на их телах. Все записывающие

устройства моего собственного АБД, прибавила она, уже временно заблокированы при помощи правительственных электронных средств. Я проверил это, отдав мысленную команду на запись, и был вознагражден сообщением о неисправности связи, промелькнувшим перед моим внутренним взором. Смит кивнула, словно тоже увидела это сообщение, и выразила надежду, что неисправность моего АБД не доставит мне больших неудобств. Я пообещал пережить огорчение от невозможности записать изображение агентов на память.

Затем агент Джоунз потребовал, чтобы я предоставил им помещение для допроса, и вся четверка проследовала за мной в столовую, где Данн закрыл французские окна, так что тем, кто подслушивал, пришлось напрячь слух.

Мы все уселись вокруг стеклянного обеденного стола. Джоунз возглавил инквизицию, а остальные наблюдали за мной сосредоточенными взглядами художников-портретистов. Я не понимал возникшего в комнате напряжения, но оно меня тревожило.

- Четырнадцать месяцев назад, доктор, - начал Джоунз, - НАСА потратило почти миллион долларов, чтобы отправить вас на корабль-матку тсф-трейдеров, который в тот момент находился на окололунной орбите. Объясните нам, как это случилось и что с вами произошло на данном корабле.

Это проверка?

- *Корабль-родитель*, а не корабль-матка. - Может быть, я устрою свою проверку. - Хотите знать почему?

Я сделал вид, что их отрицательное ворчание означает «да».

- Они развивались как хищники на планете с настолько скудными пищевыми ресурсами, что им приходилось жить маленькими изолированными группами до тех пор, пока они не выработали достаточно социальных навыков, чтобы выращивать животных себе в пищу. - Я знал об этом только потому, что, когда начал работать на трейдеров, они рассказали мне кое-что из своей семейной истории. В результате такой эволюции каждый тсф, если он не в состоянии беременности, меняет пол через несколько наших месяцев: важная особенность для выживания небольших групп, сексуальное распределение в которых может быть таким неравномерным, что...

- Неплохо было бы, - перебил меня Джоунз, - сосредоточиться на вопросах, имеющих отношение к делу.

- Конечно. Извините. - Но на самом деле я не чувствовал себя виноватым. Проверка показала, что агенты здесь не ради общего улова. - Но зачем вы спрашиваете о моем маленьком приключении? У этой истории уже борода выросла, и видит бог, о ней достаточно много сообщали в информационных сетях.

Еле заметно поджатые губы Джоунза означали, что он нахмурился - однако приятно было видеть, что выражение его лица способно

меняться.

- Вы могли не придать значения какому-то важному факту. Доктор, дело пойдет быстрее, если вы просто ответите на наши вопросы. Как вы оказались на корабле-родителе?

Я пожал плечами.

- Разведчики тсф спасли трех разумных существ, потерпевших кораблекрушение. Бедолаги относились к разным инопланетным видам, о которых даже трейдеры никогда не слышали, и все они выглядели безумными. Поскольку люди, очевидно, пользовались у трейдеров репутацией самых больших невротиков в Галактике, руководители тсф решили, что психотерапевт с Земли мог бы...

- Я не об этом спрашивал, доктор. Почему именно вы?

- Я работал на НАСА с 2020 по 2024 год, оценивая потенциальных астронавтов. И когда ООН передала в НАСА просьбу тсф, я уже прошел проверку на благонадежность. К тому же не столь много психиатров имеют такую хорошую физическую форму, чтобы выдержать запуск в космос. Или выжить в условиях высокой гравитации на космическом корабле тсф. Или два раза отжаться.

- У вас прежде были отношения с трейдерами?

- Никаких. Мне пришлось многому учиться. Но я с самого начала понял: эта миссия абсурдна.

Нахмуренность Джоунза испарилась.

- Почему же вы за нее взялись?

- Не каждому выпадает такая возможность.

Я скормил им ответ, из которого отфильтровал все сложности. Не считая уникальности подобной возможности и давления со стороны правительства, способного выжать морковный сок из яблок, я взялся за эту работу ради славы оказаться первым человеческим существом, посетившим корабль-родитель, и потому что боялся, что какой-то другой психотерапевт вообразит, будто у него хватит квалификации, чтобы оценить состояние инопланетян.

Он кивнул.

- Перейдем к вашему пребыванию на корабле-родителе.

Я провел их галопом по всем событиям, коротко описав трех моих подопечных и признавшись, что мне вовсе не пришлось напрягать психиатрические мускулы ради выздоровления пациентов, так как, с моей точки зрения, никто из предполагаемых больных не страдал психическими заболеваниями. Их проблемы были более приземленными. Я также признал, что моя незаслуженная тройная победа стала результатом большой удачи помощи «мозга», изготовленного по военной технологии и соединенного с АБД - имплантированным администратором базы данных.

- Трейдеры заплатили вам, пообещав в дальнейшем новую технологию? - заключил Джоунз.

Значит, он знает. Это меня вовсе не удивило, хотя в своем отчете о выполнении задания я просил НАСА не разглашать некоторые детали. К чему мне слишком большая известность?

И никогда еще я не был так прав. Собственно говоря, если вы хотите выслушать исповедь об остальных минутах моей слишком долгой славы, я к вашим услугам. Что за технология? Сочту за лучшее опустить эту часть. Я бы предпочел не обременять вас не относящимися к делу подробностями.

Лицо Джоунза казалось вырезанным из оникса, пока он ждал моего ответа, но под маской чувствовалось напряжение.

- Они заявили, что эта технология - награда за мой успех. Но я подозреваю, что она предназначалась для того, чтобы поскорее получить мое согласие на эту работу.

- Что именно они предложили?

- Основать клинику рядом с моим домом, создать в ней разные типы среды обитания, обеспечить ее персоналом и поставлять мне самых интересных пациентов, которых тсф находят во время галактических путешествий. Они сказали, что я могу лечить там же и пациентов-людей, если пожелаю.

- Еще какие-нибудь особенности?

Я невольно перешел в оборону:

- Никаких. Честно, в то время данный план казался мне превосходным.

- Что они надеялись получить от этого предприятия?

- Мои неоценимые услуги в качестве торгового актива.

- Вы упомянули, что их предложение *казалось* превосходным.

Я объяснил. Возбужденный триумфом, испытывая головокружение после одного из своих самых удачных дней, и ослепленный открывшимися возможностями, я принял их предложение, не выпытав у трейдеров всех подробностей. Я не спросил, какой именно «персонал» они имеют в виду и насколько близко от моего дома будет расположена клиника, как я смогу платить моим новым сотрудникам, какой кров им предоставлю, чем стану кормить и должен ли я платить налоги на собственность или за аренду нового здания. Все это доказывает, что три славные победы не были результатом моего собственного ума.

- Тсф - честные существа, - добавил я, стараясь говорить как можно менее ворчливо, - но когда имеешь с ними дело, следует изучить и полностью понять все условия сделки. Если ты этого не предпринял, то попался: они просто выбросят из головы устные договоренности, как участники Крестовых походов позабыли о Святом Граале.

- И как все получилось?

Как хороший концерт на плохом рояле, но я в этом не признался.

- Могло быть и хуже. Мои новые работодатели взяли на себя расходы

по строительству, налоги, заработную плату и обеспечение моих сотрудников питанием, а также выделили мне хороший ежемесячный гонорар. Но они также прибегли к помощи ФБР, чтобы обойти зональные и строительные законы, поставили клинику всего в четырех кварталах от моего дома и возвели ее за два дня при помощи действительно инопланетной строительной техники.

Джоунз бросил быстрый взгляд на Смит и отвел глаза.

- Опишите эту технику. Как мы понимаем, всем показалось, что клиника построила сама себя.

- Правильно. Вапабонды - народ, торгующий с трейдерами, - разработали эту методику. Моя охранница - представительница вида вапабондов.

Больное место.

Будь у меня возможность сначала поговорить с Тад, я бы не нанял ее даже выгуливать своего хомячка, но она досталась мне в рамках торгового соглашения, вот и все. Я не собирался жаловаться слишком громко: остальных сотрудников выбрали довольно успешно, работодатели даже выполнили мою просьбу присылать только те виды существ, которые способны усваивать человеческие языки так, как мои жировые клетки усваивают мороженое: я не хотел, чтобы персонал клиники зависел от искусственных переводчиков.

- Продолжайте, - потребовал Джоунз.

- Вапабонды строят здания с помощью макромайтов. Это слово придумал мой секретарь, соединив слова «майт» и «макраме». Макромайты - полуограниченные машины, похожие на крабов размером с блоху. Они поддерживают связь друг с другом и со своими программистами при помощи микроволн и способны размножаться быстрее, чем сплетни. Странность заключается в том, что основным строительным материалом служат они сами. Моя клиника, в том числе полы, стены, потолки, двери, водопроводные трубы, даже электропроводка, почти целиком состоит из сцепленных друг с другом макромайтов, собравшихся в единое целое. Даже то, что выглядит, как стекло, является специально выращенными макромайтами. Все здание возвели за два дня, а это не маленькое сооружение.

Я услышал, скорее почувствовал, как по комнате пронеслось эхом выдохнутое четыремя глотками: «Ага!».

- Могло ли достаточно большое количество этих машин отделиться от здания, чтобы переместить предмет значительных размеров? - спросил Джоунз нарочито небрежным тоном.

- Возможно. Что вы имеете в виду под «значительными размерами»?

Он проигнорировал вопрос.

- Способны они замаскировать такой предмет на время транспортировки?

Я озадаченно покачал головой.

- Сомневаюсь.

Я взглянул на Смит, которая громогласно вздохнула, но, немедленно спохватившись, принялась снова изображать портретиста. Возбуждение улеглось и сменилось таким же ощутимым разочарованием.

Лицо Джоунза оставалось непроницаемым.

- Поскольку ваша клиника так близко, почему вы сегодня не пошли на работу пешком?

- Вы думаете, я ленив и не забочусь об экологии? Да, я ленив. Мне надо было прямо из клиники ехать в школу, чтобы успеть забрать сына вовремя. Однажды, во втором классе, я на пять минут опоздал, и его учительница наградила меня таким взглядом, что Гитлер покраснел бы от стыда.

Никто не рассмеялся в ответ на мое остроумие.

- Как я понимаю, деятельность клиники вызывала недовольствие некоторых местных жителей?

- Это слишком слабое утверждение.

Он потер свой волевой подбородок.

- Расскажите почему.

Я выбросил на ветер несколько секунд, рассматривая его лицо.

- Отчасти потому, что сотни любопытных каждый день проезжают о-о-о-очень медленно мимо этого места, вызывая постоянное раздражение других водителей. К тому же в городе - прошу прощения за непрофессиональное выражение - немало чокнутых. Но главное, люди боятся, что безумные и потенциально опасные инопланетяне могут запрыгнуть, или залететь, или прокопать ходы, или просочиться к ним на задний двор.

- Вы знаете о каких-либо контактах между вашими соседями и внеземными существами, кроме тех, которые работают у вас?

- Боже правый, нет! И почти никаких контактов с моими сотрудниками. К чему вы клоните?

Смит легонько постучала пальцами по обеденному столу. Джоунз не взглянул на нее, но сел по полной выправке.

- Владеют ли ваши подопечные какой-либо формой телепортации?

- Нет, насколько я знаю. Ваши вопросы становятся все более странными.

- Вернемся к тем пациентам, которым вы помогли на корабле-родителе: расскажите нам побольше о первом из них.

- Как я уже говорил, он смахивал на помесь...

- Извините, доктор. Вы упомянули о том, что он мог настолько дематериализовываться, что проходил сквозь стены. Как вы считаете, он был способен манипулировать твердыми объектами в таком состоянии?

- Если под словом «манипулировать» вы подразумеваете «брать их в

руки», то я не понимаю, каким образом.

- Гм-м. Тогда можете добавить что-нибудь относительно вашего третьего пациента?

Три наблюдающих агента подались вперед примерно на миллиметр. Я озадаченно посмотрел на Джоунза.

- Не очень. Он был практически плоским, когда я пытался диагностировать его заболевание, и я не видел его... снова надутым.

- В вашем отчете говорится, что этот пациент, возможно, прибыл из другой галактики. - Мое ухо врача уловило напряжение под гладкой поверхностью его голоса.

- Такой вывод сделали трейдеры. После выздоровления этого существа они получили подтверждение своей теории, а также подозрения, что раса пациента, как и они сами, занимается торговлей в колоссальных масштабах.

- Потенциальные конкуренты?

Я кивнул.

- А также потенциальные сотрудники. Думаю, основная причина того, что тсф привезли меня на корабль-родитель, кроется именно в этом пациенте. Последнее, что я слышал: они добились успеха в общении с ним и даже узнали его имя и название его расы - хуук. По крайней мере так я его произношу. Трейдеры скажут от возбуждения по поводу...

- Вы когда-нибудь видели признаки того, что этот хуук, в качестве вашего первого пациента, обладает... необычными способностями?

У меня по спине пробежал холодок, мое подсознание включилось раньше меня.

- Вспомните, я даже не видел его после... погодите!

Странно, как один намек вслед за целым парадом намеков может превратить непонимание в ясное осознание:

- Вы полагаете, хууки ведут грязную игру, имеющую целью срыв работы трейдеров на Земле?

Джоунз ничего не ответил, но и отрицать не стал.

Я покачал головой:

- Забудьте. Если размах операций хууков хотя бы в два раза меньше, чем у трейдеров, мой маленький бизнес все равно настолько незначителен, что не стоит их внимания... А почему, собственно, вас это насторожило?

Джоунз взглянул на Смит и получил в ответ кивок.

- Вы знаете о том, - спросил он, - что ваша клиника находится под круглосуточным правительственным наблюдением?

Я этого не знал, хотя считал разумным: власти должны быть в курсе дела на случай неприятных инцидентов между инопланетянами. А наличие видеосъемки стало для меня просто ослепительным лучом надежды.

- Значит, у вас есть видеозапись изображения подрывника?

Джоунз издал самое тихое фырканье в истории подобных звуков.

- В этом-то вся проблема. Насколько мы смогли установить, никто не приближался к вашему автомобилю с той минуты, когда вы его припарковали, и до того момента, когда вы запустили детонатор кнопкой своего ключа. Поэтому мы должны рассматривать возможность действий инопланетян.

Я уставился на агента:

- А разве злоумышленники не могли подложить взрывчатку раньше? Или, возможно, не сигнал от ключа привел в действие механизм, а кто-то взорвал машину дистанционно.

- Наши коллеги, - он кивнул в сторону двух агентов ФБР, - и полиция изучают эти варианты. Тем не менее оперативные работники нашли следы металла, позволяющие предположить, что к замку вашего автомобиля были подведены провода, но никаких признаков таймера не найдено, что объяснило бы ваш благополучный приезд в клинику. И мы сомневаемся, что место размещения взрывчатки было выбрано наугад.

Теперь нахмурился я.

Расспросы возобновились, но так как кота уже выпустили из мешка, а я не мог прибавить ничего полезного, то разговор вскоре иссяк. Беседа закончилась на мрачной ноте: Смит наконец отверзла уста и в резкой форме потребовала ничего не говорить полицейским о возможности участия в деле инопланетян.

Мы перебрались в гостиную, где Санни проявила свою обычную утонченность и учтивость, хотя я видел, что она потрясена. Внезапно на нее обрушился шквал телефонных звонков: нам пришлось сортировать их при помощи АБД и отвечать только на самые срочные. Мой страховой агент был недоволен.

* * *

В ту ночь патрульная машина осталась у моего дома, а наша семья пыталась уснуть. Мой мозг отказывался отключиться хотя бы на секунду, и я знал: Санни тоже бодрствует. Утром патрульная машина, очевидно, размножилась, так как теперь их стало три. Одна из них отвезла меня на работу, и два ее молчаливых обитателя, полицейские Филипс и Браун, проводили меня до входной двери, где притаился Брэдли С.Пирсон, мой дорогой сосед, с какими-то бумагами под мышкой. Рядом с ним стояла женщина-полицейский. Я почувствовал, как у меня резко подскочило давление. Вы никогда не встречали Брэда? Вам повезло. Благодаря этому человеку я пережил четыре бурных собрания городского совета и несколько неприятных моментов на сходках жителей города.

- Рад видеть вас, Ал, - протрубил он. - Великолепное утро, не так ли? Эту хорошенькую леди рядом со мной зовут Кэти Беннет. - Женщина-полицейский осторожно кивнула, потом подмигнула своим товарищам-полицейским, но ничего не сказала. - Я не хочу причинить вам никаких неприятностей.

Брэдли всегда старается излучать искреннее участие и быть приятным, но ему это никогда не удается. Он похож на жердь, у него бледное и слегка веснушчатое лицо, слишком высокий лоб, редкие, коротко стриженные светло-каштановые волосы, жалкие усики, едва прикрывающие ложбинку над верхней губой, и неудачное сочетание длинного, очень тонкого носа с большими водянистыми голубыми глазами. Обычно от него пахнет растворителями, и сегодняшний день не исключение; возможно, в качестве хобби он клеит миниатюрные модели исковых заявлений в подвале.

- Каких именно неприятностей вы не хотите причинить мне сегодня, Брэд? - спросил я.

Он отмахнулся костлявой рукой, отметая любую вероятность обиды с моей стороны.

- Поверьте, Ал, ничего личного. Просто мы все должны заново оценить сложившуюся ситуацию; я уверен, вы это понимаете.

Копы, стоящие по обеим сторонам от меня, выражали нетерпение и делали это очень выразительно.

- О чем вы говорите, Брэд?

- Этот взрыв вчера. Мог пострадать ребенок. Мы больше не можем мириться с такими вещами.

- Согласен. Поэтому власти расследуют этот взрыв, и поэтому полицейские машины стоят здесь с момента взрыва, и поэтому эти два джентльмена сопровождают меня сегодня утром. И также поэтому сотрудница полиции Беннет так пристально наблюдает за интересующими их лицами.

Он проигнорировал мою шпильку и снова махнул рукой, слишком близко от моего лица.

- Этого недостаточно! Послушайте: несколько добрых друзей пришли ко мне с этой петицией. - Широким жестом он вытащил документ. - Ну, я не хотел нести ее вам, но вся община настаивала, и я не мог их разочаровать. Вы видите, как много здесь подписей? - продолжал он, не замечая многозначительных взглядов, которыми обменялись полицейские.

Я уже насчитал двадцать пять имен на первой странице и не хотел переходить к страницам 2, 3 и 4. И старался не допустить, чтобы мое чувство вины переросло в ярость.

- Брэд, мы это проходили уже сто раз. Я всегда понимал вашу озабоченность, но не я выбирал место для размещения клиники. Я убедительно просил своих работодателей переместить ее в другой

район, но они отказались на том основании, что земля уже приобретена.

- Почему бы вам не уволиться ради нашей общей безопасности?

Это мы уже тоже проходили.

- Наше правительство и большинство других правительств планеты настаивают, чтобы здесь работал именно я. Единственная причина, по которой городской совет еще не закрыл нас, - давление со стороны Вашингтона. Вы имеете представление, насколько важны для нас тсф? Насколько выгодно нам их доброе отношение? И какой трагедией было бы...

- Слышал, слышал... Я знаю лишь то, что написано в этих бумагах, и вы должны их внимательно изучить. Вот ваш экземпляр, оригинал у меня. Извините за откровенность, это - аргумент в гражданском иске, который, как я слышал, вам грозит, и данный процесс способен сильно навредить вам.

Он вздернул свой хилый подбородок, чтобы посмотреть на меня свысока или, может быть, изобразить благородство.

- Это все, что я могу сказать вам в данный момент.

Резко откинув голову и рискуя тем самым потерять равновесие, Брэдли прошагал мимо меня между двумя моими контрфорсными арками и направился к тротуару.

Сотрудница полиции Беннет препроводила его на другую сторону улицы, а затем села в припаркованную машину без опознавательных знаков.

Полицейский Браун посмотрел на меня и протянул руку. Я понял сей жест и вручил ему петицию.

- Как любезно со стороны Брэдли составить список подозреваемых, - сказал я и в ответ получил намек на улыбку. Я прошел к двери в свое беспокойное святилище.

Я наблюдал, как копы осматривают все вокруг: абсурдно просторную приемную, громадную и невероятно прозрачную стеклянную крышу, аквариум с морской водой на 450 галлонов, моего многорукого робота-уборщика, стоящего у станции подзарядки, оливковое дерево в натуральную величину и абстрактные скульптуры. Потом они широко раскрыли глаза, когда осознали, что фигура за стойкой регистратуры не является скульптурой.

Их руки потянулись к оружию, и я их понимаю. К моему секретарю Л нужно привыкнуть. Несомненно, в нем главная причина того, что большинство клиентов-людей предпочитают встречаться со мной в Каюте - моем маленьком офисе в задней части здания.

Л не такой большой, как Тад, и совсем не так странно выглядит, как вити Гара олМара, наша третья сотрудница; но он пугает людей сильнее, чем остальные. Трудно сказать почему. Дело не только в том, что части его тела буквально излучают эффективность, но они, за

исключением изменчивых глазных стебельков, совершенно неразличимы для людей - должен снова это отметить. И дело не только в его ауре абсолютной уверенности. Может быть, дело в его... зазубренности. В тех местах, где он не является откровенно зубчатым, его тело все состоит из зигзагов и острых, твердых поверхностей, отливающих металлическим блеском даже при самом тусклом свете. И самое странное то, что общее впечатление от всех этих углов и кромок наводит на мысль о чем-то угрожающе обтекаемом: возможно, акуле. Или о первой диснеевской модели «Наутилуса» капитана Немо. Но вам не нужно заранее ничего знать о большой белой акуле, чтобы нутром почуять: гладить ее небезопасно.

После восхитительно короткого колебания Филипс заставил себя подойти к стойке. Думаю, он планировал задать вопросы, но, когда приблизился к Л, мог только в упор глазеть на него. Через секунду он сморщил нос. При иных обстоятельствах я бы счел это комичным, ведь Л пользуется неким «обонятельным камуфляжем», постоянно маскируя запах своего тела под запах окружающей среды.

- Чем я могу улучшить вашу жизнь? - спросил у него Л, но Филипс просто развернулся и подошел обратно ко мне.

Браун оторвал глаза от Л и сердито посмотрел на меня.

- Мы еще четыре часа будем ждать снаружи, потом два других полицейских заступят на дежурство. Мы также охраняем вашу жену и ребенка.

- Хорошо, - ответил я. - И спасибо за все.

Именно в этот момент мой робот-уборщик решил, что просто не может больше проглотить ни джоуля. Он выдернул шнур из розетки и помчался к частичкам земли, которые принесли на обуви мы с полицейскими. Машина высотой в семь футов, размахивающая многочисленными стальными руками, была сконструирована тсф по их собственному подобию и производила сильное впечатление на непосвященных. Поэтому, если копы удалились чересчур поспешно, мы должны их простить.

Л вырастил конечность и помахал ею, желая привлечь мое внимание. Я подошел к его стойке.

- Такие невоспитанные прислужники. - Его голос несся из устройства, которое он носил в виде брелока, персонального усилителя голоса. Хотя Л умел имитировать практически любой вид звука и оказался гением в изучении языков, он нуждался в механической помощи, чтобы говорить достаточно громко для человеческих ушей. - Но я игнорирую их, так как у меня есть более интересные вопросы для обсуждения. Однако сначала я должен спросить, не нуждаетесь ли вы сами в лечении после недавней травмы?

- Я остался в здравом рассудке и привычно нездоровом теле.

- Радостная новость!

- Детективы просили список клиентов. Вы можете об этом позаботиться?

- С легкостью. И поскольку возник вопрос о списках, вы изучали свое новое расписание на сегодня? Я передал его вам час назад.

- Уверен, что мой АБД получил его, но я еще не смотрел.

- Тогда позвольте вкратце изложить. Я отменил прием всех назначенных пациентов на эту неделю, кроме вашей обычной ежедневной безрезультатной встречи с Корой.

- Вы это сделали? Но почему?

Невозможно поверить, что существо, столь чужеземное на вид, способно выглядеть самодовольным, но Л это удалось.

- Если ваши клиенты разлетятся на кусочки, это не будет способствовать их лечению.

Я протер усталые глаза.

- Вы напрасно беспокоитесь. Саперный взвод проверил здание от самой крыши, а полицейские со вчерашнего дня непрерывно следят за ним. - Я не упомянул о правительственном наблюдении и о невидимом подрывнике на вчерашних видео.

- Вам знакома поговорка: береженого Бог бережет?

- Вот как! Я вас понял.

- К этому подарку свободного времени прилагается дополнительный бонус! - Л переменил позу и приподнялся над стойкой, словно собирался запустить себя в космос. - Теперь у вас появилось свободное время, чтобы послушать рассказ о моем последнем открытии. Доктор, вам знаком термин «акроним»?

Я подавил стон.

- Конечно.

- Ага! А известно ли вам, что акронимы когда-то назывались телеграфными кодами? - Л воспользовался временной конечностью и указал на лежащую перед ним открытую книгу, одну из многих на его столе, среди которых было два тома компактного Оксфордского словаря английского языка. Л серьезно - можете назвать это одержимостью - пристрастился к изучению человеческих культур и языков, что, в свою очередь, превратило его в ужасного зануду.

- Этого я не знал, - признался я с полным отсутствием энтузиазма.

- Если пожелаете, вам нужно только запомнить слово АБКОРТАСС, что само по себе является акронимом, который означает... В данном контексте это также мнемоник! Мнемоник - это...

- Очень не хочется вас перебивать, - солгал я, - но что привезли в тех ящиках, вон там, в углу?

Пять больших коробок, о которых я спросил, были блестящими, желто-коричневыми и явно не из картона или дерева. Все они стояли рядышком, и это давало мне основание заподозрить, что они тяжелые.

- Новый пациент. Он, она, оно или что-то еще, не хочу гадать,

прибыло сегодня рано утром.

Я сердито посмотрел на Л.

- Почему вы не можете запомнить... Послушайте, вы должны вызвать меня, как только... о черт, неважно.

Я уже неоднократно ходил по этой дороге, и каждый раз она заканчивалась тупиком. Несмотря на все мои мольбы, просьбы и приказы сообщать мне о прибытии нового инопланетного пациента, Л никогда не отправлял эту информацию мне домой. У него всегда находилось какое-то разумное объяснение; может, настоящая причина была как-то связана с религией.

Возможно, я создаю у вас неверное впечатление. Я был высокого мнения об Л, и в большинстве случаев он замечательно справлялся со своей работой. Правда, его постоянные вербальные игры настолько устарели, что у них выросла не только борода, но и усы, но я любил послушать его рассказы о тех экзотических существах, которых он встречал, и о его собственной расе - покароллах. Его подход к вопросам психологии всегда завораживал. Пример? Ну, однажды он рассказал мне, что самое удивительное событие в жизни личности происходит, когда она рождается, или в данном случае вылупляется из яйца, и что вся последующая жизнь сводится к попытке справиться с этим шоком. Возможно, это правда, во всяком случае для покароллов. Но вернемся к моему рассказу.

- Как сюда попали эти коробки? - спросил я, пытаюсь разжать зубы.

- Торговец тсф привез их, - ответил Л.

Мой взгляд из гневного стал просто пристальным.

- Как давно это произошло?

- Три часа ноль минут и двенадцать секунд назад, - немедленно ответил Л, у которого есть внутренний хронометр.

- Что именно сказал этот тсф?

Переводчик выдал быструю последовательность щелчков: речь тсф. «Терпение, Ал», - сказал я себе.

- По-английски, пожалуйста.

- «Нажми-ка на клаксон, приятель, и передай Доку, что ему надо кое-что объяснить». - Да, это похоже на речь тсф. В их устройства для перевода втиснуты все клише, сленговые выражения, фразеология и жаргон, придуманные человеческой расой за прошлое столетие. Как я однажды заподозрил (но тогда не знал наверняка), они действовали в строгом соответствии с инструкцией по работе с инопланетянами и десятилетиями отслеживали наши развлекательные программы.

Я снова взглянул на коробки, гадая, в какой из них находится мой новый пациент, если он вообще там находится, - они все выглядели одинаково.

- Этот торговец соизволил назвать свое имя? - спросил я в надежде, что слово «соизволил» удержит Л от ежедневного ритуала приставания

ко мне с требованием дать ему новое слово, с которым можно поиграть.

Он генерировал тонкий палец, отрыл том своего Оксфордского словаря на буквы от П до Я, перевернул несколько страниц, вытянул стебелек с глазом, чтобы рассмотреть микроскопические буквы и издал радостный писк:

- Да! Тсф соизволил назвать свое имя: Сделка-всех-десяти-жизней.

- Сделка! Я его не видел с...

- «Его» - это в данный момент «ее», доктор, судя по зеленой окраске ресничек.

- Понял. И какую информацию она оставила мне относительно нового пациента?

- Она не соизволила оставить никакой информации.

Я уже пожалел, что расщедрился именно на это слово. Но не оно было моей главной проблемой.

- погоди. Я должен лечить чужака, о котором ничего не знаю? *Опять?*

- Мне также не соизволили оставить никаких сведений о Коре, моей давнишней пациентке, которая прибыла вместе с Тад, но тсф были лишь косвенно повинны в этом недоразумении.

- Возможно, вы могли бы обсудить это с самой тсф? Я несколько раз моргнул.

- Вы хотите сказать, что Сделка *все еще здесь*? Ради Бога, почему вы не сообщили мне сразу?

- К чему торопиться? Жизнь коротка, и единственное, на что нам не хватает времени - на излишнюю поспешность.

Я сделал медленный вдох.

- Где она?

- Во владениях Гары.

«Ну, - подумал я, - по крайней мере Сделка не будет самым странным созданием в той комнате».

* * *

У полированной двери в офис Гары я лицом к лицу столкнулся со своим отражением и с необходимостью принять решение. Стоит мне поступить так, как принято у нас, и постучать в дверь? Или последовать протоколу тсф и войти без стука? У трейдеров стучат только те, кто сомневается, что им будут рады. Поэтому, бросив взгляд на табло параметров состояния окружающей среды с целью убедиться, что сейчас атмосфера в офисе меня не отравит, я прикоснулся к пластинке «откройся-сезам». И дверь скользнула в сторону.

Помещение, как и любое в этом здании, было чрезвычайно просторным, с очень высоким потолком: в конце концов, некоторые

клиенты могли иметь гигантский рост. Вдоль стен стояло инопланетное оборудование со странно изогнутыми поверхностями неожиданных цветов, и все оно сверкало в утреннем свете, льющемся в высокие окна, которые требовались Гаре, но отнюдь не для того, чтобы видеть. Ее странный компьютер, наверное, был спрятан в одном из соседних карманных измерений, которые Гара использовала для хранения вещей.

По-видимому, Сделка был самым странным персонажем в комнате, хотя я полагаю, то же самое тсф мог сказать и обо мне. Он был... *она* была средних размеров для тсф, немного ниже меня, однако по-прежнему занимала больше места на полу. И все же сексуальная окраска настолько изменила ее, что я бы не узнал его - черт, ее! - если бы Л не предупредил меня. Я огляделся более внимательно и все равно не смог увидеть моего физиотерапевта, что не служило доказательством отсутствия Гары. В комнате лежали тени, и она могла разыграть свой вариант «муха-на-стенке».

Сделка стояла на одном месте и вращалась так быстро, что большинство ее конечностей вытянулось параллельно полу под действием центробежной силы. Это позволяло мне прекрасно видеть ее гондолу, хоть я к этому и не стремился.

Что такое гондола? Простите: разумеется, вы не знаете. Это такая массивная, гофрированная конструкция, где тсф хранят свои мозги, органы пищеварения и массу клыков. Нет, вы не видели их по АБД-ТВ или в новостных сетях, так как трейдеры не афишируют свое строение и образ жизни и Всемирная администрация средств информации им подыгрывает. Поэтому единственные части их анатомии, которые можно увидеть в передачах, это десять внешних конечностей с некими отростками посередине дуги, напоминающими водоросли. Отростки - это пучки жгутиков; самые длинные из них действуют как пальцы, средние - это сенсорные органы, а короткие щелкают, будто выключатели, издавая трещащие звуки речи тсф. Еще у торговцев имеются по три толстых центральных ноги, которые защищают и поддерживают их гондолы.

Если бы вы когда-нибудь встретили тсф во плоти, пастор, держу пари, вас удивили бы их напоминающий карри аромат и то, сколько треска создают все эти щелкающие жгутики. Представляю себе, что этот звук может вызвать приступ ностальгии у пенсионеров, которые когда-то работали машинистками на механических пишущих машинках...

Сделка прекратила вращение, и несколько десятков ее оптических волосков вытянулись в мою сторону. Широкие полосы из какого-то эластичного материала обвивали четыре ее конечности - это карманы трейдеров. В одном кармане хранился прибор-переводчик тсф. Сделка начала щелкать, и переводчик ожил.

- Док Моргансон? Это вы? - Ее английский язык пародировал

западный протяжный выговор, новый вариант неизменно причудливой темы.

Я улыбнулся.

- Трудно отличать людей друг от друга, Сделка-всех-десяти-жизней?

- Ничего подобного. Но мне представляется, что ваша карточка смотрится как-то иначе.

- Наверное, от тревог появились новые морщины. - Я подумал, что наш разговор очень порадовал бы Л. Сколько времени назад слово «карточка» на жаргоне означало лицо?

Оптические волоски Сделки вытянулись чуть сильнее, и еще десяток глаз уставился на меня.

- Между прочим, вы выглядите более жизнерадостным, чем я вас помню. Конечно, там, в нашем коррале, я чаще всего видела вас лежащим на работе.

Я понял и кивнул головой.

- Правильно. На вашем корабле-родителе вы чаще всего видели меня на моей самоходной платформе в условиях более сильной гравитации.

- Тсф эволюционировали на планете, где сила тяжести почти в пять раз больше земной, и на своей космической станции постоянно поддерживали повышенную гравитацию. - Я, должно быть, тогда выглядел более... вялым. Если не возражаете, давайте прервем наше воссоединение. Где новый пациент?

Благодаря многим месяцам общения с разными трейдерами я интерпретировал едва заметное подергивание Сделки как либо выражение удивления, либо жест, означающий презрение к моей тупости.

- В зоне приемной, - сказала Сделка. - Вы что, не заметили там эти ящики?

Я уставился на нее, и не только из-за поддельного ковбойского выговора.

- Вы хотите сказать, что мой пациент до сих пор упакован в одну из этих коробок?

- В каждую из этих чертовых коробок, можете мне поверить.

«Пора брать тайм-аут», - сказал я себе.

Вы когда-нибудь использовали свой АБД-процессор без перерыва в течение года? Вся система становится неповоротливой, и начинают выскакивать мелкие ошибки. В данном случае устройством, нуждающимся в перезагрузке, был мой мозг. Я позабыл собственное правило номер один при общении с инопланетянами: никогда не делай предположений. Этот взрыв не вырубил меня, но, очевидно, замкнул мои контуры.

Наверное, я слегка покачнулся. Торговец нежно обхватил своими конечностями мои плечи, чтобы поддержать меня.

- В чем дело, партнер? Ты не слишком твердо держишься в седле.

Разозлившись на собственную глупость, я выпалил вопрос, который не решался задать уже больше года.

- Какого черта переводчики тсф запрограммированы так, что речь трейдеров звучит до крайности фальшиво? Это раздражает, даже выводит из себя. Вы знаете, что некоторые сленговые выражения, которыми вы щеголяете, настолько устарели, что их значение мне бы пришлось спрашивать у моего прадеда? - Конечно, я тут же устыдился своих слов. Это было даже нечестно: обычно мне доставляло удовольствие причудливое разнообразие речи трейдеров.

Сделка прекратила щелкать. Когда она снова застрекотала, голос из переводчика звучал совершенно иначе:

- Мой дорогой доктор, программа подобрана с большой точностью, я вас заверяю. Мы торговцы, и наша цель - выгода, взаимная выгода, когда это возможно. Мы рассчитали, что если речевые модели сделают нашу речь цветистой, людям будет проще реагировать на наше очевидное физическое, умственное и техническое превосходство.

- Понятно. Это умно. - И как цинично!

- Мы поняли, что легкость в общении между расами устраняет трения в торговле. Особо хрупким расам мы по возможности демонстрируем свою безобидность.

Не скрою, это признание меня разочаровало.

- Кстати, о пациенте: не следует ли нам заняться распаковкой?

- Конечно, но сначала предлагаю вам рассмотреть этот предмет.

Она вытащила из одной из своих эластичных лент нечто, напоминающее маленький цилиндр. И постучала по нему. Цилиндр раскрылся и развернулся в широкий жесткий лист тонкого пластика. Сделка передала его мне. Лист почти ничего не весил и несколько мгновений оставался совершенно чистым. Потом на его поверхности проявились выпуклые узоры, они потемнели и превратились в сложные иллюстрации, напоминающие те ужасные инструкции в картинках по сборке, которые прилагаются к наборам, например из «Икса».

- Потрогайте одну иллюстрацию, - предложила Сделка.

- Ладно. - Картинка была явно теплее, чем окружающий ее пластик, и более выпуклой, чем казалась на вид. Кроме того, она слегка вибрировала под моим пальцем. - Интересно. Значит, это инструкция типа «один-размер-для-любых-органов-чувств»?

- Именно к такому выводу мы пришли, доктор. Те существа, которые прислали нам данный документ, явно не очень хорошо знали устройство наших органов чувств, поэтому предусмотрели самые разнообразные варианты. Даже цвет включает в себя такие длины волн, которые находятся за пределами нашего восприятия.

- Но... Я вижу только интенсивно-коричневый. - Я прищурился, глядя на рисунки. - Когда эта машина будет собрана, полагаю, она

превратится в аппарат жизнеобеспечения для моего пациента?

- Мы считаем, что эта машина и есть ваш пациент, хотя она и выглядит тем, что вы называете «робот». Если мы последуем указаниям, данным на этих схемах, вы узнаете, почему я поставила перед вами эту проблему.

Я изучил иллюстрации более внимательно; они были расположены по спирали, но порядок сборки казался очевидным, так как этот робот - если считать, что это именно робот, - становился все более сложным. Обратная сторона листа содержала длинный список деталей. Даже при наличии двенадцати рук, включая две моих, собрать эту штуку быстро не удастся. Я засекаю время.

Я не хотел включать никакие виртуальные звонки, гонги или даже тихое слово, звучащее в голове, чтобы они не действовали на мои и без того растрепанные нервы, поэтому велел АБД поместить секундомер с обратным отсчетом времени на периферии зрения, где я не мог забыть о нем, но он не блокировал поле зрения. Я установил этот таймер на час двенадцать минут и запустил его, чем подтвердил поставленный самому себе диагноз мягкой формы обсессивно-компульсивного расстройства, поскольку у меня не было веских причин встречаться с Корой в точно назначенное время каждый рабочий день. Но так было составлено мое расписание, и я его придерживался.

- Насколько тяжелы эти коробки? - спросил я.

- В заполненном виде некоторые весят больше нас обоих, а другие менее тяжелые. В любом случае их легко транспортировать, благодаря адаптируемому материалу покрытия нижних поверхностей. Стоит приложить устойчивое давление с любой стороны, и эти поверхности лишаются трения.

- Они скользят, если их толкать?

- Именно так. Из вашего вопроса о весе я делаю вывод, что вы хотите открыть эти контейнеры в другом месте?

- Да. Если этот робот действительно нуждается в моих услугах, я бы хотел собрать его в одном из помещений, предназначенных для инопланетных пациентов.

- Это разумно, так как данный автомат после сборки будет гораздо сложнее транспортировать. Процесс потребует нескольких ходок, если мы намерены работать одни.

Теоретически, Тад могла бы помочь, но самым быстрым путем к хаосу, как я уже понял, было заручиться ее поддержкой: при любой работе она имела склонность скорее промахиваться, чем попадать в цель. Л умел отвлечь Тад, если она появлялась, поэтому он был мне нужен у стойки. А Гара исчезла из виду.

- Давайте справимся сами.

- Тогда начнем.

Сделка не ошиблась: коробки легко скользили, хотя требовалось

некоторое время, чтобы сдвинуть их с места, а те, что потяжелее, обожали скользить прямо, когда вы хотели сделать поворот. Несмотря на это, через пять минут все контейнеры стояли в одном из моих помещений с регулируемой средой обитания.

Мы принялись за работу. Под словом «мы» я имею в виду в основном Сделку. То ли она была хорошо знакома с этой процедурой, то ли изумительно разбиралась в инструкциях-картинках. И, конечно, благодаря всем ее оптическим, манипуляторным жгутикам и рукам, всем ее моторным навыкам от скорости ее движений просто голова шла кругом.

Три коробки были битком набиты мелкими деталями, две другие - небольшим количеством гораздо более крупных. Глядя на лист инструкций, я насчитал пятьдесят семь этапов сборки, в конце которых готовый робот стоял рядом с предположительно пустыми коробками, аккуратно уложенными в штабель одна на другую. Время от времени Сделка просила меня передать ей «тетраэдр с выступающей из него восьмиугольной спиралью» или нечто подобное, но я думаю, она просто старалась вовлечь меня в процесс из жалости. Эта штуковина становилась все более внушительной, и когда её голова - по крайней мере это было похоже на голову - оказалась на месте, по моим оценкам, законченный продукт имел в высоту почти три метра и был в три раза шире меня. Большая часть его поверхности отливала пыльным голубоватым блеском.

Мой таймер отсчитал пять минут, когда Сделка установила последний компонент: сверкающую витую полоску из прозрачного материала, которая обвивала талию этой штуки, подобно вычурному кушаку.

- Что вы о нем думаете? - спросила она. - Можете объяснить удивительное разнообразие его волноводов?

- Нет, но он действительно похож на робота. Если сильно прищуриться, он выглядит человеком... конечно, без учета трех ног.

- Лично я оцениваю это сходство как поразительное и не вижу особой разницы между двумя и тремя ногами, разве что с точки зрения устойчивости.

Позади нас раздался голос Л:

- Вылитый портрет, как говорят человеческие существа. - Л умел скользить бесшумнее кошки, когда выращивал массу мягких маленьких щупальцев.

- Я вам зачем-то нужен? - откликнулся я.

- Пока нет, но я счел целесообразным напомнить о назначенной встрече. И должен признаться, меня одолело любопытство относительно содержимого этих коробок. - Наверное, любопытство его действительно одолело, так как Л вытянул рекордное количество стебельчатых глаз.

Я открыл было рот, пытаюсь возразить, что не забыл о встрече, но

мне помешал робот.

- Доктор Алонсо Хосе Моргансон, - отчетливо произнес он голосом, похожим на скрипение дверной петли.

- Слушаю вас.

- Доктор Алонсо Хосе Моргансон, - повторил он.

Я повернулся к Сделке.

- Что это такое?

- Жаль. Мы надеялись на реакцию, отличную от той, какую получали в результате предыдущих сборок. Теперь вы понимаете, почему мы привезли этого робота к вам. Что бы мы ни пробовали, окончательно собранная машина только стояла на одном месте и троекратно произносила ваше имя.

- Доктор Алонсо Хосе Моргансон, - снова повторил робот.

- Только это, - продолжила Сделка. - Если он намерен вести себя, как раньше, то теперь будет хранить молчание бесконечно, пока его не разберут и снова не соберут.

Я уставился на своего последнего пациента.

- А откуда прибыла эта штука?

Сделка прекратила щелкать, но, к моему удивлению, ее переводчик произнес: «Думаю». Очевидно, нынешний режим работы переводчика предусматривал вербальный сигнал «занят».

Мой таймер осторожно вспыхнул и исчез именно в тот момент, когда щелчки возобновились.

- Поставленный вами вопрос, доктор, вызывает некоторые сложности. Насколько я понимаю, в настоящий момент время у вас ограничено, и я предлагаю вернуться к данной теме позже.

- Хорошая мысль. Мне сейчас надо встретиться с одним клиентом, но я скоро вернусь. Если хотите скоротать время ожидания в комфорте, мой секретарь может увеличить силу тяжести на период моего отсутствия.

- Если вы не возражаете, я бы предпочла сопровождать вас, так как меня тоже одолевает любопытство, которое я желала бы удовлетворить.

Л выскользнул назад из дверного проема плавно, как кусок теплого сливочного масла по пленке растительного, но медленнее, и взгляд всех его стебельчатых глаз устремился на робота. Это дало мне время взвесить этичность просьбы Сделки, прежде чем ответить.

- Что вам так любопытно узнать? - осторожно спросил я.

- Мне сообщили, что этот пациент - один из вапабондов, а они являются самой интересной расой. Я видела изображения, но никогда раньше не встречалась ни с одним из них.

Я с удивлением посмотрел на нее, а в ответ на меня уставилась чертова дюжина глаз на жгутиках.

- У нас здесь два вапабонда. Я думал, вы знаете.

- Да, второй - ваш охранник.

- Предположительно. И медсестра - также предположительно. Ее имя Тадетраулагонг, но мы зовем ее просто Тад. Вы еще с ней не сталкивались?

- Я ее не встречала, если вы об этом спрашиваете.

Честно говоря, я ее сегодня тоже не видел, что странно, так как она всегда путалась под ногами - если можно употребить выражение «под ногами», говоря о существе вдвое выше меня.

* * *

Вапабонды чувствуют себя комфортно при земной гравитации и могут дышать нашим воздухом, словно они здесь коренные обитатели, поэтому создавать особые условия в комнате моей пациентки не было необходимости. То есть не было необходимости *для нее*. Я организовал фильтрацию запаха, чтобы сделать это помещение более приятным для меня; этот слоновий запах имел тенденцию накапливаться. Переводчик тсф, соответствующим образом запрограммированный, стоял рядом с просторной кроватью, на которой вытянулась на спине моя пациентка Коратеннулагонд, уставившись в потолок. Если бы это было человеческое существо, я бы оценил ее состояние в двенадцать баллов по шкале комы Глазго. Скорее ступор, чем кома.

Как женская особь-2 Кора заметно отличалась от Тад: она была короче, но шире, а панцирь ее торса имел более причудливые сочленения. Мне никогда не удавалось вытянуть из Тад большое количество информации, но любезный посетитель-тсф однажды объяснил мне, что у вапабондов женская особь-1 генерирует человеческую яйцеклетку и удерживает ее до тех пор, пока ее не оплодотворит мужская особь-1. После оплодотворения яйцеклетка перемещается в похожий на матку орган женской особи-2, которую, если все идет по плану природы, защищает мужская особь-2 до тех пор, пока не родится малыш, или точнее не будет извергнут.

- Это и есть ваша пациентка? - спросила Сделка, и я удивился, почему в переводе прозвучало изумление.

- Это она. Привет, Кора, - сказал я. Переводчик загудел и зарычал, и я получил обычный ответ. Моржеподобная голова Кору постепенно повернулась ко мне, и морщинистые веки на мгновение дрогнули, но остались полуопущенными. - Я привел друга, трейдера Сделку-всех-десяти-жизней.

Сделка защелкала, и переводчик снова издал гудки и рычание, затем произнес по-английски:

- Я рада вас приветствовать.

Массивная голова медленно повернулась к тсф. Глаза Кору полностью открылись, затем медленно моргнули. От удивления и волнения мое сердце быстро забилося. Кончик синего языка появился между ее двумя нижними клыками, облизал шесть дюймов черной, словно резиновой, губы, а потом опять втянулся.

Пока я глазел на ее невиданную прежде реакцию, Сделка положила несколько жгутиков-пальцев на мою руку.

- Что с ней такое? - спросила она, щелкая очень тихо (я даже считал ее не способной на такое), и перевод прозвучал, как шепот.

К моему разочарованию веки Кору снова наполовину опустились, и она впала в свое обычное оцепенение.

- Давайте поговорим снаружи, - предложил я.

Сделка первой вышла в коридор. И когда я закрыл дверь, спросила:

- Что случилось с ее рассудком?

- Хотел бы я знать. - Я надул щеки и с шумом выдохнул воздух; эта манера выражать разочарование всегда раздражает мою жену. - Сделка, вы за минуту добились от Кору больше, чем я за последние шесть месяцев. Может быть, дело во мне, но все в ее случае как-то... странно, даже то, как она прибыла сюда. Полагаю, вы об этом знаете?

- Не знаю, и, очевидно, та немногая информация, которую я получила, неверна. Перемещение организовывал Богатый-в-перспективе, трейдер из другого подразделения, он еще новичок в работе с чужими расами. Как я понимаю, вы известны тем, что привлекали в это место людей, страдающих психическими расстройствами, и решение Богатого-в-перспективе было основано на бартере, по которому вам предоставили специалиста-вапабонда из службы безопасности в обмен на вашу помощь в лечении психически больного вапабонда. Что вас смутило в ее прибытии?

Мысль о том, что Тад является каким-то специалистом, мгновенно вызвала у меня приступ того, что мы, психиатры, называем «когнитивным диссонансом».

- Вы, трейдеры, доставили мне всех других моих инопланетных пациентов. Но не Кору. Они с Тад просто однажды появились в фургоне, за рулем которого сидели федеральные агенты. По-видимому, Тад спустилась на шаттле с того космического корабля, который доставил их к Земле, и посадила его в поле на расстоянии пятидесяти миль от клиники.

Сделка изогнула четыре конечности, как делают питоны, выполняя трюки; этот жест тсф я достаточно часто видел, чтобы попытаться его интерпретировать.

- Вапабонды умные, но осторожные создания, доктор. Они настаивают на автономии во всем, поэтому, естественно, хотели сами осуществить доставку. Я не могу объяснить, почему челнок приземлился так далеко, но я не специалист по их поведению. Это неожиданное появление

создало для вас проблему?

- Я бы не назвал его неожиданным. Ваши люди предупредили меня, что эта пара должна прибыть, но не сказали когда. Они даже провели для меня микробрифинг насчет вапабондов. - Слава богу! - Но они ничего не знали о состоянии Кору. Моя проблема состояла в том, что она явилась без всяких документов, истории болезни или предыдущих диагнозов - ни одного листочка. И единственное, что я сумел вытащить из Тад о Коре, что сама Тад будет ее медсестрой, потому что только другой вапабонд обладает для этого достаточной квалификацией. Относительно оценки, не говоря уже о лечении, я летал вслепую... и без страховки.

- Ваша метафора представляет для меня загадку, но Тад уже наверняка сориентировала вас?

Я фыркнул.

- Как бы не так. Одна из моих теорий состоит в том, что Тад приказали ничего мне не говорить, чтобы я мог оценить состояние Кору без предубеждения. - У меня имелась еще одна теория, в меньшей степени основанная на природной благожелательности всех живых существ, а именно: Тад - тупица.

- Вернемся к вашей пациентке?

Мы вернулись, но на этот раз Кора просто лежала недвижимой глыбой. Сделка и я по очереди заговаривали с ней, но оба не смогли вызвать никакой реакции. Как всегда, я чувствовал, что она слышит, но не может или не хочет реагировать. Видя безуспешность наших усилий, я предложил вернуться в помещение, где мы оставили робота, и продолжить напрасные старания на новом поприще. Сделка согласилась.

* * *

Машина стояла на прежнем месте, и это никого не удивило.

- Теперь у нас есть время, - сказал я. - Возвращаясь к моему вопросу, откуда все же прибыла эта машина?

Сделка прицелилась в меня несколькими оптическими жгутиками, но большая их часть смотрела на предмет моего вопроса.

- Несомненно, вы помните того неудачливого хуука, которому вы поставили верный диагноз на корабле-родителе?

Мне удалось совместить смешок с фырканием:

- Даже если бы у меня была привычка забывать о своих подопечных, я сделал бы исключение для этого единственного пациента из другой галактики.

- Вот поэтому я и сказала «несомненно». После вашего возвращения на Землю этот индивид полностью выздоровел и вскоре смог с нашей

помощью разговаривать со своими соотечественниками.

Мои брови решили взлететь.

- Должно быть, у них чертовски хорошая система связи.

По нескольким конечностям Сделки пробежала рябь.

- Что в этом смешного? - спросил я.

Она дернулась. Всего один раз, но всем телом, и новые глаза на жгутиках повернулись ко мне.

- Ваша проницательность меня тревожит, доктор, хотя к этому моменту мне следовало научиться относиться к ней с уважением. Как вам удалось стать таким специалистом по языку тела тсф?

- Я не специалист. Но я достаточно времени провел с вами, трейдерами, чтобы понять кое-какие намеки. Так что же вас насмешило?

- Я вам скажу, только помните, что я не хотела вас оскорбить.

- Хорошо. Считайте, что моя кожа приобрела необходимую толщину.

- Наконец-то понятная метафора! - Для нее это было доступно, потому что тсф умеют увеличивать и делать более твердыми внешние клетки своих конечностей, превращая их в оружие, напоминающее меч.

Затем она объяснила мне, в чем тут юмор.

- Меня... - переводчик сделал секундную паузу, - пощекотало то, что я заметила. То, как именно биологический вид выживает достаточно долго, чтобы стать технологичным, обычно ограничивает эту технологию.

- Например?

- Человеческие существа. Несмотря на многие физические ограничения, люди обладают адекватной силой хватки в сочетании с формой, обеспечивающей эффективное применение рычага. Следовательно, ваши далекие предки использовали бросание предметов для охоты и самозащиты от хищников. Такие вспомогательные средства, как лук и огнестрельное оружие, вытекают из основной идеи бросания, которая настолько внедрилась в человеческую перспективу, что по-английски «оружие» и «руки» являются синонимами.

- Я думаю, вы имеете в виду вооружение*¹.

- Не вижу разницы.

- Понятно. Какое это имеет отношение к средствам связи на дальние расстояния?

- Все ваши устройства для этой цели являются инструментами для бросания таких предметов, как микроволны, свет или радиоволны. Хууки более развиты, чем мы, тсф, в области транспортировки, но мы пользуемся идентичными инструментами для связи. Расстояние не имеет значения, когда ничто не должно перемещаться.

¹ * По-английски *art* значит рука, а *arms* - оружие. (Прим. перев.)

Я долгое мгновение внимательно смотрел на Сделку.

- Это интересно. Как же вы устанавливаете связь, ничего не перемещая?

Сделка подняла жгутик и с упреком помахала им; не я один кое-что узнал о языке тела инопланетян.

- Эта информация может стать основой будущей торговли. Было бы безответственным с моей стороны предоставить ее безвозмездно. Возможно, сейчас нам следует направить все любопытство на разборку и новую сборку робота. Мы должны быть уверены, что не допустили ошибки.

Мое любопытство не желало никуда направляться, но я не видел смысла спорить.

- Горю желанием.

- Возможно, вас огорчит то, как переводчик передал ваше последнее заявление, но я поняла, что вы готовы. Поэтому приступим. Следите за процессом критическим взором... если вас не затруднит, ибо малейший промах может привести к кумулятивной ошибке.

Я потел над инструкцией по сборке, пока Сделка выполняла инструкции в обратном порядке, но медленно, чтобы я мог следить за процессом и одобрять каждый этап. Однако меня с самого начала преследовало ощущение, что мы упустили нечто очевидное.

- Вы подтверждаете, - спросила Сделка, - что я не допустила ошибки?

- По-видимому, так.

- Тогда я соберу его снова на. ваших немногочисленных, но внимательных глазах.

Я вздохнул.

- Один из недостатков всего пары глаз - то, что они устают, но приступайте.

- Поскольку я запомнила этот процесс и хочу избежать автоматического повторения любых ошибок, предлагаю, чтобы вы обеспечивали меня всей информацией по сборке во время ее выполнения, а я буду подчиняться вашим указаниям.

- Мне это нравится. - Таким образом, я смогу задавать темп. Я поднял инструкцию и постарался посмотреть на нее, словно вижу в первый раз. - Шаг первый. Вставить три длинных серых стержня в отверстия самого маленького цилиндра...

Я диктовал инструкции, и работа заняла более двух часов. Не сказал бы, что мы совсем зря потратили время, потому что, когда мы закончили, я имел удовольствие выслушать свое имя, повторенное три раза.

После третьего повтора я заметил, что моя тень стала темнее, чем следует, учитывая освещение в комнате. Интересно, подумал я, как долго Гара уже с нами, но если она хотела сохранить инкогнито, кто я такой, чтобы разоблачать ее?

* * *

В ту ночь мы с Соней по очереди читали книги перед сном нашему сыну. Наконец, он уснул, и мы осмелились на цыпочках выйти из спальни. Погода сделала неожиданный поворот на сто восемьдесят градусов, и стало не по сезону душно, но мое климатическое устройство утверждало, что более прохладный воздух вернется после полуночи, поэтому я оставил открытым окно и не задернул занавески.

Мы поставили наши АБД на зарядку, легли в постель, погасив свет, и немного поболтали, следя за широким пятном лунного света на потолке, который проникал к нам в комнату, отразившись от маленького прудика на заднем дворе. Когда там поднимался хотя бы слабый ветерок, пятно света над нами переливалось рябью.

Все это выглядело невероятно мирным, но я слишком хорошо помнил о патрульной машине, стоящей перед домом, и был слишком переполнен вопросами, чтобы расслабиться. А когда закрывал глаза, продолжал видеть эту проклятую инструкцию по сборке. Поэтому я проглотил гордость и позволил своему АБД послать слабый импульс в три герца через мою нервную систему, зная, что в течение восьми минут волны моего мозга автоматически синхронизируются с импульсом, и я погружусь в глубокий сон на дельта-уровне.

Почему этот поступок требовал проглотить гордость? Потому что я обычно не советую прибегать к прямому стимулированию мозга при помощи АБД в качестве снотворного. Слишком легко попасть в зависимость, и этот процесс, если продолжается несколько месяцев, может нарушить естественный цикл сна. Да, предполагают, что акустическое воздействие безопаснее, но в ту ночь мне нужно было самое сильное оружие. Я не спал большую часть предыдущей ночи и не хотел провести в тумане еще один день.

Итак, я мягко погружался в сон, когда ужасная мысль, которая, наверное, циркулировала в моем мозгу уже несколько часов, наконец всплыла на поверхность. Если правительство могло отключить записывающие функции моего АБД, что еще они способны заставить его делать на законных основаниях? Не поставили ли мне жучок - внутри?

Я временно остановил дельта-сигнал и вызвал виртуальный экран, радуясь тому, что современная технология дает возможность проводить исследования онлайн, не вставая с постели и не беспокоя жену.

Так как я прожил большую часть своей жизни в «темных веках», до того как объединились нанотехнология и компьютерная наука и системы управления данными частично имплантировали в человека,

мне представляется более удобным управлять своим АБД при помощи клавиатуры. О, я хорошо умею пользоваться внеголосовыми средствами при вводе простых инструкций, но происходят странные вещи, когда я пытаюсь ввести не столь простые команды, и Санны говорит мне, что такие попытки напоминают выступления плохого чревовещателя. Поэтому я использую внеголосовые средства только для создания виртуальной клавиатуры, парящей в воздухе под неощутимым экраном.

Я вызвал метапоисковую программу. Поднял руки, чтобы напечатать команду, но заколебался. Если в моей системе АБД действительно есть жучок, то хочу ли я, чтобы те, кто подслушивает, зарегистрировали точный вектор моих подозрений? Мне необходимо выбрать не столь прямой путь. Принимая во внимание то, что Смит и компания не позволили мне записать нашу беседу, не будет ли более разумным провести исследование связанных с этим статей закона, и надо узнать, нет ли случайно поблизости той информации, которая мне нужна.

Сообразив, что мне лучше всего было бы найти сборник подобных документов, предназначенный для юридических библиотек, я раскошелился на двадцать пять баксов за одну сессию с ЛексНекс и - внимание! - распахнулся занавес. Появилась дама с повязкой на глазах и с весами в руке. Благодаря нервным импульсам АБД я ощущал пальцами проекцию клавиш, когда набирал параметры поиска. Более миллиона вариантов, но ЛексНекс так замечательно рассортировал их, что ответ на мой вопрос ждал меня в самом первом документе. То, чего я боялся, называлось «прослушиванием мыслей» и было строго запрещено, за исключением тех случаев, когда это разрешалось особым законом Конгресса.

Это меня почти убедило. Я ликвидировал свои игрушки, закрыл глаза, и, разумеется, проклятый листок с инструкциями, на который я смотрел весь день, снова всплыл. Удивительно ясное изображение, учитывая то, что моя зрительная память обычно не так уж хороша. Я практически видел все детали, но мне пришло в голову, что одна деталь, возможно, отсутствует.

Где источник энергии?

Конечно, у робота имелись всевозможные таинственные части, но ничего такого, что выглядело бы достаточно крупным для обеспечения количества энергии, способного приводить в движение такую массивную машину... разве что в одной из загадочных частей находится ядерный реактор. Это казалось совершенно невероятным, но, несомненно, такой робот должен двигаться.

Если задуматься: где у этой штуки силовая установка?

Инструкция начала бледнеть перед моим внутренним взором, детали расплывались, поэтому я рассматривал туманное изображение в

целом. Именно в тот момент меня осенило, и мои губы беззвучно произнесли классическое: «Боже мой!». Мог бы поклясться, что не дернулся и не шевельнулся, но Санни повернулась ко мне и спросила: «Что смешного?».

Я не удержался и принялся хохотать. Я пытался объяснить ей, почему, но не мог выговорить ни слова. Через минуту Санни тоже начала смеяться, потому что я хохотал так безудержно.

- Ш-ш-ш, - предостерегающе прошипела она между приступами смеха.
- Ты разбудишь мальчика.

Я наконец овладел собой, хотя слезы еще текли из глаз.

- Я тебе рассказывал, как мы пытались заставить этого робота работать. - Эта мысль чуть не вызвала у меня новый приступ смеха.

- Угу. Ты и тот торговец.

Теперь я всего лишь улыбался.

- Вот именно. Твой башковитый муж и еще более башковитый тсф потратили на это почти целый день. То собирали, то разбирали. Следовали инструкциям в картинках не просто тщательно, прямо-таки дотошно.

- И что?

- Мы кое-что забыли. - Меня снова затрясло от утробного смеха. - И не мы первые сделали эту ошибку. Команда ученых тсф упустила то же самое.

- Так что же?

Я рассказал ей, и теперь пришла ее очередь смеяться.

- Это забавно, - согласилась она.

Мои щеки болели от смеха.

- Просто в то время это казалось неважным.

* * *

Утром те же два копа отвезли меня на работу, но на этот раз не стали заходить внутрь вместе со мной. Мой секретарь возвышался за своей стойкой как обычно, но больше никого не было, если не учитывать робота-уборщика, стоящего у стены.

- Доброе утро, Л, - поприветствовал я.

Он вырастил комок ткани, похожий на цилиндр образца примерно 1800 года на тонком стебельке, и помахал им в мою сторону.

- И вам краешек утра, доктор.

- Сделка-всех-десяти-жизней еще здесь?

Цилиндр погрузился в небытие.

- Это почти уверенность. После вашего последнего ухода она возобновила эксперименты с роботехникой, потом одолжила комнату номер шесть для длительного сеанса лечения гравитацией. Кажется,

она вчера провела ненадлежащее время в земных условиях и страдала от потери плотности костей. Метаболизм тсф, если вы этого не знаете, значительно более быстрый, чем у вас, и даже чем у меня.

- С ней все будет в порядке?

- Она меня в этом заверила, но упомянула, что потребуются около десяти земных часов и две трапезы, пока она сможет прийти в норму.

- Это хорошо. - Я придвинулся ближе к Л и понизил голос: - Фактически, ее отсутствие будет нам на руку. Вы видели сегодня Тад или Гару?

- Обоих. Они вам зачем-то понадобились?

- Думаю, вчера они избегали встречи со Сделкой, и я хочу знать почему. Одно время наша любимая вити притворялась моей тенью.

- Это у нее хорошо получается.

Я кивнул в знак согласия.

- Вы отменили какие-нибудь мероприятия на сегодня?

- Я еще не приступал к изменению расписания.

- Тогда я постараюсь выяснить, где прячется Тара.

Л вырастил тонкую конечность и воспользовался ею как указкой.

- Ее кабинет - подходящее место для начала ваших поисков.

Приняв на веру его галактическую мудрость, я направился к кабинету моего физиотерапевта и тихо постучал в дверь. У вити отсутствуют глаза, но эти существа изначально снабжены фантастически острым органом чувств, сочетающим слух и осязание.

После открытия клиники я попросил моих работодателей внести в список сотрудников физиотерапевта и физиолога-аналитика. Они прислали мне Гару, имеющую обе квалификации.

- Входите, Ал, - ответила она контральто, голосом, который всегда использовала, когда мы оставались наедине. Несомненно, она знала, кто стучит, поняла по звуку моих шагов. Лишенная зрения, она не обернулась, когда я вошел, но я ощутил на своем лице легкое дуновение. Конечно, она использовала свой сонар для того, чтобы оценить выражение моего лица, мимику и кровяное давление.

Гара расположилась позади своего акустического АБД, ее темное тело было вытянуто в прямоугольную диафрагму, тонкую как бумага, примерно моего роста и шириной в четыре фута. Ее администратор базы данных был полностью внешним, и от этого образчика техники у меня мурашки шли по телу. Он напоминал неглубокую круглую битумную яму, подвешенную в воздухе вертикально, это был компьютерный монитор, сконструированный «Хьюлетт Паккард Лавкрафт». По пересекающимся паутинкам ряби в этой маслянистой луже я понял, что Гара издает звуки, не доступные слуху людей, и улавливает ответ своего АБД по движениям воздуха настолько слабым, что они не потревожили бы и комара.

- Мне очень жаль, - пробормотала она, - что недавние события вас

встревожили. Но я рада, что вы не ранены.

- Спасибо. - Как обычно в присутствии Гары, я почувствовал расслабление. Она разговаривала, вибрируя отдельными участками самой себя, и это позволяло ей накладывать собственные колебания, благодаря которым ее речь становилась транквилизатором. Это было одной из причин, почему мои пациенты-люди проникались к ней такой симпатией, какую не могли вызвать ни Л, ни Тад. К счастью, из-за малочисленности инопланетных пациентов, прибывавших к нам, Гара по большей части работала с больными людьми, нуждавшимися как в физическом, так и в психологическом лечении.

Раса вити не вписывается в ваши классические категории животных, овощей, минералов или грибов. Но если вам нужно выбрать одну из вышеперечисленных, можете остановиться на овощах, потому что они используют фотосинтез для удовлетворения большей части потребностей в энергии, только они перерабатывают различные сернистые соединения, а не двуокись углерода. Наша атмосфера им не вредит и не помогает, но их уникальные тела способны удерживать необходимые газы для того, чтобы сохранять физическую форму в течение нескольких дней, и они даже не распространяют неприятный запах в здании. Поскольку любое из помещений моей клиники с управляемой средой способно воспроизвести выбранную вами отвратительную атмосферу и поскольку кабинет Тары имеет множество окон, выходящих на юг, она способна подзарядиться, когда пожелает.

Как она выглядит? На это трудно ответить. Ее тело больше всего похоже на коллекцию принимающих любую форму эластичных пурпурных нанотрубок, таких темных, что они кажутся черными, если на них не падает прямой солнечный свет. Каждая трубка - эквивалент одной нашей клетки, и Л, который является энциклопедией сведений о торговых партнерах тсф, рассказал мне, что вити возникли в процессе эволюции, которая шла в направлении сотрудничества отдельных трубок. Он также говорил (очень тихим шепотом), пока Гара помогала пациенту-человеку в нашем самом маленьком здании, что некоторые ученые покароллы считают вити колониями существ, а не отдельными личностями.

Короче говоря, они темные, а когда лежат плоско, то еще на несколько молекул меньше, а были бы двумерными, оказались бы способны принимать почти любую форму. Когда дело доходит до звуков, то у них талант имитировать даже больший, чем у народа Л. Они способны вибрировать своими телами, создавая звуковые сообщения, ультразвуковые волны, или просто пропеть приветствие аккордом из шести нот.

Я решил говорить прямо:

- Тара, почему вы вчера избегали встречи со Сделкой-всех-десяти-

жизней?

Она свернулась в полукруг.

- У моего народа большой опыт общения с трейдерами. Мы считаем некоторых из них недостойными доверия.

- Я не понимаю. У нас здесь побывал десяток трейдеров, но в первый раз вы держались столь незаметно...

- Этот раз первый, когда вы не взорвались чуть.

Я почувствовал, как у меня на лбу образуется морщинка между бровями, несмотря на успокоительное влияние Тары.

- Какое это имеет отношение к Сделке?

- Вопрос интересный очень. Я подозрительна всегда насчет совпадений.

Я невольно вздрогнул:

- Но они действительно случаются.

- Бесспорно.

- У людей есть поговорка, - сообщил я. - «После того» не значит «из-за того». Взаимосвязь не предполагает причинности.

- А причинность не отрицает взаимосвязи. Вам, возможно, захочется узнать, что эта Сделка сейчас покинула свою комнату.

- Вы отсюда слышите, как открылась ее дверь?

- Легко.

Я вышел из кабинета Гары еще более встревоженным, чем вошел в него. А когда я посмотрел вниз, на пол, моя тень была темнее и отчетливее...

- При вашем невероятном слухе, - прошептал я, - зачем нужно становиться моей тенью?

Темнота у моих ног покрылась рябью.

- Одно дело слышать, другое - действовать при необходимости.

* * *

Кабинет Гары и помещение, занятое Сделкой, находились в разных коридорах. Тсф способны торопиться, когда им этого хочется, но Сделку, должно быть, в это утро одолела лень; мы с ней добрались до зоны приемной ноздря в ноздю и как раз успели заметить спину Тад, исчезающую в третьем коридоре. Но даже без Тад мы были далеко не одиноки.

Высокий, крупный мужчина в деловом костюме (отнюдь не из разряда готовой одежды) находился на почтительном расстоянии от стойки Л. Большой кожаный портфель болтался в его левой руке. Я его никогда раньше не видел, но в двух его аутригерах я узнал своих телохранителей в мундирах - Филипса и Брауна. Вид у них был нерадостный.

Не обращая внимания на присутствующих инопланетян (а это все равно что не заметить пресловутого слона), этот мужчина повернулся ко мне медленно и помпезно - его поза и выражение лица говорили о большом самомнении.

- Доктор Моргансон? Мое имя Скайлер Пенуорден-младший. Я адвокат и представляю интересы группы ваших соседей. - Пристально глядя на меня голубыми глазами, которые явно старались казаться стальными, он снизошел до того, чтобы протянуть мне руку. Его ладонь была очень сухой; наверное, он побрызгал ее антиперспирантом. «Не забыть бы продезинфицировать руку», - подумал я.

- Могу я отправить вам по АБД свою визитную карточку? - прибавил адвокат.

- Почему же нет? - Я мысленно отдал своему АБД разрешение присоединить его карточку к остальным, но больше не принимать от него никаких сообщений. - Чем могу служить, мистер Пенуорден?

Он отпустил мою руку, открыл портфель и достал оттуда кипу бумаг.

- По велению моих клиентов я готов начать против вас гражданский иск. Подробности в этом кратком изложении дела, и я бы порекомендовал вам немедленно с ними ознакомиться. После того как вы это сделаете, я буду готов сесть с вами или с вашим поверенным, если вы предпочтете, и обсудить возможность урегулирования этого дела в досудебном порядке.

Слышал ли я когда-нибудь в жизни выражение «по велению»? Адвокат вручил мне так называемое «краткое изложение», и я ответил ему моим самым сардоническим взглядом.

- Полагаю, это дел рук Брэдли С.Пирсона?

- Он один из инициаторов.

- Угу. Послушайте меня, мистер Пенуорден. Я неоднократно информировал Брэдли, что такого рода притеснения не имеют смысла. Вашингтон, не говоря уже об Объединенных Нациях, не может позволить себе закрыть эту клинику.

Изгиб губ этого человека был оскорблением самому понятию улыбки.

- Наша тяжба не направлена на закрытие вашей клиники. Мы хотим добиться, чтобы вы не имели финансовой выгоды от ее работы. Не вижу причин для возражения со стороны властей. Прошу вас: изучите этот документ, а затем свяжитесь с моим офисом. У вас есть визитка.

- Вы попусту теряете время. Это моя работа, и я сохраню ее, даже если она не принесет мне ни гроша.

Этот снаряд его не задел.

- И все же я советую вам изучить мой документ. Вы обнаружите, что речь идет не только о необходимости защищать ваши будущие заработки. Надеюсь очень скоро получить ответ.

Он развернулся с величественной грацией галеона и с достоинством удалился бы, если бы Сделка не прыгнула вперед и не обвила его

предплечье одной из своих конечностей.

- Притормози-ка, кореш, - прощелкала Сделка, и перевод прозвучал с тем гнусавым ковбойским выговором, от которого она вчера отказалась.

Пенуорден сделал несколько честных попыток вырваться, но сдался. Он с близкого расстояния уставился на Сделку, и теперь это лицо приобрело непривлекательный красный оттенок.

- Отпустите меня сейчас же, торговец, иначе вас ждут серьезные неприятности с законом. - Надо отдать должное этому человеку: он выглядел испуганным всего на тридцать процентов, а на семьдесят - разозленным. Конечно, я был одним из немногих человеческих существ, которые знали, какими смертельно опасными могут быть тсф.

На Сделку гневный взгляд адвоката никак не подействовал.

- Сдается мне, ты можешь наплевать на всю эту фигню. Я являюсь тем, что в этих местах называется «дипла-матом» и обладаю «неприкосновенностью». Но мне нужно убедиться, правильно ли я тебя расслышала. Ты собираешься запустить свои лапы в честно заработанные сбережения дока?

Пенуорден был крепким орешком, но сталь в его взгляде быстро покрывалась ржавчиной.

- Это зависит от того, насколько здравомыслящим будет доктор Моргансон. Я уверен, что мы сможем договориться. Отпустите меня. Пожалуйста.

Сделка отпустила руку Пенуордена, и тот немедленно помчался к выходу из клиники. Копы заняли вторую линию в этой стае гусей, следуя за мигрирующим вожаком. Мне показалось, что у двери адвокат может обернуться и снова пригрозить нам законом, но он исчез с такой быстротой, что стая не смогла его догнать.

- Это мне не нужно, - сказал я, помахав документом. - Среди ваших людей есть юристы? - спросил я у Сделки.

- В ходе нашей эволюции иногда возникала необходимость разрешать конфликты, доктор. - Гнусавый выговор прерий исчез. - Но наши арбитры не используют правовую систему в качестве дубинки.

«Тем лучше для вас», - подумал я, шагая к стойке секретаря.

- Л, будьте добры, уберите пока куда-нибудь эти бумаги.

Л протянул псевдоподию, взял документ, открыл выдвижной ящик стола другой временной рукой и убрал эту мерзкую штуку с глаз долой.

- Эти клеветы, - пожаловался он, - продолжают грубить, а барристер... - он сделал паузу, чтобы я успел восхититься последним прибавлением к его запасу слов, - вел себя не лучше. Ни один из них не поговорил со мной, хотя я очень вежливо приглашал их побеседовать.

- Это странно, - посочувствовал я.

Сделка привлекла мое внимание, осторожно похлопав по плечу.

- После того как вы вчера удалились, - сказала она, - я провела с роботом еще несколько экспериментов.

Неужели она догадалась?

- Каких экспериментов?

- Я попыталась собрать его, начиная с середины инструкции, а не с того, что мы считали началом, и в нескольких других последовательностях. Результаты были даже менее успешными. В полностью собранном виде машина не произнесла ваше имя ни одного раза. Если хуук прислала нам этот механизм в качестве теста на интеллект, я должна склонить мою гондолу от унижения.

Я попытался снова ощутить те радостные чувства, которые вызвала у меня догадка прошлой ночью, но события сегодняшнего дня испортили настроение. Появилось столько забот: грозящее судебное преследование и сопутствующие ему споры и штрафы, возможные нападения террористов на моих близких, да еще Гара не отлипала от моих пяток и повторяла каждый мой шаг.

«Стряхни это с себя, Ал, - сказал я себе, - вспомни, что ты советуешь своим пациентам. Вы хотите, чтобы ваши тревоги управляли вашей жизнью, а не вы сами?»

- Возможно, я знаю, как наладить этого робота. - Наверное, не самая тактичная реплика после того, какую оценку дала Сделка своему интеллекту.

Торговец издал столько щелчков, что их хватило бы на целый автомат по производству попкорна. Переводчик упростил эмоции до одного-единственного изумленного: «Что?!».

Реакция Сделки развеселила меня, развеяв депрессию.

Я улыбнулся от всей души.

- Если не возражаете, давайте еще раз вместе посетим Кору. Потом у нас будет свободен весь день.

- Конечно. Это даст мне возможность вырастить терпение, то есть недокормленное животное на ферме моих эмоций.

* * *

После посещения Кору, где в точности повторилось вчерашнее, поначалу обнадеживающее, а потом разочаровывающее представление, Сделка первой ринулась к роботу с такой скоростью, что мне пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать. В сущности, мне явно не хотелось проверять мою теорию.

В киберлаборатории Франкенштейна части машины в разумном порядке лежали по всему полу. Прекрасно. Нам предстояло начать с нуля.

- Теперь вы готовы открыть мне свою идею? - спросила Сделка.

- Пока нет. Я стараюсь подогреть интерес.
- Человеческие существа могут проявлять удивительную жестокость.
Каким будет наш следующий шаг?

- Повторим нашу очередную попытку. Точно так же, как вы сделали это в первый раз.

Сделка прицелилась в меня целым взводом глаз на жгутиках.

- И вы ждете другого результата?

- Увидим. Соберите его как можно быстрее.

Опыт и сноровка позволили Сделке работать с такой молниеносной скоростью, что робот, казалось, возник в результате взрыва.

- И что теперь? - спросила Сделка после того, как робот троекратно произнес мое имя.

- Теперь посмотрите в инструкции. Что вы видите в центре?

Она некоторое время рассматривала лист.

- Не больше того, что стоит перед нами.

- Правда? А что рядом с роботом?

- Ничего существенного. Всего лишь пустые коробки.

- *Штабель* пустых коробок.

Сделка не двигалась и не щелкала так долго, что я спросил себя, не ищет ли она тактичный способ сообщить мне, что моя идея уже доказала свою несостоятельность. Но даже психиатр не умеет читать выражение лица того, кто лица не имеет. Может быть, специалисту по морским анемонам повезло бы больше.

- Наверное, ящики являются некоей разновидностью внешних компонентов администратора базы данных, - объяснил я. - Им нужно быть в контакте, чтобы заработать. Очевидная идея, по-моему.

- Она очевидна *сейчас*. Мы, торговцы, чувствуем огромный потенциал в развитии отношений с хуук и ухватились за эту их инициативу всеми конечностями. Поэтому меня выводит из себя то, что столько ученых тсф изучали эти инструкции и проглядели ту возможность, которую заметили вы. Могу выдвинуть в их оправдание то, что полные коробки были неподъемными при нормальной силе тяжести, и поэтому казалось разумным оставить каждую из них на полу... Нет, даже мне это кажется неубедительным. Доктор, либо вы есть существо, которое трудно переоценить, либо возможности нас, трейдеров, сильно ограничены.

Я покачал головой.

- Спасибо за похвалу. Но давайте не будем пока похлопывать меня по плечу.

- Экспериментальная проверка! Это легко. - Еще не успев закончить предложение, Сделка сложила коробки в аккуратную башню.

Результат был эффектным и, клянусь Богом, совершенно неожиданным. Робот просто стоял там, как всегда, но меняющие цвет неоновые полосы танцевали на его торсе, и он издавал жужжание, как

гигантский трансформатор. Но эти перемены были еще пустяковыми, по сравнению с тем, что случилось с коробками. Они закружились - каждая в отдельности, в различных направлениях, а потом слились воедино, будто горячий воск, - в одно прозрачное тело, сверкающее изнутри. Окончательная общая форма напомнила мне пациента хуук на корабле-родителе. Только эта штука была в три раза больше, полностью надута и, казалось, переполнена энергией.

Сделка быстро сообразила, что к чему.

- По-видимому, доктор, мы перепутали компоненты друг с другом. «Робот», наверное, является генератором энергии и контроллером базы данных, а коробки стали самим автоматом. Как вы правильно предположили, система не могла действовать, пока не была полностью собрана.

Я с трудом сглотнул.

- Только скажите, для чего эта система.

Контроллер в облике робота вмешался в беседу.

- Доктор Алонсо Хосе Моргансон. - Его обычный первый и последний ход, но на этот раз он продолжил: - В благодарность за помощь одному из наших путешественников, попавшему в беду и испытывающему страдания вдали от родной галактики, а также для того, чтобы продолжить общение с вашими работодателями, нашими братьями и сестрами по торговле, прекрасными и замечательными тсф, которые нашли и спасли заблудившегося путешественника, мы послали этого энергетического слугу, стоящего перед вами. На одном из наших основных языков мы называем такие искусственные существа дхотигонами: это имя вы имеете право принять совершенно бесплатно. Или можете его отбросить и заменить вашим термином. Надеемся, дхотигон станет для вас подарком.

- Спасибо. Очень мило с вашей стороны. Гм, у вас случайно нет инструкции по управлению дхотигоном?

Контроллер не ответил. Может быть, он израсходовал отведенную ему квоту слов на этот год. Я повернулся к Сделке.

- Знаете, что мне кажется самым удивительным?

- Конечно. Что хуук вполне понимают перспективы тсф и знают: мы будем рассматривать подарок вам как знак уважения.

- Я не совсем это имел в виду. Меня поражает то, что обитатели другой галактики овладели английским языком.

- Это не так. Я нахожу фразы контроллера многословными и неуклюже составленными. Но, доктор, знакомство хуук с вашим языком легко объяснить. Они пользуются техникой управления данными, подобной той, которую применяют тсф и люди, хотя и в меньшей степени. После того как мы начали общение с этими существами, мы открыли им ограниченный доступ к нашим языковым файлам. Вы сами сделаете логический вывод.

Я озадаченно посмотрел на Сделку:

- К чему такая уклончивость? Вы, трейдеры, поделились своими знаниями английского языка...

- Мне не следовало прибегать к этой маленькой увертке. Правда в том, что протоколы хуук взаимодействовали с нашими так успешно, что системы АДМ автоматически обеспечили им полный доступ к нашим файлам. Что касается английского языка, хуук сами его заимствовали у нас, но, несмотря на то что мы не смогли их ограничить, они не проникли дальше наших языковых данных. Мы воспринимаем этот факт как доказательство их доброй воли.

- Погодите. Вы хотите сказать: их АБД-технология так чертовски хороша, что проникла сквозь брандмауэры тсф?

- Я бы выразилась не так сильно, но, в сущности, да.

- Это пугает.

Сделка грациозно помахала несколькими конечностями, вероятно, пытаясь меня подбодрить.

- Почему?

- Вас не тревожит, что эти существа на расстоянии бог знает скольких световых столетий обладают такими коммуникационными возможностями, что могут программировать свои системы на взаимодействие с вашими системами, не говоря уже о том, чтобы полностью их блокировать? - Ух. Если так сформулировать, то тсф подобным образом поступили с нами. - Я хочу сказать: им не потребовались годы наблюдений за средствами вашей информации.

- Не тревожит, хотя следовало ожидать, что их искусность потрясет вас, учитывая нынешнюю ограниченность вашей кибертехники. И все же существует логическое обоснование для любой эффективной АБД-конструкции, обладающей некоторой универсальностью. А хорошо развитые способности коммуникации являются необходимой предпосылкой для торговли между космическими расами.

Если бы Сделка действительно так хладнокровно отнеслась к взлому систем безопасности, она бы не постеснялась признать его.

- Вам лучше знать, - заметил я. - Но если я правильно понимаю то, о чем вы мне рассказали, протокол сетей хуук так хорошо совпал с вашим, что ваши АБД интерпретировали их запросы на скачивание информации как внутренние.

- Именно так. Но я все равно не понимаю, почему это вас огорчает.

- Если ваши брандмауэры не сработали, то какие шансы у моих? В моей системе хранятся всевозможные конфиденциальные сведения, истории болезней пациентов, личные записи, пин-код кредитной карточки...

- Вам мерещатся хищники там, где притаились только тени, - произнесла она при помощи необычно громких щелчков, и мне пришлось сдержаться, чтобы не бросить взгляд вниз, на темноту у

моих ног. - Что вам может грозить, - прибавила она уже тише, -если это создание хуук проведет оценку даже самых личных из ваших данных?

- Вот этого я и не знаю. В этом вся проблема. Может, у вас не так, но в моей жизни именно то, чего я не знаю, представляет наибольшую опасность.

Сделка нацелила еще несколько визуальных жгутиков на дхотигона.

- Тут вы правы. Ваш опыт в этом аспекте не совсем отличается от моего. Предлагаю исследовать вашу степень контроля над ситуацией.

- Не вполне понимаю, что вы... О! Вы предлагаете дать контроллеру какие-то команды и посмотреть, возьмет ли он под козырек?

- Я отвечу «да», но сомневаюсь, так как перевод ваших слов был крайне двусмысленным.

Я был не вполне уверен, к кому обращаться - контроллеру или «энергетическому слуге», поэтому заговорил со всей аудиторией.

- Отныне нарекаю этого дхотигона именем Тот. Тот, ты будешь мне подчиняться?

Тот не принял участия в нашей беседе.

- Попробуйте дать ему команду, - посоветовала Сделка.

- Ладно. - Я указал на угол комнаты. - Тот, перейди туда. - Никакой реакции, но, может быть, хуук не запрограммировали эту штуку на распознавание жестов и были правы. - Тот, подойди ближе ко мне. - Еще одна неудачная попытка общения. - Да что же должен делать этот слуга!

Мы со Сделкой одновременно подпрыгнули, когда контроллер ответил:

- Ваш Тот имеет сто двадцать возможных конфигураций, включающих вариации пяти базовых функций, а именно: служить, защищать, охранять, развлекать и обучать. Вы можете пользоваться только одной функцией в данный момент времени.

- Как мне выбрать функцию или узнать, какая из конфигураций что выполняет? И какая разница между моей защитой и охраной? - И, между прочим, как он должен меня развлекать? Нацепить красный нос и огромные шлепающие башмаки?

На этот раз я не получил ответа.

Сделка разразилась быстрыми щелчками.

- Доктор, до сих пор контроллер реагировал только на прямой приказ.

Моя оценка ума тсф слегка повысилась, а мнение о собственной сообразительности - наоборот. Я посмотрел на металлическое создание и заговорил голосом, который моя жена ошибочно называет командирским:

- Скажи мне, как переключить Тота на обучающую функцию?

- Эта операция запрещена.

Я часто читаю нечто подобное на экране моего трехмерного DVD, когда пытаюсь избавиться от проклятой рекламы.

- Почему?

- Во время сборки вы выбрали для Тота агрессивно-охранную конфигурацию, в которую включены элементы обеспечения безопасности.

Пока я узнавал эти интересные новости, в верхней части моего зрительного поля начали вспыхивать красные буквы, повторяющие одно и то же: «Идет скачивание данных; активируйте сигнал «да», если хотите вывести на экран по файлам».

Плохо. Я попытался отключить систему. Когда мне это не удалось, я мысленно произнес «да» и увидел, как эти данные мелькают с такой скоростью, что прочитать их невозможно. Но это было не то расплывчатое пятно, которого я опасался, так что данный интерфейс имел некое узкое место. Ухватившись за эту единственную соломинку, я сдернул с пальца кольцо АБД и швырнул его через всю комнату. Но даже это не остановило воровство.

- Полагаю, ваше необычное поведение имеет какую-то цель? - спросила Сделка.

Может, я ответил чуточку резко.

- Мой АБД только что сообщил мне, что он лежит и мурлычет, пока кто-то ворует мои персональные файлы. - Боже, сбываются мои самые параноидальные страхи!

- Предлагаю обратиться к контроллеру.

- Хорошо. Эй, контроллер, прекрати скачивание немедленно!

- Эта операция в данный момент запрещена.

Отлично.

- Тогда скажи мне, что ты ищешь.

- Тот ищет информацию об угрозах вашему благополучию.

А как насчет самого Тота?

- Скажи мне: что он предпримет, если найдет какую-нибудь угрозу?

- Ваш слуга защитит вас.

На первый взгляд объяснение выглядело не так уж плохо, но я не мог понять, что за ним скрывается.

- Каким образом? Я имею в виду, объясни мне, как именно?

- Средства зависят от угрозы.

Сделка подцепила мое кольцо на кончик одной из конечностей и молча протянула мне. Как раз в момент, когда я снова надел его на палец, странная фигура моего самозваного защитника поплыла к двери. Я не понял, как Тот приводит себя в движение, но он перемещался плавно, будто улитка, и быстро, подобно кролику. Выказав идиотизм, я прыгнул в сторону, чтобы помешать слуге выйти, и столкнулся со Сделкой, которая проявила тот же идиотизм, но в противоположном направлении. Тот отодвинул нас в сторону, мягко, но с такой силой, что даже тсф не могла сопротивляться, и направился в холл, не утруждая себя возможностью воспользоваться открытой

дверью. Стена из макромайтов рухнула с таким грохотом, что взрыв в среду, по сравнению с ним, можно было отнести к категории шумов, разрешенных в церкви.

Мы со Сделкой несколько мгновений просто смотрели друг на друга; сцепленные один с другим макромайты обладают невероятной прочностью, и никакие электромагнитные мускулы не могли обеспечить Тота достаточной силой, чтобы пробить эту стену. Но пол кишел крохотными машинами вапабондов, уже начавшими сливаться и восстанавливать стену. Мне хватило времени только на одну горькую мысль: «И ты, физика?» - прежде чем ужасающий хруст впереди заставил меня ринуться по скользким спинам макромайтов вслед за предполагаемым слугой. Я упал всего два раза.

Сделка, которая гораздо увереннее держалась на ногах, чем пожилой человек-психиатр, добралась до приемной раньше и защелкала так громко, что переводчик крикнул:

- Остановите это существо!

Я перепрыгнул через второй ковер из макромайтов на том месте, где Тот снес угол еще одной стены, и успел увидеть, как Л пронесся по воздуху подобно ракете в стиле модерн, вытянув за собой массивную толчковую ногу, которую он только что вырастил. Он врезался в Тота с такой силой, что мог бы снести дом с фундамента, но создание народа хуук даже не дрогнуло. Невероятно. Л вырастил щупальца и попытался вцепиться в него. Тот взмахнул одной слабой на вид мини-конечностью, и этот маленький толчок швырнул моего секретаря через всю комнату, где он врезался в собственную стойку. Тад, тоже привлеченная невероятным шумом, прискакала галопом из коридора восточного крыла, но быстро дала по тормозам, увидев это сверкающее чудовище.

- Л, ты в порядке? - завопил я. - Его молчание испугало меня больше, чем Тот.

Мой вероломный слуга скользнул мимо Тад, которая отважно отпрыгнула прочь с дороги. Затем тень у моих ног поднялась и потекла вперед.

- Гара, стой!

Я опоздал. Она собралась в лужицу вокруг ног Тота, или что там у него есть, и ее чернота засияла. Старый трюк с банановой кожурой на полу, подумал я. Не сработает - у мерзавца своя собственная сила сцепления.

Иногда я ненавижу, когда оказываюсь прав. Этот ублюдок без всяких усилий скользнул через моего физиотерапевта и пробил внешнюю стену, но по крайней мере Гара не пострадала. Освещенный утренним солнцем, Тот замедлил движение и неспешно, но неумолимо пополз вперед; его тело стало выше на несколько футов, внутреннее свечение превратилось в ослепительное сверкание. Ничего более опасного на

вид представить себе было невозможно.

Я повернул голову, и у меня от облегчения подогнулись колени. Л зашевелился. Потом я заметил нечто такое, от чего меня снова обдало леденящим холодом. Хотя разрушенные стены были уже частично восстановлены, я видел линию повреждений. Она была совершенно ровная, направлена на северо-северо-восток и упиралась в дом на соседней улице. Это было жилище Брэдли С.Пирсона.

Серебристая полоска серой дранки дома Брэда проглядывала между двумя домами напротив клиники, а дальше за ней едва виднелся океан.

Похитив мои личные файлы, Тот смог оценить все мои разговоры за последние полгода. Я чувствовал, что мой последний эксперимент с инопланетным Франкенштейном скоро может дать Брэдли или, что более вероятно, его вдове действительно веское основание для судебного иска. Это утро складывалось очень неудачно и для мистера Сутяги, и для меня.

- Л, - крикнул я, - вы ранены?

- Незначительно.

- Хорошо! - Я повернулся к своему гипотетическому охраннику. - Тад, этот кошмар - что-то вроде робота. Если у вас есть в запасе какое-нибудь супероружие вапабондов, доставайте его. Послушайте, все! Возможно, наш разрушитель стен отправился на прогулку, погреться на солнышке. Молю Бога, чтобы у нас хватило времени придумать, как его остановить.

- А зачем нам это делать? - спросила Тад.

Неподходящий момент выбрала Тад для начала неожиданного взаимодействия с нами, но это вполне в ее духе.

- Мы со Сделкой узнали: робот запрограммирован на устранение всего, что мне угрожает. Поэтому он направляется к источнику моих неприятностей.

- К мистери Пирсону, - произнес Л противным голосом Брэдли.

- Правильно. И я сомневаюсь, что робот планирует провести с ним мирные переговоры. У кого-нибудь есть идеи?

- Конечно, - заявила Сделка одним уверенным щелчком. - Контроллер нужно обезвредить. Я предлагаю нам вместе с вами и с вити приложить все усилия для того, чтобы остановить продвижение разрушителя. Тем временем покаролл, который был свидетелем процедуры разборки, попытается демонтировать контроллер. Ваш удивительный представитель вапабондов может ему помочь.

Удивительный? Переспросить уже не оставалось времени. Я бросил взгляд на улицу. Судя по все возрастающей скорости Тота, можно было догадаться, что он уже почти закончил загорать на солнышке. Хуже того, Филипс и Браун, мои телохранители в автомобиле на улице, вылезали из патрульной машины, с оружием наготове. Я выбежал

напрямую, через новую дыру в стене, которая уже начала затягиваться.

- Что это за штука? - крикнул мне Филипс.

- Потом расскажу. Уберите ваши пушки, ради бога! - Принимая во внимание миссию агрессивной защиты Тота, я понимал: если у него возникнет впечатление, будто копы хотят напасть на меня, ничего хорошего не последует. А если копы действительно выстрелят? Хотя я был совершенно уверен, что пули не оставят на энергетическом слуге хууков ни царапины, это не означает, что робот не найдет способа достойно отразить атаку.

Полицейские опустили пушки тридцать восьмого калибра, возможно, услышав в моем голосе панику, но не вернули их в кобуру. Это была большая ошибка. Тот резко остановился. Из его сверкающего торса выдвинулся похожий на линзу выступ и прицелился точно между двумя полицейскими. Я не спринтер, но в тот день мог, несомненно, побить мировой рекорд, если бы бежал так быстро без посторонней помощи. Однако текстурированная тень скользнула мне под ноги и потекла в том направлении, куда я бежал, подобно сверхскоростной движущейся дорожке. Я так быстро достиг места назначения, что даже споткнулся, пытаясь не проскочить это место. Однако попал туда вовремя.

Маленькая выпуклая линза только взглянула на доктора Живой Щит и сразу же втянулась в тело Тота. Я надеялся, что этой опасности, по крайней мере, удалось избежать.

- Спасибо, - шепнул я Гаре, теперь похожей на густо-лиловый туман, и она в ответ изогнулась, что означало: «Не стоит благодарности». К сожалению, мое чувство облегчения имело очень короткий период полураспада. Два меньших по размеру выступа, обогнув меня с обеих сторон, выдвинулись из Тота и прицелились каждому из полицейских в лоб. Филипс и Браун не остановились, они, казалось, затвердели. На секунду я ужаснулся, не превратились ли они в лед и не разобьются ли на куски, когда упадут. И они действительно упали, так как я не сумел вовремя подбежать к ним, но они даже не треснули. Робот снова двинулся прочь, по-прежнему направляясь к обителю Пирсона.

- Гара, мы ничего не можем тут сделать, но я должен добраться до дома Брэдли раньше этого монстра. Вы меня можете забросить так далеко?

Я едва расслышал ее ответ.

- Простите, Ал. Сначала мне нужна подзарядка.

- Но я могу выполнить эту небольшую задачу, - вызвалась Сделка. Я не заметил, как она подошла так близко, что все слышала. - Вы не сочтете, что это ниже вашего достоинства, доктор?

- Едва ли. Вперед! Что я должен делать?

- Получать удовольствие от поездки. - Весело сказав это, Сделка обхватила своими конечностями мою талию и ноги, потом на удивление высоко подняла меня в воздух и пустилась прыжками через

улицу, словно земная гравитация ушла на перерыв попить кофе. Мне не слишком понравился такой способ передвижения, но, должен признать, Сделка с работой справилась.

Она опустила меня у задней двери Брэдли, и я ворвался в дом.

Брэдли сидел за кухонным столом, наклеивая на прямоугольную доску кусочки цветной фанеры. Он посмотрел на меня с раздражением человека, которого прервали в момент создания маркетри, и выпалил в меня из обоих стволов, что было ему несвойственно.

- Стучать не приучены?

Обычно меня раздражают эти цитаты из телесериалов, но сегодня я пропустил реплику хозяина мимо ушей.

- Брэд, вам грозит опасность! Бегите к выходу из дома и дальше. Поторопитесь! - Сделка втиснулась в кухню, пока я говорил.

Брэдли лишнюю секунду глазел на торговца, а потом стало слишком поздно. Четыре сверкающих когтя пробили стену у меня за спиной, затем вытащили ее большую часть, что сопровождалось оглушительным треском, скрипом, писком и стуком. Тот проскользнул сквозь только что образовавшееся облако пыли и груды свежего щебня. Он пронесся мимо Сделки и нежно отодвинул меня в сторону. Один из его многочисленных когтей вытянулся и превратился в длинные зазубренные клещи, которые широко раскрылись и начали смыкаться вокруг тонкой шеи Брэдли. Никогда не видел такого ужаса на лице человека, и хотя в этой инопланетной гильотине оказалась не моя шея, у меня кровь застыла в жилах.

И время как будто застыло. Тиканье громадных часов, висящих на одной из уцелевших стен, стало очень редким и медленным. Пылинки лениво плыли в лучах утреннего солнца, струящихся через пробоину в стене. Эта большая дыра привлекла мое внимание. Мой потенциальный защитник не проломил стену дома своим обычным способом, он вытащил кусок стены наружу. Почему? Потому что я стоял по другую сторону и мог пострадать. Это озарение подсказало мне, что надо делать или, по крайней мере, попытаться сделать...

- Тот, если ты убьешь этого человека, я тоже умру. - Мне хотелось верить, что робот поймет, несмотря на то что он отказывался подчиняться мне в своем нынешнем режиме. И я рассчитывал на его программу моей защиты.

Тот не отпустил Брэдли, но его клещи не сомкнулись. Мой сосед смотрел на меня взглядом, слишком испуганным, чтобы быть умоляющим, и я изо всех сил старался передать ему уверенность, которой сам не чувствовал. Эта тупиковая ситуация, казалось, не имела конца, и благополучно разрешить ее было невозможно.

Затем Тот впервые доказал, что умеет разговаривать.

- Вы не умрете, когда умрет Брэдли С.Пирсон. - Его голос представлял собой дрожащее желе, но с ледяной коркой.

Клещи сомкнулись настолько, чтобы сжать шею Брэдли, но не повредить кожу. Брэд почти беззвучно взвыл, и я почувствовал: у меня по спине побежала струйка пота.

- Ты ошибаешься! Его убийство уничтожит мою репутацию и карьеру. Чувство вины вынудит меня покончить жизнь самоубийством.

- Я помешаю вашему самоуничтожению.

Несмотря на этот неоспоримый контрдовод, клещи не смыкались дальше. Может быть, у хууков довольно широкое понятие о защите.

- Ты не сможешь спасти мою репутацию.

Тот ответил на мой контраргумент тем, что ничего не сделал: огромный шаг вперед по сравнению с тем, чего я опасался с его стороны. Но не успел я снова позволить себе дышать, как Сделка выдала совет в виде нескольких щелчков.

- Как я подозреваю, доктор, ваш слуга временно занят тем, что взвешивает потенциальный ущерб вашему статусу от кончины этого человека по сравнению с тем вредом, который он намеревается причинить вам.

Смысл сказанного Сделкой был совершенно ясен: в любой момент Брэдли может лишиться головы.

Снова мне показалось, будто механизм времени заклинило, и страх подстегнул мои мыслительные способности.

- Не причиняй ему вреда, Тот! - приказал я, не уверенный в том, что из этого выйдет толк, выбежал сквозь большую дыру, через кучу щебня и ринулся к клинике. Спасти Брэдли мог только демонтаж контроллера, а Л и Тад явно не преуспели в этом.

На полпути я задохнулся. Не потому что запыхался. Дюжина обрывков информации в моей голове одним прыжком встала на свои места и образовала картину, о существовании которой я прежде не подозревал. Взрыв моего «вольво», Тад меня спасла, видеозапись не зарегистрировала никого, кто подложил бомбу в машину, Тад явно избегает встречи со Сделкой, Сделка назвала Тад «удивительной», три пробитые насквозь стены из макромайтов и даже долгие месяцы отсутствия реакции у Кору - все сложилось в одно потрясающее откровение. Поистине тревожное откровение, но оно могло указать путь к спасению Брэдли.

Застывшие копы уже начали шевелиться, хотя и в замедленном темпе. Кажется, они не пострадали. В отдалении я слышал вой сирен и догадался, что машины направляются в эту сторону.

Передняя стена уже почти заросла, поэтому мне пришлось воспользоваться дверью, чтобы войти в клинику, и я, не снижая скорости, ринулся в помещение с контроллером. В жизни мне доводилось видеть очень странные вещи, но сцена в той комнате побила все рекорды. Л вырастил лес щупалец, которые заканчивались гаечными ключами, отвертками, молотками и тому подобными

инструментами, и он их все пустил в ход, чтобы колотить, тыкать и завинчивать что-то в контроллере, как армия спятивших механиков. Тем временем Тад дергала машину, пытаясь взломать голыми руками. Результат этой гиперактивности был нулевой.

- Стойте! - крикнул я, перекрывая шум. - Л и Тад, выйдем со мной в коридор, быстро.

Я сомневался, что Тад послушается, но Л схватил ее за руку выращенными тисками и вытащил из комнаты. Я хлопнул ладонью по пластинке на стене, и дверь с шипением закрылась.

- Вы остановили робота? - спросил Л.

Я ответил голосом, который был тише шепота.

- Не совсем. Нам придется сделать это с другого конца.

- Славная идея. Как?

Я повернулся и гневно посмотрел на моего якобы охранника.

- Тад, у вас осталось немного той взрывчатки? Ну, вещества, которое вы подложили в мою машину?

Мгновение стояла мертвая тишина.

- Вы знаете, что это сделала я?

- Я уверен. - Она нарушила обычный порядок действий и сопровождала меня на стоянку, но слишком быстро и идеально среагировала на «запах» бомбы, как утверждала. Кроме того, группа макромайтов, слишком маленькая и незаметная на видеозаписи, могла легко пронести инопланетный аналог взрывчатки Си-4 к машине маленькими порциями. И кто лучше может управлять вапабондами, чем один из вапабондов? - Я даже знаю, почему вы это сделали.

Чтобы заставить меня доверять ей, чтобы устранить любые подозрения, которые у меня могли возникнуть по отношению к ней.

- Если у вас осталась взрывчатка, принесите ее сейчас же, - приказал я почти беззвучным криком. - Быстрее!

Вы можете подумать, что существо, похожее на помесь гориллы, моржа и броненосца, не способно выглядеть пристыжено, но Тад этот трюк удался. Затем она продемонстрировала, что можно бежать крадучись. Она бегала гораздо быстрее, чем я думал.

- Вы считаете, что взрыв выведет из строя контроллер? - прошептал Л.

- Господи, я... - Ух, ты! Она уже вернулась. - Сейчас мы это узнаем.

Тад принесла большой прозрачный кувшин, наполовину заполненный чем-то, похожим на порошок из растертых рубинов, и протянула его мне для осмотра.

- Как это взрывают?

В ответ она достала маленький приборчик с миниатюрной антенной на конце. Поднесла это устройство ко рту и что-то пробормотала. Затем убрала его и приложила один из своих сосископодобных пальцев к ближайшей стене. Крохотная движущаяся полоска цвета

слоновой кости появилась на ее пальце, прошла по панцирю Тад и спустилась вниз по руке, держащей кувшин. Я придвинулся ближе, но все равно едва разглядел отдельные оболочки марширующих макромайтов. Несколько секунд спустя полоска цвета слоновой кости покинула Тад и исчезла в рубиновой пыли.

- Самовоспламеняется по команде, - объяснила Тад.

Полезные негодники.

- Как быстро они могут работать?

- Сначала мы должны выйти из помещения.

- Ладно, вы оставайтесь здесь и дадите вашим маленьким приятелям команду начинать, как только Л вернется обратно, а я закрою дверь. Л, вы здесь король скорости. Интуиция мне подсказывает, что лучше вам выполнить задачу как можно быстрее.

- Вы хотите, чтобы я поместил взрывчатку возле контроллера?

- На него. Этот кувшин надо пристроить у него на плече. Можете это сделать?

- Легко.

- Хорошо. Все готовы? - Мне очень не хотелось полагаться на Тад, но у меня не оставалось выбора.

И она сделала это ради меня, снова достала свою маленькую игрушку, а Л в это время превратил себя в низкую торпеду с шестью ногами и двумя длинными руками, заканчивающимися таким количеством похожих на спагетти пальцев, что их хватило бы на галлон соуса «карбонара». Он осторожно взял кувшин и положил на пластинку открытия дверей один из пальцев-спагетти.

- Теперь я готов, - сказал он и скользнул в комнату так быстро, что в ту секунду я мог бы поклясться: он остался в коридоре.

Затем Л вернулся. Когда дверь закрывалась, я услышал, как контроллер произнес:

- Операция, которую вы пытаетесь выполнить, запрещена.

- Давай, Тад.

Невероятный грохот раздался позади нас, в приемной, а не в том месте, где я хотел услышать взрыв.

- Давай, Тад! ДАВАЙ!

Подобно разогнавшемуся демону в режиме неподвижного кадра Тот налетел на нас как раз в то мгновение, когда какой-то гигантский кулак обрушился на мир. Эта сила сбила меня с ног, что, наверное, спасло мне жизнь, так как пять пустых, но твердых коробок пронеслись через то место, которое секунду назад занимала моя голова. Л поймал меня в полете и поставил на ноги. Кажется, кто-то что-то говорил, но в тот момент мои уши были на каникулах.

Я огляделся. Кажется, ни Л, ни Тад не пострадали, и даже стены остались целыми. Я подошел и поднял одну из коробок, которые несколько минут назад были частью Тота. Я поставил ее на пол,

поднял другую, потом третью. Проклятье. Назовите меня глупцом.

В холл одним прыжком ворвалась Сделка, по пятам за ней вкатилась Гара, принявшая сферическую форму.

- Брэдли? - спросил я и услышал свой собственный голос лишь благодаря способности костей проводить звук.

Я видел, как щелкают жгутики Сделки, но мне пришлось трясти головой и напрягать уши. Потом мне в голову пришла очевидная мысль, и я включил одну из функций «доступности» моего АБД.

- Повторите, пожалуйста, - попросил я.

На этот раз, когда Сделка заговорила, перевод ее слов появился в поле моего зрения:

- Ваш сосед здоров, если не считать остаточной психологической травмы. Робот отпустил его и удалился со скоростью, которая заставила меня заподозрить, что он снабжен какой-то разновидностью межзвездного двигателя. Насколько я понимаю, вам удалось вернуть Тота в его первоначальное состояние.

- Благодаря Л и... вот этому вапабонду. Сделка-всех-десяти-жизней, позвольте познакомить вас с моей пациенткой Коратеннулагонд. Она делала вид, будто является охранником, нанятым для меня вашими людьми, по имени Тадетраулагонг.

Сделка подскочила ближе к той, о которой шла речь, и уставилась на нее десятками глаз на жгутиках.

- Вот как?! Мне сообщили, доктор, что к вам направили женскую особь-2, которая доставит заболевшую женскую особь-1. Когда я увидела, что у вашей пациентки не тот тип пола, я предположила, что мои сведения ошибочны. Теперь это несоответствие получило объяснение.

А также множество других вещей: например, почему «Кора» так долго ни на что не реагировала. Пока Тад и Кора летели к Земле, что-то пошло неправильно, и психически больная вапабонд захватила власть над второй особью.

- Как вы намерены исправить положение? - спросила Сделка.

Я внимательно посмотрел на представительницу расы вапабондов.

- Мы освободим настоящую Тад от действия тех лекарств, которыми эта особь ее пичкала, чтобы она находилась в заторможенном состоянии. А что касается вас, Кора, я считаю, что этот кризис пошел вам на пользу. Я бы даже сказал, что у вас сейчас произошло резкое улучшение. Впервые со времени нашего знакомства вы действовали с полной ответственностью. Если мы поработаем вместе, держу пари, сумеем очистить вашу психику и укрепить ее. Вы готовы это сделать?

- Вы на меня не сердитесь?

- Доктор не сердится на пациента. - Я солгал, но никому не принесло бы пользы, если бы я признался в своих истинных чувствах.

- Тогда я готова.

- Замечательно. Но давайте не использовать бомбы в качестве метода лечения. И кстати, о бомбах...

Я шлепнул ладонью по ближайшей пластинке на стене и открыл помещение, где недавно произошел взрыв. Пол был усеян деталями машины, но ни одна не выглядела сломанной, согнутой или хотя бы обожженной. Потрясающая металлургия. Этот контроллер собирался, как китайская головоломка, поэтому я сообразил, что мощный взрыв разорвет те электромагнитные или химические связи, которые начали действовать после того, как мы наконец активировали систему. Хорошо, что это получилось, ведь запасного плана у меня не было.

- Мы не будем снова собирать это устройство, - сказала Сделка. - И ставить коробки в штабель. - Мои уши начали приходить в себя; я слышал ее щелчки, хотя и слабо.

- Наверное, не будем, но, кажется, я понимаю, где мы ошиблись.

- Скажите мне.

- Пустые коробки выглядят одинаковыми, но имеют разный вес. Держу пари, если бы мы сложили их в штабель, поместив самую тяжелую внизу, а самую легкую наверху, Тот ожил бы в гораздо более... сговорчивом варианте. Помните, контроллер говорил нам, что слуга имеет сто двадцать возможных конфигураций? Именно столько существует различных способов сложить в штабель пять коробок, если не обращать внимания на то, какой стороной их поворачивать: пять факториал. Простая статистика. Умный человек сначала изучил бы пустые коробки и заметил различия в весе, а логичный сложил бы штабель наиболее устойчивый. Представители хуук меня переоценили.

Сделка несколько мгновений молчала.

- Что касается меня, мне трудно вас переоценить. Мы, торговцы, в большом долгу перед вами за те неприятности, которые породило наше неверное понимание. Как нам лучше всего возместить вам ущерб?

Я повернулся к Гаре.

- Вся эта постройка сделана из ваших крохотных машин. Могли бы они разобрать ее и снова возвести в каком-нибудь другом месте?

- Да.

- Отлично. - Я снова повернулся к Сделке. - Мне грозит перспектива утонуть в исках, и беда в том, что Брэдли и другие мои соседи правы. Это заведение действительно опасно. У меня возникла идея, как спасти свою филейную часть без нового вмешательства федералов, что вызовет еще большее недовольство против меня. Я бы хотел продолжать лечить моих пациентов-людей в своей Каюте, но я хочу переместить основную часть клиники в другое место.

- Куда-нибудь вдали отсюда?

- Не так далеко, чтобы мне приходилось несколько часов добираться туда из дома, но в место, изолированное от людей.

- Ваши желания противоречат друг другу. Вы имеете в виду определенное место?

Я усмехнулся.

- Нет, но вы же не ожидаете, что я решу все проблемы, правда?

То, как Сделка опустила вниз несколько конечностей, создало у меня впечатление, что она улыбнулась в ответ.

- Тогда у меня, возможно, есть решение, хотя это может означать, что данное строение нельзя просто передислоцировать в колясочке на новое место.

- Передислоцировать! - хрипло воскликнул Л, без сомнения, горя желанием броситься к ближайшему словарю.

- Изложите мне его, - попросил я Сделку.

- Мы в данный момент находимся недалеко от одного из ваших крупных океанов. При имеющемся у тсф опыте управления окружающей средой не вижу причин, почему вашу клинику нельзя разместить на некотором расстоянии в море.

Я несколько мгновений стоял и моргал.

- Вы хотите сказать, она будет плавать на поверхности?

- Я хочу сказать, она окажется глубоко под водой. Несомненно, ваши соседи будут удовлетворены, а мы снабдим вас средством передвижения под водой для коротких поездок на работу. Или вы предпочитаете клинику в небе?

* * *

Вот, в основном, и вся история. О, я мог бы рассказать о последующей встрече со Смит, Джоунзом и толпой других чиновников, но даже меня уже начинает тошнить от собственного голоса. Кроме того, вы получили ответ на ваш вопрос. Поэтому пусть эти колеса не вводят вас в заблуждение. Теперь вы знаете, почему мне приходится ездить на работу в субмарине.

Перевела с английского Назира ИБРАГИМОВА

© Rajnar Vajra. Doctor Alien's Five Empty Boxes. 2010. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2010 году.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ЧАЙКА

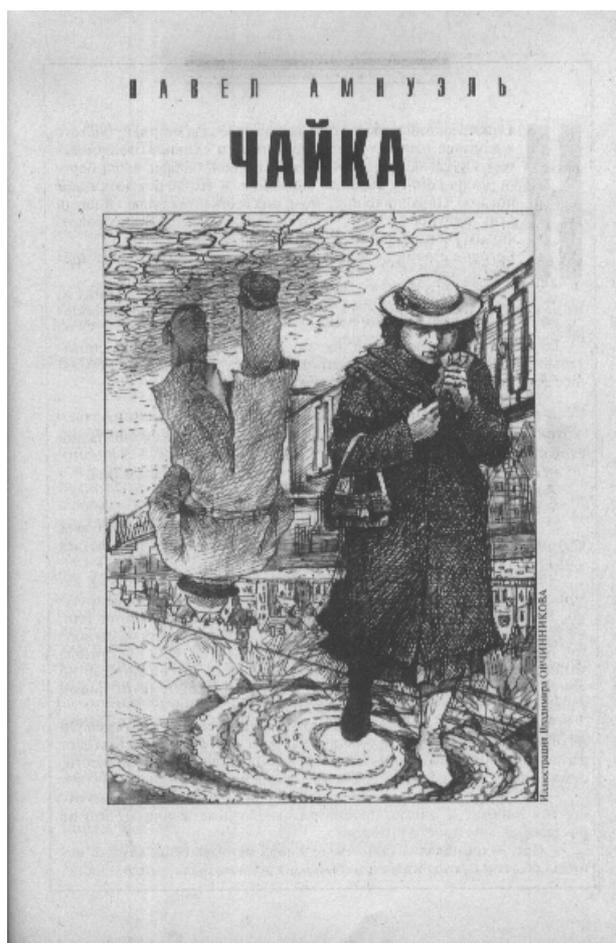

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

На набережной Утоквай она часто встречала старика, одетого в длинное пальто - холодное зимой и слишком теплое летом. Сутулый, с нечесаной седой гривой, он брел вдоль берега, ни на кого не обращая внимания, и что-то бормотал себе под нос. Поравнявшись с ним, она всегда говорила: «Добрый день, герр профессор», - хотя не знала, был ли старик рассеянным ученым или неопрятным бродягой.

Сегодня старик не встретился. Может, потому что она пришла не одна?

- Посидим здесь? - обратилась она к своему спутнику и, не дожидаясь ответа, присела на ажурную скамью, подобрав оборки платья.

Ее спутник сел рядом - не так, как она, не на краешек, а основательно, - откинулся на гнутую спинку, прищурился (солнце, стоявшее довольно высоко, светило в глаза) и сказал:

- Двадцать шестого я отплываю в Англию из Остенде.

- Вы, - поправила она. - Вы отплываете. С Эльзой.

Он молча разглядывал далекие крыши домов на противоположной стороне озера.

- Ты не захотел повидаться с Тете, - осуждающе сказала она.

Он наконец ответил:

- Не думаю, что это было бы полезно для нас обоих.

- Полезно, - повторила она с легким презрением. - Ты весь в этом слове. Тебе не приходило в голову, что Тете хочет увидеться с отцом?

- Не будем спорить, - терпеливо проговорил он и положил ладонь ей на колени. Она не ожидала этого жеста, означавшего, возможно, попытку примирения, может быть, просьбу о прощении или, на худой конец, знак понимания, которого не было между ними долгие годы - точнее, четырнадцать лет и два месяца. Она подсчитала мгновенно: столько времени прошло после того, как ей пришел по почте конверт федеральной службы, в котором лежало двумя днями ранее подписанное ею свидетельство о разводе.

Она не убрала руку, только посмотрела удивленно в его глаза. Он не отвел взгляда, смотрел изучающе, напряженно. Ей знаком был этот взгляд: он размышлял о чем-то, не имевшем отношения к реальности, думал о том мире, который всю жизнь хотел понять.

- Ты снова на перепутье? - спросила она. - Тебя беспокоят открытия Хаббла? Я иногда просматриваю научные журналы. Это не ностальгия, мне просто интересно.

- Нет, - он покачал головой. - Хаббл меня не беспокоит. Я написал об этом статью в «Нахрихтен», она должна была выйти в июне, но ее выбросили из номера... Ты слышала, я отказался от звания и гражданства?

- Кто же не слышал? - она все-таки сделала движение, и ему пришлось убрать ладонь. - Об этом писали газеты, а фрау Молнаг...

- Неважно, - прервал он рассказ, который мог затянуться. - Скажи лучше вот что: если ты иногда читаешь научные журналы, то знаешь... думаю, ты не могла это пропустить... ты всегда этим интересовалась...

- Да, - кивнула она, поняв, что он хотел сказать, прежде чем ему удалось сформулировать вопрос, чтобы он прозвучал не напоминанием о невозвратимом, а всего лишь желанием обсудить новую проблему теоретической физики. - И мне это уже не кажется странным.

- Станным, - повторил он, изобразив непонимание. - Что именно?

- Все, что было тогда.

- Тогда... У нас было много разных «тогда».

- Хочешь поговорить об этом? - спросила она спокойно, но он ощутил в ее голосе глубоко скрытое напряжение, а значит, говорить об этом не нужно, и вернулся к теме, занимавшей его последние месяцы.

- Мир меняется, - сказал он. - Мир становится все более неопределенным и грубым. Такое ощущение, будто квантовая неопределенность играет роль и в тезаурусе человеческих страстей. Никогда не знаешь заранее, чем закончится даже простой разговор о

погоде, - пожаловался он, и она вспомнила прежние баталии, когда в их берлинскую квартиру приходили друзья, тоже физики, а иногда не только. Разговоры, громкие, как военная музыка, велись далеко за полночь, и никто не знал, к чему приведут эти яростные споры, тем не менее он был прав в своих ощущениях: она всегда знала, что произойдет потом, когда все мысли окажутся высказаны, все слова произнесены, гости и хозяин (сама она никогда не присоединялась к мужчинам, хотя ей было что сказать) в изнеможении сникнут, бросая друг на друга усталые и злые взгляды.

- Тебя это выводит из равновесия, - улыбнулась она одними губами.

- Да! - воскликнул он. - С тех пор как мы перестали чувствовать друг друга, я потерял ощущение правильности того, что делаю. То есть...

- Я понимаю, - прервала она его. - Это заметно по твоим работам, и удивительно, что никто из твоих биографов не обратил внимания на даты.

- Никому не пришло в голову, - усмехнулся он, - сделать самое простое.

- Ты хотел простоты, а получил обыденность.

- Я не жалею, - твердо произнес он, и она на секунду отвернулась, чтобы он не заметил выражения ее лица.

- Мне тоже не о чем жалеть, - сказала она. - Но ты не за тем приехал, чтобы вспоминать то, чего никогда вспоминать не хотел, верно?

Крыши домов на противоположной стороне Цюрихского озера сверкали на солнце и выглядели отсюда, с набережной, нотными знаками, зримой музыкой, которую можно было прочесть.

- Кванты, - сказал он. - И умные люди, замечательные ученые. Бор. Гейзенберг. Шрёдингер. Умнейшие. Но уводят физику с пути ее.

- Кванты, - удивленно повторила она. - О чем ты? Премию ты получил именно за разработку квантовой теории.

- Да! - воскликнул он. - Энергия распространяется квантами. Физические поля квантуются. Это математика. Но они... - он произнес «они» с неожиданной смесью уважения, презрения и даже некоторым страхом, - они уверены, что весь мир подчиняется законам вероятности и никогда не предугадаешь, как закончится тот или иной элементарный процесс. Посмотри, вот летит чайка: да, я не знаю, нырнет она или взмлет в небо. Я смотрю на тебя и не знаю: улыбнешься ты сейчас или скажешь колкость, после которой мне только и останется, что встать и уйти. Я не могу предвидеть такие простые вещи, потому что на самом деле они подчиняются огромному числу законов. Но если бы мне были известны все твои душевные побуждения, все твои страхи и эмоции, все рефлексy и инстинкты (это сложно, но сложность преодолима), я сумел бы предсказать, что ты сделаешь в следующую секунду так же точно, как восход солнца.

- Глупости. Я и сама не знаю, что сделаю в следующее мгновение:

расплачусь или мило улыбнусь. А ты при всем своем уме недалеко ушел от Лапласа.

- Ты понимаешь, что я хотел сказать!

- Да, - согласилась она. - Ты так и не смог смириться с тем, что миром управляют законы случайности, а не определенности.

- Видишь ли, - произнес он, следя взглядом за чайкой, которая сначала опустилась на воду, но в следующее мгновение взмыла высоко в небо и исчезла в его иссиня-глубокой вышине, - если бы миром управляла случайность, мы бы сейчас не сидели здесь и не разговаривали о вещах, в которых, кроме нас двоих, никто ничего не понимает.

Она внимательно посмотрела ему в глаза.

- Ты впервые говоришь эти слова, - медленно сказала она. - Раньше ты был более жестким... и жестоким.

Он покачал головой.

- Жестокость... Мы все равно не смогли бы жить вместе.

- Не смогли бы, - согласилась она. - Но Эльза... Ты мог бы придумать что-нибудь менее жестокое.

- А если я влюбился? Как раньше в тебя?

- Оставим это, - быстро сказала она и сделала движение, будто хотела прикрыть его рот своей ладонью - знакомый жест, так она делала всегда, когда его слова казались ей неправильными, обидными, глупыми... - Оставим, - повторила она. - Ты уже третий раз начинаешь разговор и уводишь его в сторону. Боишься? Ты всегда был немного трусом, верно?

- Нет, - он не желал признавать очевидное. Очевидное для него было менее понятно, чем странное, непривычное.

- Ты хочешь говорить о квантовой физике, - с удовлетворением сказала она, отметив минутную над ним победу и желая предаться давно забытому ощущению.

Он промолчал, поняв ее чувства и позволив им на этот раз проявиться в полной мере. Он знал по старой памяти, что только так можно пустить ее сознание в свободное плавание по волнам интуиции, из которого она приплывала со странными идеями; он, бывало, интерпретировал ее слова по-своему и оказывался прав, и все получалось, но без ее несносной интуиции его математический поезд не сдвинулся бы с места и до сих пор буксовал бы на какой-нибудь промежуточной станции.

Однако о квантовой физике они не говорили никогда. Наверное, потому что в то время, когда Шрёдингер опубликовал свою первую работу, они жили порознь, встречались редко, и он уже неверял ей свои сомнения, да и сомнений у него становилось все меньше и меньше, хотя ошибался он (она читала его работы и следила за его дискуссиями) все чаще и чаще.

- Вселенная возникла из первоатома, - сказала она.

- Возможно. - Он решил, что теперь она уводит разговор в сторону. - Но какое отношение...

- Помолчи, - сурово сказала она. - Ты, как всегда, нетерпелив. В первоатоме ничего не было, кроме света. «Да будет свет!» - сказал Бог. И стал свет.

- При чем здесь... - начал он раздраженно, но она не позволила ему договорить фразу, которая, по ее мнению, была еретической. Как и он, она не верила в Бога, но, в отличие от своего собеседника, понимала, что ее вера или неверие ничего не означают, потому что Он есть.

- Был свет, - повторила она. - Фотоны. Те самые...

Она всего лишь напомнила ему весну почти тридцатилетней давности, когда они сидели рядом, склонившись над большой тетрадью, исписанной формулами. Два почерка - его и ее, а цепочка формул одна. Начало квантовой теории излучения.

Он мрачно кивнул. Он тоже помнил, как потом она сказала: «Не хочу. Будет сложности с публикацией, я женщина». И он согласился.

Она сидела, закрыв глаза, будто от солнца, а на самом деле отгородившись от всего - набережной, озера, города, неба и, прежде всего, от него, своим присутствием мешавшего ей погрузиться в привычное для нее, но непонятное ему состояние.

- Не было ничего, кроме фотонов, а потом другие частицы... ведь взялись же они откуда-то, - говорила она, не думая и, возможно, даже не осознавая, какие слова произносит: слова рождались не из мыслей, а из осознания истины, в которой она не была уверена, но которую просто знала, - кванты и частицы. Ничего, кроме связанных друг с другом квантов и частиц. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Он смотрел на крыши домов и покачивал ногой. Он не мог сказать «не понимаю». Сказать «понимаю» он не мог тоже. И просто ждал продолжения.

- Первоатом, а потом Вселенная, - терпеливо произнесла она, - представляли собой одну квантовую систему. Изолированную, потому что ничего, кроме Вселенной, не существовало. И не существует. Понимаешь?

Пожалуй, он начал осознавать причудливый ход ее мысли. Возможно, сейчас он понимал даже больше, чем она, - так на мгновение показалось ему, но он счел благоразумным промолчать.

- Сколько лет расширялась Вселенная? - спросила она.

- Это зависит от величины постоянной Хаббла, которая точно не измерена, и ты это наверняка знаешь, - сказал он. - И если воображаешь, что все это время фотоны первоатома оставались связаны...

- Частицы тоже, - кивнула она. - Не только те, из первоатома, но и другие, возникшие потом из первых, и следующие, возникшие из

вторых...

- Как же, как же... - иронически проговорил он, уловив в ее рассуждении явное противоречие. - Расстояние между частицами - миллионы парсек. Миллиарды. Единая квантовая система? И значит, частица - скажем, атом водорода - в туманности Андромеды и такая же частица, допустим, в твоём платье связаны так же, как в первоатоме? И если ты сейчас случайным движением руки выдернешь атом водорода из той цепочки, в которой он находится в твоём платье, то другой атом в туманности Андромеды мгновенно «почувствует» это изменение и сам вынужден будет изменить свое состояние? Глупости! - сказал он сердито. - Дальнодействие - это, знаешь ли, такая проблема...

- В этом суть, - спокойно сказала она. - А ты не в состоянии понять подобное единство: дальнодействие в квантовом мире и близкодействие в обычных масштабах.

- Дальнодействие и близкодействие несовместимы, - отрезал он. - Скорость света - предел.

- Потому тебе и не удастся сделать то, чего ты хочешь, - с мстительным удовольствием сказала она.

- Чего хочу я? - вопрос вырвался непроизвольно, он никогда не говорил с ней о планах, он даже с Бором еще не обсуждал свои идеи, хотел, чтобы новая физика сначала выкристаллизовалась в его мыслях...

- Единая физика, я права? Но ты не сможешь сделать ничего, потому что уверен: дальнодействие квантов несовместимо с близкодействием относительности. На самом деле нет двух миров: квантового и обычного. Мир един.

- Нет двух миров, - повторил он. - Конечно. Мир един, потому что квантовая физика, как ее изображают Вернер с Нильсом, - химера. Математический трюк.

- Мир един, - упрямо сказала она. - И если...

- Что если? - спросил он минуту спустя, потому что она замолчала на полуслове и сидела, плотно сжав губы и по-ученически сложив руки на коленях - усталая немолодая женщина.

- Если на твоём столе ты найдешь утром красивый камешек, которого не было вечером, ты повертишь его в ладонях и выбросишь в корзину... или положишь на подоконник... в зависимости от настроения. Главное - забудешь через минуту, потому что мысли твои заняты другим и бытовым странностям в них нет места.

Он покачал головой.

- Не напоминай, - сказал он, помрачнев. - Тете таскал домой все, что попадалось под руку. Сейчас, наверное, тоже.

- Ты так и остался при своем мнении, - с горечью произнесла она. - Ты не хочешь понять, что Тете... Неважно, - прервала она себя. - Просто

бытовые глупости, ты никак не связываешь их с квантовой физикой.

- Опять об этом, - с досадой сказал он. - Я хотел говорить с тобой о важных вещах.

- Я о них и говорю! - она повысила голос, воображая, что так дотянется до его сознания, до его гениального, раскованного, все понимающего сознания. - Погляди на эту чайку. О чем ты думаешь, когда видишь, как она ловко подхватывает рыбу? О том, как великолепно создала эволюция этот живой организм, верно?

Он молчал, и она не была уверена - слушал ли. Он умел погружаться в свои мысли, становиться недоступным для собеседника.

- Ты слышишь меня?

- Да, - произнес он, глядя в небо. - Лет пятнадцать назад мы с тобой повздорили, когда ты нашла у Тете камень, похожий по форме на Тадж-Махал, и сказала, что это такой же плод эволюции, как муха, ползавшая в это время по столу. Подобная идея не нова и...

- ...глупа, я знаю. Тогда это была чистая интуиция, ничего больше, но сейчас...

- Сейчас это даже не интуиция, а непонимание, - отрезал он. - Тете таскал в дом всякую всячину, которую мы находили в самых неподходящих местах. Он и сейчас это проделывает? Я правильно тебя понимаю?

- И сейчас, - повторила она. - Только ни тогда, ни сейчас он не таскал, как ты говоришь, всякую всячину.

- Да-да. Тете сам создавал эти предметы. Как фокусник в цирке. Правда, там...

- О Господи, - сказала она. - До чего порой умны эти физики! Они так умны, что перестают понимать самые простые вещи. Ты можешь помолчать?

Он демонстративно сложил руки на груди и приготовился слушать внимательно, очень внимательно, как умел только он. Она обожала такие мгновения их прошлой жизни. Когда ей приходила в голову мысль, она застывала на месте, а он, уловив перемену, поворачивался к ней, складывал на груди руки и впитывал не слова, она не всегда могла выразить свою мысль словами, он умел понимать идеи просто по выражению ее лица, по взгляду, и потом, когда он произносил вслух то, что она только подумала и не могла объяснить, оказывалось, что это цельная, необычная, новая потрясающая идея, до которой мог додуматься только его гениальный ум. Да, глядя на ее покрасневшее лицо, но лицо - не мысль, а мысль рождалась в его голове, в его сознании.

- Мироздание состоит из частиц и квантов...

Она сейчас не думала, не расставляла слова по местам. Она смотрела на его руки и вспоминала: маленький Тете очень хотел, чтобы Санта-Клаус подарил ему на Рождество настоящий паровоз, и,

когда игрушка действительно оказалась под елкой в гостиной, мальчик не удивился. Изумилась она, потому что не покупала эту игрушку. Подумала о муже, но он даже не знал о детской мечте сына.

- Мироздание состоит из частиц и квантов, - говорила она, не слыша себя. - Все кванты и частицы во Вселенной - единая физическая система. Раньше я не понимала, как это возможно, и не донимала тебя своими бреднями, а после работ Леметра поняла. Все началось в первоатоме.

- Да-да, - рассеянно сказал он, давая понять, что она уже говорила это.

- В замкнутой изолированной системе все частицы связаны друг с другом. В первоатоме все частицы и кванты были связаны. Они остались связаны, когда Вселенная расширилась, потому что мироздание - замкнутая изолированная система. Это так просто! Электрон, бегающий под твоей кожей, связан с фотоном в Андромеде.

- Частицы вступают в реакции, фотоны излучаются и поглощаются, - назидательным тоном произнес он, воображая, что этим очевидным утверждением разбивает ее аргумент.

- Конечно! Но связь сохраняется - теперь между другими частицами! Энергия ведь не исчезает никуда, превращаясь из кинетической в химическую или тепловую, верно? Может, существует закон сохранения связи, такой же всеобщий, как закон сохранения энергии в замкнутых системах?

- Скорость света... - начал он.

- Скорость света ни при чем! - воскликнула она. - Информация не передается, электрон под твоей кожей ничего не может сообщить фотону, летящему из туманности Андромеды. Меняется состояние частиц, это совсем другое...

- Ты говорила о чайке, - напомнил он и вздохнул. - У тебя скачут мысли, ты стала рассеяна...

- Нет! Чайка - результат эволюции. Камень на столе Тете, паровоз под елкой - помнишь? - тоже результаты эволюции. Эволюции в квантовом мире. Эволюции квантов и частиц, разнесенных так далеко в пространстве-времени, что никто пока не подумал... а ты и думать не хочешь, ты вообще решил, что квантовая физика - математическая фикция.

- Конечно, - пробормотал он так, чтобы она не услышала.

Она не услышала. Почувствовала.

- Паровоз под елкой, - сказала она, - результат эволюции. Электрон с Земли, атом железа из звезды Барнарда, еще один атом из туманности Конская Голова, фотон из той красивой туманности, что значится в каталоге Мессье под номером пятьдесят семь... Связанные друг с другом в те еще времена, когда первоатом взорвался, эти частицы миллионы, миллиарды лет искали новые связи друг с другом. Эти

связи возникали и переходили к другим частицам и квантам - в том мире, о котором твои коллеги ничего не знают, а ты и знать не хочешь. И как однажды из неорганической материи возникла жизнь в океане, так и из этих частиц и квантов время от времени возникает нечто упорядоченное: причудливый камень, кусок металла, похожий на человеческий глаз...

- Паровоз, - насмешливо дополнил он, подмигнув ей, как бывало, когда много лет назад какая-нибудь ее мысль представлялась ему не то чтобы глупой, но, с точки зрения физики, смешной.

- Конечно, - кивнула она. - И паровоз. Потому что в квантовом мире любой процесс заканчивается...

Она замолчала, ожидая, что он продолжит фразу. Он всегда продолжал ее мысль, когда понимал принцип. Он молчал, смотрел на нее с любопытством.

- Наблюдением, - вздохнула она. - Наблюдением он заканчивается.

- Ах! - патетически воскликнул он, взмахнув руками. - Конечно. Узнаю голос Эрвина. Если никто не смотрит на обезьянку, то она занимается сразу всем, что физически возможно: спит, ест банан, прыгает на ветке, чешется, дерется... Только когда мы на нее бросаем взгляд, она прекращает все дела, кроме одного, и мы видим обезьянку, жующую банан... Вот почему квантовая физика не отражает реальности! Реальность одна, а решений уравнения состояния множество!

- Твоя мысль, - осуждающе сказала она, - мчится быстрее того паровоза, который...

- Естественно! Эволюция на квантовом уровне? Электрон в моей коже и фотон в галактике Андромеды? Никогда не слышал более нелепого...

- Паровоз под елкой Тете...

- Ты сама его туда положила! Признайся. Сейчас можешь это сделать - столько лет прошло.

- Камень, похожий на птицу, на его подушке... Пятно на скатерти, возникшее, когда ты не отводил от нее взгляда... Мои очки, вторая пара, помнишь: откуда они-то взялись, если у меня всегда была только одна? Камешки причудливой формы, которые Тете где-то доставал, часто просто протянув руку, из воздуха... Сейчас у него это получается реже, может, потому что он уже взрослый, а способность стимулировать эволюционные процессы в квантовом мире больше свойственна детям.

- Никогда не слышал большей ахинеи... - пробормотал он и не закончил фразу, не хотел ее обижать, не хотел произносить слово, которое она всегда ненавидела.

- Конечно. Но ты не станешь утверждать, что ничего этого не было: паровоза под елкой, камешков в руке Тете, второй пары очков...

- Паровоз купила ты, - упрямо произнес он. - Камни... Ну, знаешь, способность нашего Тете таскать домой всякую всячину известна тебе

не хуже, чем мне... Послушай, - сказал он, помолчав, - я понимаю, ты всегда хотела... то есть у тебя всегда были свои соображения, которыми я, по твоему мнению, пренебрегал... но это не так, ты знаешь...

- Знаю, - с горечью сказала она. - Потому ты предпочел мне Эльзу.

- Оставим это, - прервал он. - Квантовая эволюция, говоришь? Предположим. Наблюдение, завершающее этот странный процесс? Допустим. Как видишь, сегодня я готов принять любые твои... э-э... идеи. И результат такой эволюции - камни Тете, паровоз под елкой? Если бы никто под елку не заглянул, паровоза там не было бы?

- Если бы Тете не хотел эту игрушку... Если бы в его мозгу кванты и частицы не завершили этот эволюционный процесс...

- Извини, - сказал он, бросив взгляд на часы, поднявшись и отряхнув с колен невидимые ему самому пылинки. - Мне пора на вокзал... - Знаешь, - добавил он, помогая ей подняться и впервые за много лет обняв ее располневшую талию, - наш разговор многое дал мне сегодня. Не то, на что ты, видимо, рассчитывала, но я подумую. Проводить тебя?

Он надеялся на отрицательный ответ и получил его. Она покачала головой и убрала его руку со своей талии.

- Если ты так уверена в существовании квантовой эволюции и в том, что заканчивает этот процесс наблюдение, - сказал он с легкой насмешкой, - то почему бы тебе не сотворить такой же камень, что таскал домой Тете? Прямо здесь. Ну, попробуй! В физике, ты знаешь, все решает эксперимент. Наблюдение, да. Мало кто верил в общую относительность, пока сэр Эддингтон...

- Передай Эльзе привет, - сказала она. - Прощай, Иохонесль.

- Прощай, Доксерль.

Давно забытые прозвища, которые они дали друг другу... почти тридцать лет назад.

Они разошлись в разные стороны и ни разу не обернулись. Оба прекрасно понимали, что больше никогда не увидятся.

Милева вздохнула и направилась вдоль берега. Навстречу ей шел бродяга... или профессор? Поравнявшись с ней, он приподнял шляпу, тряхнул седой гривой, улыбнулся и сказал:

- Добрый день, фрау Эйнштейн. Всего вам хорошего.

Под мостом она постояла, глядя на воду, на чаек, на прогулочный катер, где тихо играла музыка. Протянула руку ладонью вверх, задумалась - и на ладони возникла чайка. Маленькая, каменная, белая в крапинку, расправившая крылья и готовая взлететь. Тяжелая. Милева опустила руку, и фигурка упала на гравий дорожки. Краешек крыла откололся.

- Иохонесль... - прошептал порыв ветра.

Видеодром

наше кино

КУДА УЖ РЕАЛЬНЕЕ

Мы давно живем в мире, где нет места Царевне-лягушке, но зато есть много железных терминаторов. Заяц уже не удирает от Волка, а когда-то запретные Том и Джерри не вызывают смеха. Мы перестали верить в чудеса, в сказку, но ждем сказочных богатств от банка. А как же борьба добра со злом? Кто нам о ней напомнит? Старая добрая сказка в кино. Пусть даже и совершенно новая, реально новая!

От старых времен нам осталась самобытная школа экранизации сказок. Отечественная, нигде и никем не превзойденная, как, впрочем, и не всеми понятая, Великие режиссеры Александр Роу и Александр Птушко создали трогательный сказочный эмбиент, а заодно установили планку качества. Ни в коем случае не критикуя голливудскую школу сказочных фильмов и их классические экранизации, все же необходимо отметить, что наша была оригинальной и тонкой. К сожалению, в последние годы отечественные ленты подобных слов никак не заслуживают.

В фильме «Реальная сказка», снятом режиссером Андреем Мармонтовым по собственному сценарию (при участии Сергея Безрукова), действуют знакомые сказочные герои - Иван-дурак,

Василиса Премудрая, Кощей, три богатыря, - но в нашем времени. Главная идея фильма обыгрывалась неоднократно, например, в «Бесконечной истории» по книге Михаэля Энде: если в сказочных героев перестают верить, они умирают, Однако в нашем фильме, несмотря на тотальное неверие, Иван-дурак со товарищи, спасибо, - живой! Прекрасный актерский коллектив делает банальный сюжет увлекательным, и фильм смотрится с удовольствием. Особенно удачны эпические фигуры трех богатырей и полный циничного коварства Кощей (А.Ярмольник). Не очень достоверна мать главного героя, мальчика Саши, которая на редкость бесстрастно относится к похищению дочери, но это единственный эмоциональный просчет фильма.

Интрига в том, что Кощей в какой-то момент понимает: если изъять из книжек описание своей гибели, то можно остаться бессмертным, невзирая на все происки Ивана-дурака. Однако, как всегда, находится маленькая девочка, которой в руки попадает раритетная книжка русских народных сказок. И тут начинается...

В современном волшебном царстве не всегда есть место классическим канонам. Главная хитрость - не все так просто со смертью Кощея. Убивший его погибает сам. И хотя простодушный Иванушка (Сергей Безруков не только сыграл Иванушку, но и спродюсировал ленту) готов пожертвовать собой ради светлого «завтра», новые реалии ставят новые задачи. Ведь Василиса Премудрая - все-таки премудрая! И прекрасно понимает: помрет Иванушка, останется она вдовой, одна-одинешенька, без средств к существованию. Вот и уговаривает она своего суженого не ломать иглу - смерть Кощея. В результате при нынешнем миропорядке богатыри земли Русской, лишённые финансирования, идут к Кощею в телохранители. Мыкаются в бомжах герои вроде Лешего. Болота осушили, торф продали, плотины перекрыли - нет спокойной жизни в топях.

Не будь этот фильм нашей сказкой, сложно себе представить дальнейшее развитие событий. Но интригу раскрывать не станем. Сказка очень русская и, естественно, добрая. Враг будет разбит, победа будет за нами. И все заблудшие в итоге не предадут!

Компьютерная графика в фильме удивляет тщательностью и нетрадиционностью решений, что для отечественного кино совершенно неожиданно.

Вспомните старые сказки. Мы читали их перед сном, мы знали их наизусть, мы смотрели десятки раз экранизации нашего детства - «Морозко», «Садко», «Марья-искусница». Мы разве задумывались тогда о том, что сюжет предсказуем? Мы разве не переставали замирать от трепетного страха, когда главный герой шел на смерть, хотя знали, что он все равно победит?

Это тот мир, где мы чувствуем себя как дома, в котором мы знаем все наперед и убеждены, что добро победит зло (пусть даже и обманом), что плохой будет наказан (пусть даже и небольно) и что на свадьбе все равно мед потечет по усам, а в рот не попадет. И этот наш старый добрый мир отделяет от подделки очень тонкая грань, которую раз за разом разбивали, превращая добрую сказку в грубый балаган или пошлую комедию.

Мы ведь потому и верить перестали в эту сказку. Спасение и к нам, и к сказочным героям приходит всегда с неожиданной стороны!

Александр ТИМОФЕЕНКО

рецензии

РОНАЛ-ВАРВАР

(RONAL BARBAREN)

Производство компаний Einstein Film, Nordisk Film и др. (Дания), 2011.

Режиссеры Крестен Вестбьерг Андерсен, Торбьорн Кристофферсен и Филип Эйнштейн Липски.

Роли озвучивали (в русском переводе): Николай Быстров, Александр Пушной, Мария Кожевникова, Никита Джигурда, Эвелина Бледанс, Сергей Шнуров и др.

1 ч. 26 мин.

Представьте себе: вы сидите с друзьями в средневековой таверне и, в очередной раз хлебнув хмельного эля из огромной деревянной кружки, ведете рассказ о некоем героическом предприятии. Друзья поначалу слушают с интересом, но потом внимание под действием вливаний начинает рассеиваться. Чтобы вновь привлечь интерес, вы начинаете вставлять в героическую сагу самые что ни на есть скабрёзные шутки. Здоровый бессмысленный гогот друзей станет вашей наградой!

Датские мультипликаторы, замыслившие 3D-пародию на фэнтези, нашли такой же выход. Обычно от европейского кино ждешь более тонкого подхода к материалу. История, претендовавшая на веселое семейное кино, вдруг обрастает «сортирными» шутками, и в какой-то момент становится неясным: на кого же рассчитан мультфильм? Взрослым уже не интересно и не смешно, детей и жену на такое в кино

не поведешь... Разве что от пубертатных подростков или подвыпивших ролевиков можно дождаться одобряющего «Гы-гы-гы».

В центре истории молодой варвар Ронал. Он самый слабый и зачуханный из племени могучих варваров. Однако, когда все племя захватывает в плен злобный лорд Вольказар, желающий использовать текущую в варварах кровь Крона для завоевания мира, именно Роналу предстоит спасти сородичей. В компании сексуально озабоченного барда-здоровяка, психованной девы-воительницы и эльфа-проводника нетрадиционной ориентации Ронал отправляется на поиски меча Крона - только он может пробить доспехи Вольказара, Спутники постоянно сообщают друг другу, что это не квест - но это все равно квест.

Даже странно, что для русской озвучки было привлечено столько отечественных медийных звезд - от «русского голоса Гарри Поттера» Николая Быстрова до музыкантов Пушного и Шнурова. Не стоил фильм таких стараний.

Тимофей Озеров

АРИЭТТИ ИЗ СТРАНЫ ЛИЛИПУТОВ

(SECRET WORLD OF ARRIETTY / KARI-GURASHI NO ARRIETTY)

Производство компании Studio Ghibli (Япония), 2010.

Режиссер Хиромаса Йонебаяси.

В ролях: Мирай Сиды, Рюноскэ Камики, Синобу Отакэ, Кейко Такесита, Татсуя Фудзивара, Томокадзу Миура и др.

1 ч. 34 мин.

Маэстро Хаяо Миядзаки в представлении не нуждается - он самый обожаемый из ныне живущих мэтров анимации. Режиссер, создававший прелестные и чувственные мультипликационные сказки, вновь обратил взор на английскую литературу. Пять лет назад он снял «Бродячий замок» по книге Дианы Уинн Джонс, а сейчас в качестве автора сценария и продюсера принял участие в ленте по знаменитейшему роману «Добывайки» Мери Нортон. Правда, «Берущая понемножку Ариэтти» (как называется фильм в оригинале) вышла еще летом 2010 года, а до российских экранов добралась лишь через год, став у нас почему-то лилипуткой.

История о маленьких человечках, живущих по соседству с людьми, экранизировалась несколько раз, но в жанре аниме появилась впервые. Двенадцатилетний мальчик Сё с пороком сердца накануне операции приезжает в загородный дом, где мельком замечает девочку ростом в четыре дюйма. Оказывается, когда-то таких крошечных

человечков видел еще его дедушка. Тогда эти существа жили бок о бок с людьми, утаскивая разную мелочь у них из-под носа - за счет чего и существовали, Теперь их осталось всего-то ничего: исчезающий вид, что ни говори. Единственная возможность выжить - оставаться незаметными. Но, к сожалению, семейку добываек обнаружили, и теперь им грозит страшная опасность...

Этот легкий, чудесный фильм сделан по всем канонам милых сказочных историй, которыми так славится Ghibli, Проработка визуальных деталей выше всяких похвал, музыка завораживает, за что отдельное спасибо Сесиль Корбель. В сказке каждый найдет для себя что-то свое. Ведь это история о встрече с неизвестным, волшебно притягательным, о нежности и доброте, о чести и благородстве - и даже о чувстве, так похожем на первую любовь. Именно о том, как бывает лишь тогда, когда на смену детству приходит неловкая юность, а мир все еще кажется прекрасным, воздушным и полным чудесных красок и ароматов пронзительной чистоты.

Вячеслав Яшин

СУМЕРКИ. САГА. РАССВЕТ: ЧАСТЬ 1

(THE TWILIGHT SAGA: BREAKING DAWN - PART 1)

Производство компаний Sunswep Entertainment, TSBD Louisiana и др. (США - Канада), 2011.

Режиссер Билл Кондон.

В ролях: Кристен Стюарт, Роберт Паттинсон, Тэйлор Лотнер, Билли Бер и др.

1 ч. 57 мин.

Вспомним: первый фильм саги («Сумерки») вызвал настоящую сенсацию в мире кино, второй («Новолуние») можно было перетерпеть, но третий («Затмение») произвел впечатление воистину удручающее.

Зато четвертый фильм сумеречной саги порадовал. Это отличная режиссерская работа. Картина начинается долгожданной свадьбой Беллы и Эдварда (кажется, что уж банальнее), но режиссер Билл Кондон и сценарист Мелисса Розенберг дарят зрителю шикарный готический сон, где свадьба превращается в кровавое торжество вампиров. Вот почему героиня напугана. Она идет к алтарю, ведомая отцом, и хочет повернуть назад. Не так-то легко сделать выбор - стать вампиром, войти в семью кровожадных монстров, потерять душу. Но вот она ловит взгляд Эдварда, и страхи отступают, на лице появляется безмятежная улыбка. А мы видим то самое платье, вызвавшее столько восторженных ахов в интернете, - белоснежное, с ярким кружевным

вырезом в виде креста на спине, оно струится шлейфом, а вокруг падают лепестки роз,,. Вообще, операторская работа точна и профессиональна, много удачных ракурсов, потрясающие природные виды, игра символами и смыслами.

Несмотря на общее положительное впечатление, фильм затянут. Так ли уж было необходимо представлять «Рассвет» в двух частях, поддавшись голливудской моде? И «резать по живому» - обрубить сюжет произведения на половине, оставляя на последний фильм саги «самое вкусное» - грядущее противостояние семьи Калленов с тысячелетним кланом Волтури?

Однако нельзя не отметить удачный юмор, хороший аудиоряд - переключку с треками из первого фильма, слаженную игру актеров и отличные спецэффекты.

Наталья Щерба

КОЖА, В КОТОРОЙ Я ЖИВУ

LA PIEL QUE HABITO

Производство компаний Canal+Esprana и El Deseo S.A. (Испания), 2011.

Режиссер Педро Альмодовар.

В ролях: Антонио Бандерас, Елена Анайя, Мариса Паредес и др.

1 ч. 57 мин.

Когда за экранизацию берется признанный мэтр кинематографа, фильм зачастую получается лучше первоисточника. Яркий тому пример - триллеры Альфреда Хичкока. Да и сам Стивен Кинг говорил, что «Сияние» в исполнении Стэнли Кубрика более значительное произведение, нежели книга. А случается, на экране появляется некий третий смысл, как в «Солярисе» Тарковского.

«Кожа, в которой я живу» снята по мотивам «ужастика» Тьерри Жонке «Тарантул». И у Альмодовара, знаменитого испанского режиссера, обладателя двух статуэток «Оскар» за фильм «Все о моей матери» и других менее заметных наград, жанр преобразовался в психологическую научно-фантастическую драму. Хирург Роберт Ледгард разработал методику создания искусственной человеческой кожи. Официальная версия для врачебного сословия: доктор ставит опыты на мышах. Но в самом начале фильма заявлен настоящий объект - молодая женщина Вера.,,

На этом остановимся. Сам режиссер настойчиво просил критиков не раскрывать сюжет его фильма. Скажем только, что «Кожа, в которой я живу» создана в логике других лент Альмодовара. Это европейское

кино, без пластиковых «идеальных» (как внешне, так и внутренне) голливудских персонажей. Каждый герой - со своим прошлым, со своей драмой. И в центре новый Франкенштейн, столь же страшный и одержимый, как и знакомый нам по классике, но причины его научных экспериментов совершенно другие.

Этот фильм - контрпропаганда силиконово-коллагенового настоящего, которое настолько разъело вневременные представления о «прекрасном», что само тело становится чем-то чуждым, вроде одежды, которую можно снять в любой момент. И психологическое изнасилование, чем занимается современное общество, желтая пресса, гламур, запросто меняя вес, пол, цвет глаз, способно сломать человека, искалечить, но дух личности все равно не «отформатировать». Во всяком случае, пока...

Анастасия Шутова

герои экрана

ЛЮДИ ТЕЛА

Для подавляющего большинства зрителей артист - это внешность. Красивая, харизматичная или, наоборот, устрашающая. Но развитие экранных технологий многое корректирует.

Нередкий комплимент мастерству: «Одними глазами играет». Однако все чаще и чаще зритель не видит даже глаз актера. Это касается, разумеется, по большей части фантастических кинолент. Раньше взгляд скрывали маски и сложный грим, теперь широко применяется «захват движения», когда от исполнителя в кадре остается лишь оцифрованный «костяк». Эта технология вроде бы похоронила страхи

рубежа двадцатого и двадцать первого столетий, когда некоторым казалось, что компьютерная графика со временем грозит вытеснить живых актеров, по крайней мере из дорогостоящих блокбастеров. Время показало несостоятельность угрозы. Знаменитая некогда «Последняя фантазия» оказалась единичным примером. Даже продюсерам стало очевидно, что и в творческом, и в коммерческом плане выгоднее симбиоз артиста и компьютера.

Вместе с тем уже давно сложилась некая генерация актеров, работающих словно бы и в кадре, и за кадром. Их тонкое мастерство - передать грани образа не глазами, а телодвижениями, как будто возвращаясь на новом витке к выразительным средствам немого кино. Кто-то из них параллельно снимается с «открытым» лицом, кто-то нет - в любом случае публика воспринимает и помнит только их движения. О нескольких таких артистах - наш рассказ.

Предтечи

«Отцом» современных «людей тела», безусловно, является звезда немого кино Лон Чейни. Он снялся в полутора сотне фильмов, но наибольшую известность Чейни принесли те картины, где он совершал метаморфозы со своей внешностью. Далеко не все из них были фантастическими. В одной ленте Лон Чейни сыграл «безрукого» стрелка, виртуозно скрывающего до поры до времени наличие верхней пары конечностей. В другой - безногого; до него считалось невозможным так подвязать ноги к телу, чтобы они выглядели культями. Ранним развитием пластических талантов Чейни был обязан своим глухонемым родителям..,

Чейни прославился смелыми экспериментами с гримом: он даже стал автором статьи о гриме не где-нибудь, а в «Британской энциклопедии». Актер успел побывать Квазимодо, Человеком-обезьяной, а его коронной ролью стал образ Призрака оперы в первой экранизации романа Гастона Леру (до создания одноименного мюзикла были еще десятки лет). В «Соборе Парижской Богоматери» Чейни был настолько убедителен в им самим изобретенном гриме, что некоторые студийные боссы подумали, будто Квазимодо играет настоящий горбун. Сам Чейни порой довольно сильно страдал от собственных экспериментов, наносивших серьезный вред его здоровью: накладки травмировали ноги, а несовершенные контактные линзы портили зрение. Современники называли его «человеком с тысячью лиц» и шутили: если увидишь таракана, он может оказаться Лоном Чейни.

По мрачной иронии судьбы Чейни скончался от рака горла после того, как сыграл в первом звуковом фильме в своей карьере. Но как настоящий отец-основатель актер заложил династию. Его сын, который

снимался под псевдонимом Лон Чейни-младший, прославился канонической ролью Человека-волка, но успел переиграть и других классических монстров - от создания Франкенштейна до сына Дракулы.

Еще на заре компьютерной графики и аниматроники необходимость симбиоза породила компромиссы и даже легенды. Из области последних, например, участие Жана-Клода Ван Дамма в образе пришельца в «Хищнике». По легенде, имя бельгийца убрали из титров из-за конфликта со Шварценеггером на съемочной площадке. На самом деле Ван Дамм успел отсняться всего в нескольких дублях, после чего продюсеры решили изменить костюм в пользу более крупного и высокого Хищника. Жан-Клод «не прошел по росту», оказавшись ниже Шварценеггера и других занятых в картине актеров-бодибилдеров. Его место занял бывший баскетболист и музыкант Кевин Питер Холл.

Это классический представитель «людей тела» 80-х годов прошлого века. Кроме Хищника в первых двух картинах, Холл сыграл в нескольких фильмах категории «Б»: он надевал костюмы пришельца из хита перестроечных видеосалонов «Предостережение» и чудовища в «Монстре из шкафа» от студии «Трома». Наибольшую известность ему принесла роль снежного человека Гарри в семейной комедии, а затем и в телесериале «Гарри и Хендерсоны». За костюм и внешний вид йети отвечал большой специалист по экранным приматам Рик Бейкер и получил за свою работу «Оскар» в номинации «Лучший грим». Сам же Кевин Питер Холл остался без наград и умер в 1991 году от СПИДа, случайно получив ВИЧ-инфекцию во время переливания крови.

Длительное время «людьми тела» выступали каскадеры: скажем, многочисленные исполнители ролей «масочных» киноманьяков Майкла Майерса и Джейсона Вурхиза или забавных черепашек-ниндзя. Но появились и драматические актеры, ирония творческой судьбы которых заключалась в том, что зритель помнит их лишь по походке... Едва ли не самые известные примеры - Энтони Дэниелс и Кении Бейкер, создатели образов андроидов Си 3Пи0 и Р2Д2 во всех сериях «Звездных войн». Любопытно, что Дэниелс в «Скрытой угрозе» даже не надевает сверкающих «доспехов», а работает за кадром в роли «кукловода» своего еще не до конца собранного персонажа.

Однако прогресс и на этом не остановился. Хотя в последнее десятилетие даже голливудские суперзвезды нередко соглашаются изменить себя до неузнаваемости посредством грима или технологии «мокап», некоторые актеры ухитрились именно на отсутствии в кадре сделать себе имя.

Трудно быть Голлумом

Пока Энди Серкис играл людей, его мало кто знал. Но все изменилось, когда он сыграл Голлума в экранизации «Властелина Колец». Ирония состояла в том, что в двух первых сериях «живого» Серкиса в кадре нет. Артиста, одетого в синий облегающий костюм с датчиками, скрупулезно вырезали из кадра, заменив тщедушной фигуркой уродца с огромными водянистыми глазами. Лишь в открывающем эпизоде «Возвращения короля» (хотя изначально предполагалось вставить эти кадры в «Две крепости») зрители наконец-то увидели настоящего Серкиса в образе хоббита Смеагола.

Энди Серкиса можно было бы назвать жертвой «инволюции». Самые известные его персонажи - или плод дегенерации, как тот же Голлум, или высшие приматы. Имеются в виду, конечно же, исполинская горилла Кинг-Конг из фильма Питера Джексона и шимпанзе Цезарь из «Восстания планеты обезьян» Руперта Уайтта.

До того как попасть в Новую Зеландию и стать Голлумом, актер снимался уже более десяти лет. Серкис начал, как и большинство, с эпизодических ролей на телевидении. Зато кинодебют состоялся в довольно громком проекте - очередной истории Гамлета. Правда, фильм «Принц Ютландии», который вышел на экраны в 1994 году, основан не на пьесе Шекспира, а на ее первоисточнике - хронике Саксона Грамматика. Имена персонажи, разумеется, тоже носят не шекспировские.

К фэнтези Серкис также прикоснулся раньше, чем попал на съемочную площадку «Властелина Колец». Он сыграл роль Касыма, брата Али-Бабы в телевизионной экранизации сказок «Тысячи и одной ночи». Поскольку мать Эндю Серкиса была англичанкой, а отец - армянином (его фамилия Саркисян изменилась под английское произношение), то актер унаследовал специфическую для британца внешность. Холодные северные глаза-льдинки и буйная восточная шевелюра вкупе с чертами лица позволяют Серкису играть представителей самых разных народностей, включая несуществующие. Несмотря на всю внутреннюю харизму, с такими данными трудно было бы рассчитывать на партию Ромео или принца Датского.

На рубеже двух тысячелетий Серкис отдал четыре года своей жизни Голлуму. Мало кто знает, что каждый дубль с участием Голлума, взаимодействующего с другими персонажами, всегда дважды снимался «на чистовик». В первый раз Серкис работал с другими актерами, чтобы они запомнили мизансцену, а во второй - стоял за камерой и только произносил свои реплики, а коллеги играли с «пустым местом», куда лишь потом клеивался компьютерный Голлум. И разумеется, затем Серкис отыгрывал роль один, в костюме с датчиками. Он провел в Новой Зеландии едва ли не больше всех остальных иностранных артистов, занятых в трилогии о Кольце, потому

что его неотлучное присутствие требовалось и на стадии постпроизводства. Последний дубль с Голлумом был отснят за несколько недель до мировой премьеры «Возвращения короля». Причем снят... в гостиной дома Питера Джексона: требовались кадры выражения лица Голлума, который видит, как Фродо собирается уничтожить Кольцо. И после всего этого Серкиса отказались выдвинуть на «Оскар» в номинации «Лучшая роль второго плана» только потому, что его персонаж не живой, а компьютерный...

Зато после успеха в образе Голлума Серкиса нередко стали приглашать и на «человеческие роли». Как правило, это «правая рука» значимого персонажа. В «Престиже» Кристофера Нолана он побывал ассистентом самого Николы Теслы, сыграв в паре с Дэвидом Боуи. В «Громобое» Джеффри Сакса создал пародийный по отношению к злодеям из фильмов о Джеймсе Бонде образ молчаливого киллера со шрамом, помощника богача-маньяка, которого сыграл Микки Рурк. В том же «Кинг-Конге» Джексона вытребовал себе роль колоритного одноглазого кока, героически умирающего в неравной схватке с монстрами. В фантастической комедии «Из 13 в 30» сыграл нервного редактора глянцевого журнала и заодно продемонстрировал блестящую хореографическую подготовку, станцевав под классическую поп-композицию Майкла Джексона «Триллер».

«Чернильное сердце» по роману Корнелии Функе, где Серкис исполнил роль главного злодея Козерога, явно использует шлейф роли Голлума: актер даже цитирует сам себя, произнося знаменитую фразу: «Моя прелесть!».

В ряду нефантастических ролей особое место занимает Альберт Эйнштейн в телевизионной биографической драме «Эйнштейн и Эддингтон». Серкис убрал флер «великого ученого» и показал сомневающегося, часто неприкаянного человека. На телевидении Серкис воплотил и образ Винсента Ван Гога. Актер в детстве сам хотел быть художником и до сих пор посвящает свободное время рисованию.

Серкис даже к своим «обезьяньим» персонажам относится серьезно. Чтобы убедительно сыграть Кинг-Конга, он ездил в Руанду изучать повадки горилл и даже подружился с приматом в английском зоопарке. Еще более сложная роль - Цезарь в «Восстании планеты обезьян». Серкису нужно было сыграть не просто шимпанзе, а обезьяну с интеллектом, даже превышающим человеческий, но в то же время с животными повадками. К тому же, в отличие от того же Кинг-Конга, на этот раз Серкис показывает развитие характера - от шимпанзе с чисто подростковыми реакциями до лидера и «гуру» обезьяньего бунта.

Актера, имеющего едва ли не самый большой опыт работы в технике «захвата движения», кажется, просто не могли не пригласить в амбициозный проект Стивена Спилберга и Питера Джексона о

приключениях Тинтина. Не слишком теплый прием зрителями последних картин Роберта Земекиса, который почти десятилетие развивал только эту технологию, ничуть не обескуражил мэтров. Серкис опять получил роль морского волка - капитана Хэддока.

На той же студии Джексона Weta Digital Серкис не только сыграл, но и сам поставил режиссерский опыт в жанре «захвата движения» - анимационную вставку для компьютерной игры «Небесный меч». Один из немногих актеров трилогии о Кольце, он вернется и в двух сериях «Хоббита» - разумеется, вновь надев костюм с датчиками и перевоплотившись в своего коронного персонажа Голлума.

Бодрость духа, грация и пластика

Даг Джонс попал в кино с театральных подмостков. Еще в школе он занялся изучением пантомимы, продолжил это увлечение, когда был студентом университета, затем примкнул к клоунской труппе. Приходилось ему работать и клоуном-мимом в парке развлечений, и акробатом. Долговязый и худой Джонс обладает вроде бы нескладной фигурой, но очень пластичен - его ноги даже могут выгибаться в коленях в обратную сторону.

В 1985 году Джонс переехал в Лос-Анджелес и начал сниматься в рекламных роликах, видеоклипах, а через некоторое время и в малобюджетных фильмах. Исключением стал «Бэтмен возвращается» Джоэла Шумахера, где Джонс исполнил эпизодическую роль клоуна. А в 1993 году судьба улыбнулась ему в виде роли комического зомби из диснеевской фэнтези-комедии «Фокус-покус». Джонс сыграл почти бессловесного «доброего» мертвеца Билли Батчерсона, который теряется в толпе ряженых в Хэллоуин и в одном эпизоде в прямом смысле теряет голову.

После такого «Фокуса...» набирающего популярность мима начали приглашать на роли всевозможных сказочных созданий в не очень дорогие фильмы. Он побывал кенгуруобразным мутантом-«потрошителем» в кинокомиксе «Танкистка», не менее кенгуруобразным мастером кунг-фу Йи в «Доблестных воинах», прямоходящим драконом в «Галгамете». Столь же активно Даг Джонс снимался в жанровых сериалах: «Байки из склепа», «Баффи - истребительница вампиров», «Внешние пределы»... Постепенно дело дошло и до блокбастеров: Джонс сыграл снежного человека в «Обезьяньей кости», подвижного шпиона-морлока в «Машине времени», пришельца в «Людах в черном 2».

Наибольшую известность актеру принесли роли у Гильермо Дель Торо. Первую из них мим сыграл в американском дебюте Дель Торо «Мутанты», изобразив гигантское насекомое. Семь лет спустя

режиссер предоставил ему возможность продвинуться по эволюционной лестнице до амфибии, пригласив сыграть Эйба Сапиена в проект «Хеллбой» (2004). Наконец, Джонс исполнил сразу две роли в испаноязычном «Лабиринте Фавна» (2006) - заглавного персонажа Фавна и жуткого монстра с глазами на ладонях, с которым сталкивается главная героиня в подземелье. На съемках актер надевал только половину костюма и зеленые трико - их на стадии постпроизводства заменяли ногами Фавна с копытами, В продолжении «Хеллбоя» Дель Торо отдал Джонсу сразу три роли, включая все того же «человека-амфибию» Эйба Сапиена.

Через год после «Лабиринта Фавна» вышло продолжение кинокомикса «Фантастическая четверка: Вторжение Серебряного Серфера». Джонс исполнил роль того самого Серфера, и это уже был опыт работы не в гриме и накладках, а с технологией «захвата движения». Пластикой актер создает космически отстраненный образ пришельца, страдающего от внутреннего конфликта.

Несмотря на то что Джонс востребован главным образом как «фигура», он работает и «голосом», озвучивая различные мультфильмы. Кроме того, периодически снимается и в «человеческих» ролях, например, сыграл с Николасом Кэйджем в комедии Спайка Джонца «Адаптация».

Трудно поверить, что Джонсу уже за пятьдесят. Тело - его основной рабочий инструмент и так же исправно служит хозяину, как и в начале карьеры. А карьера пока идет только вверх...

На лицо ужасные, добрые внутри

...Именно такими можно назвать экранных монстров, в чреве которых скрывается их «кукловод» Брайан Стил. Он даже вроде бы и не совсем актер, его «специализацию» нередко обозначают по-английски как creature performer.

Стил довольно часто снимается в паре с Дагом Джонсом, только ему достаются более «крупные» персонажи. В «Девушке из воды» М.Найта Шьямалана оба сыграли чудовищных тартутиков, существ-растений из кульминационной сцены. В экранизации культовой игры «Doom» Анджея Батковьяка оба стали мутантами, чтобы послужить мишенью для пуль спецназа, а Джонс еще выступил хореографом массовки зомби.

Это, кстати, один из немногих фильмов, где зритель все-таки может увидеть лицо Брайана Стила - тот появляется в одном из эпизодов в роли «подопытного» серийного убийцы, которому введен мутагенный препарат. Остальное время Стил предстает в образе игрового монстра Рыцаря Ада, погибающего в знаменитой боевой сцене «от первого

лица», имитирующей точку зрения игрока в Doom.

Стил еще в детстве увлекся фильмами с классическими монстрами, воплощенными на экране Бэлой Лугоши, Винсентом Прайсом, а особенно Борисом Карлоффом. Сменив в юности несколько занятий, в начале 1990-х годов он перебрался в Лос-Анджелес и получил работу монстра Франкенштейна в тематическом парке студии Universal, как раз и подарившей миру кино персонажа, которого когда-то блистательно играл кумир Брайана Карлофф. Стил прошел «кастинг» благодаря своему высокому росту. Несмотря на размеры и устрашающий внешний вид, «монстр Франкенштейна» порой становился объектом издевательств посетителей. Но Стил переносил это стоически. Благодаря все тому же росту он попал в поле зрения создателей сериала «Гарри и Хендерсоны» - молодой артист один из немногих мог влезть в костюм снежного человека, который ранее носил уже упомянутый Кевин Питер Холл.

Так Стил появился на малом экране. За снежным человеком последовал инопланетянин в НФ-сериале «Земля 2». А затем Стилу пригласили в блокбастер Питера Хайамса «Реликт». Актер был одним из двух исполнителей, управлявших костюмом мутанта, бесчинствующего в чикагском Музее естественной истории. Самого монстра изготовил прославленный Стэн Уинстон. Брайан Стил передвигался буквально на четвереньках внутри гигантского муляжа. В том же 1997 году он исполнил «реалистическую» роль медведя, с которым сражаются герои Энтони Хопкинса и Алека Болдуина в приключенческом фильме «На грани». Стил вспоминает, что в шкуре хозяина тайги, начиненной аниматроникой, он страшно мерз.

С тех пор Брайан выступает едва ли не главным голливудским специалистом по воплощению крупногабаритных монстров. Он играл оборотней в двух фильмах цикла «Другой мир», дублировал исполнителя роли Дрэйка-Дракулы в его истинном «вампирском» обличье в «Блэйте: Троица», был «акулозубым» пришельцем в «Людах в черном 2», зомби в «Дилане Доге» и эпатажным минотавром в «Храбрых перцем». В недавних «Хищниках» Нимрода Антала Брайан Стил вновь в прямом смысле надел на себя образ, созданный его предшественником Кевином Питером Холлом, и, как всегда, пошел дальше, исполнив роли сразу двух инопланетных охотников.

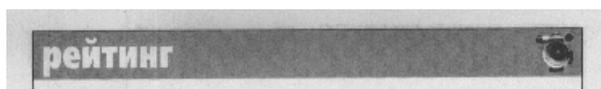
Несмотря на внешне незавидную роль вечного чудовища, Стил подходит к своим образам так же тщательно, как любой уважающий профессию актер. Он месяцами изучает своих персонажей сначала по скульптурам, тренирует нужные группы мышц, осваивает сам костюм. Любопытно, что актер не снимался в «Аватаре» Камерона, тем не менее помогал оттачивать «захват движения» еще до съемок.

Отдельная страница фильмографии - сотрудничество с Гильермо Дель Торо, хотя и не такое обширное, как у Дага Джонса. Стил

сражался с Хеллбоем сначала в образе демона Саммаэля, а в продолжении кинокомикса побывал внутри нескольких тварей из обширного бестиария картины. Чтобы управлять самым крупным из: монстров - мистером Винком, Стил не только усиленно тренировался физически, но привыкал дышать через влажное полотенце, сидя внутри синтетического костюма.

В «Терминаторе: Да придет спаситель» Стил исполнил роль киборга T-600. В одной из сцен его берет в ловушку юный Кайл Риз. Хотя скелетообразный терминатор частично создавался с помощью компьютерных эффектов, но болтаться, подвешенным за одну ногу, а потом еще и падать Стилу пришлось по-настоящему. Впрочем, стойко переносить боль и терять по несколько килограммов внутри душных манекенов актеру не привыкать. К терпению его приучили невоспитанные дети в парке развлечений во времена «франкенштейновской» молодости.

Аркадий ШУШПАНОВ

рейтинг

ЛИДЕРЫ-2011

Самые кассовые фильмы с элементами фантастики и мистики в прокате США и мира в 2011 году.

Прошедший год оказался в коммерческом плане менее удачным для кинофантастики, нежели предшествующие два, - прежде всего по количеству фильмов, которые смогли превысить двадцатимиллионный и десятиmillionный рубеж посещаемости в США: соответственно, 8 и 17 картин.

А во всем мире пользовались большой популярностью только 23 ленты, которые собрали свыше 100 млн долларов. И хотя не было такого суперблокбастера, как «Аватар», однако три фильма смогли преодолеть миллиардную отметку кассовых сборов на планете.

Среди дорогостоящих картин лучших показателей в мире по соотношению коммерческого успеха в прокате и потраченных денег на производство добилась заключительная серия «поттерианы». Фильм

«Гарри Поттер и дары смерти. Часть 2» превзошел в 10,6 раза свой бюджет. Показ ленты «Сумерки. Сага. Рассвет. Часть 1» еще не закончен, но уже сейчас у нее коэффициент доходности 5,9. А у фильма «Трансформеры 3: Темная сторона Луны» - 5,75.

Продолжается «паранормальная активность» малобюджетных картин из цикла «Паранормальное явление»: третья часть в 40,5 раза окупилась на мировом кинорынке. Еще невероятнее результаты другого мистического триллера - «Астрал» (в оригинале «Действующий тайно»), который в 64,65 раза превысил свои весьма скромные затраты: на производство ушло лишь \$1,5 млн.

К числу неудачников года следует отнести ленты «Зеленый фонарь» (сборы в мире - \$219,85 млн при бюджете \$200 млн), «Ковбои против пришельцев» (\$174,8 млн и \$163 млн) и «Запрещенный прием» (\$89,8 млн и \$82 млн). По всей видимости, к ним присоединится «Хранитель времени» / «Хьюго» Мартина Скорсезе, который стоил \$170 млн, но вряд ли получит в США более \$50 млн, а в остальных странах он уж точно не обеспечит себе дополнительные \$120 млн.

Фильмы, выпущенные под занавес 2010 года, помечены знаком *. Фильмы, прокат которых еще продолжается, помечены знаком **. Данные приведены по состоянию на 18 декабря 2011 года.

1. «Гарри Поттер и дары смерти. Часть 2» (Harry Potter and the Deathly Hallows Part 2), США-Великобритания, фэнтези, реж. Дэвид Йейтс, бюджет - \$125 млн, кассовые сборы в США - **\$381 млн**, посещаемость в США - 47,85 млн зрителей, кассовые сборы в мире - *\$1328,1 млн*.

2. «Трансформеры 3: Темная сторона Луны» (Transformers: Dark of the Moon), фантастический боевик, реж. Майкл Бей, \$195 млн, **\$352,4 млн**, 44,25 млн зрителей, *\$1123,2 млн*.

3. «Сумерки. Сага. Рассвет. Часть 1» (The Twilight Saga: Breaking Dawn Part 1), мистико-романтический фильм, реж. Билл Кондон, \$110 млн, **\$266,35 млн** (прогноз - \$285 млн), *\$647,35 млн*.**

4. «Пираты Карибского моря: На странных берегах» (Pirates of the Caribbean: On Stranger Tides), фэнтезийный историко-приключенческий фильм, реж. Роб Маршалл, \$250 млн, **\$241,1 млн**, 30,3 млн зрителей, *\$1043,9 млн*.

5. «Тор» (Thor), фэнтезийно-приключенческий фильм, реж. Кеннет Брана, \$150 млн, **\$181,05 млн**, 22,75 млн зрителей, *\$448,5 млн*.

6. «Восстание планеты обезьян» (Rise of the Planet of the Apes), фантастика, реж. Руперт Уайат, \$93 млн, **\$176,8 млн**, 22,2 млн зрителей, *\$481,25 млн*.

7. «Первый мститель» / «Капитан Америка: Первый мститель» (Captain America: The First Avenger), комикс, реж. Джо Джонстон, \$140 млн, **\$176,65 млн**, 22,2 млн зрителей, *\$368,4 млн*.

8. «Трон: Наследие» (Tron: Legacy), фантастический боевик, реж. Джозеф Косински, \$170 млн, **\$172,05 млн**, 21,7 млн зрителей, *\$400,05*

млн. *

9. «Люди Икс: Первый класс» (X-Men: First Class), комикс, реж. Мэтью Вон, \$160 млн, **\$146,4 млн**, 18,4 млн зрителей, \$353,6 млн.

10. «Супер 8» (Super 8), фантастика, реж. Дж. Дж. Абрамс, \$50 млн, **\$127 млн**, 15,95 млн зрителей, \$259,7 млн.

11. «Зеленый фонарь» (Green Lantern), комикс, реж. Мартин Кэмпбелл, \$200 млн, **\$116,6 млн**, 14,65 млн зрителей, \$219,85 млн.

12. «Паранормальное явление 3» (Paranormal Activity 3), мистический хоррор, реж. Хенри Джуст и Ариэль Шульман, \$5 млн, **\$103,8 млн** (прогноз - \$104,5 млн), \$202,6 млн. **

13. «Ковбои против пришельцев» (Cowboys & Aliens), США-Индия, фантастический вестерн, реж. Джон Фавро, \$163 млн, **\$100,25 млн**, 12,6 млн зрителей, \$174,8 млн.

14. «Зеленый шершень» (The Green Hornet), комикс, реж. Мишель Гондри, \$120 млн, **\$98,8 млн**, 12,4 млн зрителей, \$227,8 млн.

15. «Живая сталь» (Real Steel), США-Индия, фантастическая Спортивная драма, реж. Шон Ливи, \$110 млн, **\$83,75 млн** (прогноз - \$84,3 млн), \$276,45 млн. **

16. «Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес» / «Битва за Лос-Анджелес» (Battle Los Angeles), фантастический боевик, реж. Джонатан Либесман, \$70 млн, **\$83,55 млн**, 10,5 млн зрителей, \$211,8 млн.

17. «Война богов» / «Бессмертные» (Immortals), фэнтезийная драма, реж. Тарсем, \$75 млн, **\$81,9 млн** (прогноз - \$86 млн), \$187,9 млн. **

18. «Меняющие реальность» / «Бюро урегулирования» (The Adjustment Bureau), фантастико-романтический триллер, реж. Джордж Нолфи, \$50,2 млн, **\$62,5 млн**, 7,85 млн зрителей, \$127,85 млн.

19. «Я - четвертый» (I Am Number Four), фантастический триллер, реж. Д.Дж.Карузо, \$60 млн, **\$55,1 млн**, 6,9 млн зрителей, \$144,5 млн.

20. «Исходный код» (Source Code), США-Франция, фантастический триллер, реж. Данкан Джонс, \$32 млн, **\$54,7 млн**, 6,85 млн зрителей, \$123,3 млн.

21 «Астрал» / «Действующий тайно» (Insidious), США-Канада, мистический триллер, реж. Джеймс Ван, \$15, млн, **\$54 млн**, 6,8 млн зрителей, \$97 млн.

22. «Путешествия Гулливера» (Gulliver's Travels), фэнтезийная приключенческая комедия, реж. Роб Леттерман, \$112 млн, **\$42,8 млн**, 5,4 млн зрителей, \$237,4 млн. *

23. «Пункт назначения 5» (Final Destination 5), мистический фильм, реж. Стивен Куэйл, \$40 млн, **\$42,6 млн**, 5,35 млн зрителей, \$157,9 млн.

24. «Хранитель времени» / «Хьюго» (Hugo), фильм для семейного просмотра с элементами фантастики, реж. Мартин Скорсезе, \$170 млн, **\$39,15 млн** (прогноз - \$50 млн), \$41,25 млн. **

25. «Дети-шпионы 4D» / «Дети-шпионы: Все время мира 4D» (Spy Kids:

All the Time in the World in 4D), фантастический приключенческий фильм для семейного просмотра, реж. Роберт Родригес, \$27 млн, **\$38,55 млн**, 4,85 млн зрителей, *\$74,1 млн*.

26. «Крик 4» (Scream 4), мистический фильм ужасов, реж. Уэс Крейвен, \$40 млн, **\$38,2 млн**, 4,8 млн зрителей, *\$97,15 млн*.

27. «Красная Шапочка» (Red Riding Hood), США-Канада, мистический фильм, реж. Кэтрин Хардуик, \$42 млн, **\$37,65 млн**, 4,75 млн зрителей, *\$89,15 млн*.

28. «Пол: Секретный материалчик» / «Пол» (Paul), США-Великобритания, фантастическая комедия, реж. Грег Моттола, \$40 млн, **\$37,4 млн**, 4,7 млн зрителей, *\$98 млн*.

29. «Время» / «Вовремя» (In Time), фантастический триллер, реж. Эндрю Никкол, \$40 млн, **\$36,75 млн** (прогноз - \$37,5 млн), *\$133,05 млн*.
**

30. «Запрещенный прием» (Sucker Punch), США-Канада, фэнтезийно-приключенческий боевик, реж. Зэк Снайдер, \$82 млн, **\$36,4 млн**, 4,55 млн зрителей, *\$89,8 млн*.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

ПОЛ КОРНЕЛЛ

АРГУМЕНТ ПО-ДАТСКИ

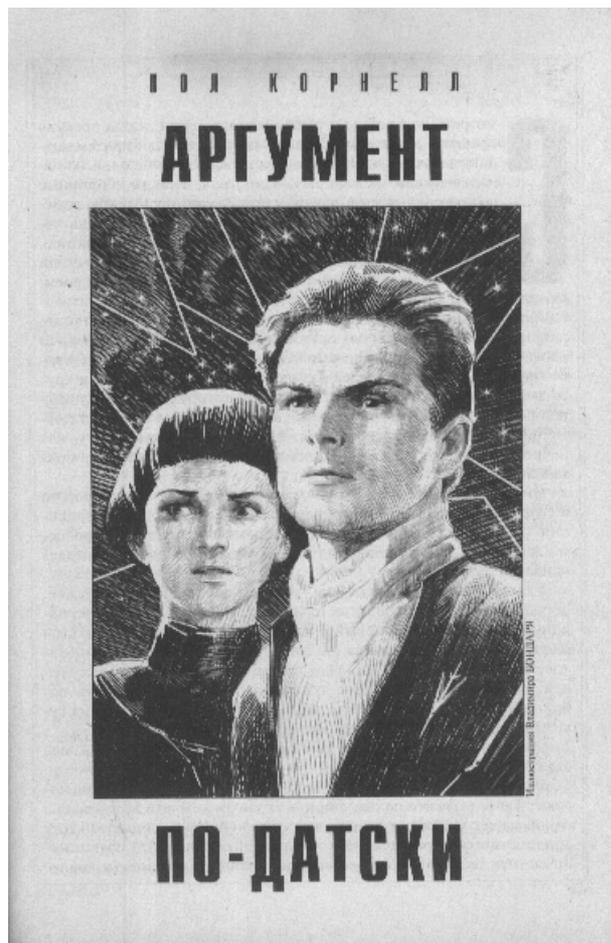

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Смотреть на Кастеллет лучше всего вечером, когда древняя крепость сияет в огнях светляков - маяк для приземляющихся экипажей. Именно здесь расположены один из самых знаменитых парков Копенгагена, а также оборонные сооружения города, включая штаб-квартиру Службы военной разведки Дании. Единственная ветряная мельница носит скорее декоративную, нежели прикладную функцию. На закате с Лангелине приходит мощный ветер, и вросший в землю китовый скелет отзывается сочувственным воем, слышным даже в Швеции.

Гамильтон прибыл дипломатическим экипажем, без бумаг, а также, как предписывал этикет, без оружия и без складок - подчеркнуто неофициально. Он проводил взглядом экипаж, который, покачиваясь на ветру, тяжело поднялся над парком в темнеющее небо и круто взял на юго-запад, скользя по складке, которую создавал у себя под полозьями. Гамильтон не сомневался, что отдел внешних сношений фиксирует каждую мелочь. В дипломатическую почту, конечно, никто не заглядывает, но все прекрасно знают, куда эта почта направляется.

Он вышел из парка через реставрированные бронзовые ворота и спустился по лестнице, направляясь к дипломатической резиденции. Он ни о чем не думал. Когда возникают неразрешимые проблемы, это

лучше, чем бесконечно толочь воду в ступе, тщетно пытаюсь найти решение.

Улицы Копенгагена... Дамы и господа, выходящие из экипажей, порой с трехцветными перьями на шляпах, а один раз он заметил накинутый на плечо тартановый плед, что было еще хуже. Гамильтон ощутил было вспышку гнева, но затем узнал цвета клана Кэмпбеллов. Их обладатель, юнец во фрачной паре, видимо, был из тех дурней, которые, услышав в баре чужой акцент, готовы нарушить любой запрет, лишь бы выразить свой бессильный протест против существующего мироустройства. На этом шотландцы их и ловят.

Собственный гнев вызвал у Гамильтона раздражение: он не сумел сдержать себя.

Он прошел мимо фасада Британского посольства, где стояли часовые Ганноверского полка, свернул за угол и немного подождал на одной из тех удобных темных улочек, что образуют скрытую карту дипломатических резиденций в любом уголке мира. Миг спустя неприметная дверь распахнулась; его провели внутрь и приняли пальто.

* * *

- Девушка пришла к парадному входу, похоже, она была обеспокоена. Она заговорила с одним из наших ганноверцев, рядовым Глассманом, и поскольку он не мог ее понять, ужасно разволновалась. Она, видимо, решила, что ее так никто и не поймет. Мы пытались провести ее через контроль в вестибюле, но она уперлась.

Посла звали Байюми. С этим седобородым мусульманином Гамильтон однажды уже встречался на балу, устроенном во дворце, балансирующем на верхушке одной-единственной волны, поднятой из океана в знак присутствия коронованных особ трех великих держав. Как и обязывает профессия, дипломат держался непринужденно, словно его высокий пост ничего не значил. Возможно, он и в самом деле не чувствовал бремена своих обязанностей.

- Могла она быть вооружена? - Гамильтон уже уселся и теперь сосредоточенно разглядывал узоры древесины на лакированной поверхности посольского стола.

- Она могла быть сложена в несколько раз, как оригами.

- Думаете, это действительно она?

- Видите ли, майор... - теперь континентальный посол вел себя как и положено дипломату, - если возможно, я бы предпочел не касаться этого сейчас, чтобы не компрометировать девушку, и я...

Гамильтон прервал его:

- Ваши люди не доверили курьеру ничего, кроме имени и

предположения, что один из Их Величеств может быть скомпрометирован. - Это прозвучало настолько грубо, что выглядело почти угрозой: - В чем дело?

Посол вздохнул.

- Дело в том, - сказал он, - что я никогда не спрашиваю у дамы ее возраст.

* * *

Вначале ее поместили в приемной, закрыв на этот день посольство для всех других дел. Затем приемную соединили с караульным помещением, пробив для этого стену, и устроили внутри небольшой закуток для девушки. От остального посольства ее отделяла освещенная складка, так что Гамильтон мог наблюдать за ней на интеллектуальной проекции, занявшей большую часть стены одного из многих пустующих кабинетов посольства.

Увидев ее лицо, Гамильтон чуть не задохнулся.

- Впустите меня.

- Но что если...

- Если она меня убьет, невелика беда. Именно поэтому она не станет этого делать.

Гамильтон вошел в комнату, сформированную пространственными складками, изнутри отблескивающими белым для визуального удобства находящихся там. Он закрыл за собой дверь и уселся напротив.

Она вздрогнула под его взглядом: он смотрел совсем не так, как смотрят на незнакомую даму. Возможно, именно это подтолкнуло ее к узнаванию. Хотя, быть может, это ничего не значило.

Тело определенно принадлежало Люстр^{*2} Сен-Клер: коротко стриженные волосы, пухлый рот, очки, придававшие ее облику оттенок манерности, теплые, обиженные глаза.

Но ей никак не могло быть больше восемнадцати. Ее глаза подтверждали это; никакая косметика не могла бы добиться такого эффекта.

Это была та самая Люстр Сен-Клер. Та, которую он знал пятнадцать лет назад.

- Это ты? - спросила она по-енохийски. Голосом Люстр.

* * *

² * *Lustre* (англ.) - глянec, блеск; также вид полушерстяной материи.

...Ему было четырнадцать, он впервые покинул Корк, отданный в Четвертый драгунский по договору, за долг отца, гордый тем, что наконец сможет выплатить его честной службой. Ему еще предстояло пообтесаться и заново пообточиться в Кибл-Колледже. Квартировав в Уорминстере и будучи до последнего дюйма кадетом-джентльменом, он был вынужден делить общество с людьми других классов, всегда готовыми посмеяться над его аристократическим ирландским акцентом. Они постоянно спрашивали, скольких тори он убил, а он терялся с ответом. Много позже ему пришло в голову, что надо было сказать им правду: ответить «двоих» и поглядеть, как они отреагируют. Он был салагой и очень страдал от этого.

Люстр принадлежала к тем молодым леди, в обществе которых ему было прилично показываться в городе. То, что она была старше, чрезвычайно льстило Гамильтону; к тому же она была молчаливой, робкой, неспособной взять над ним верх. Это позволяло ему быть смелым - временами даже чересчур смелым. Они держались то вместе, то порознь. На танцах она то без усталости кружилась в его руках, не отговариваясь тем, что ангажирована кем-то еще, то вдруг могла пойти танцевать с другим кадетом. Впрочем, Гамильтон, к досаде Люстр, никогда не воспринимал ее ухажеров всерьез, и она всегда возвращалась к нему. Все эти глупости продолжались меньше трех месяцев - однако по его внутреннему календарю это были целые годы, высеченные в камне.

Он не имел никакого понятия, питает ли она к нему хотя бы малую толику привязанности - до того момента, когда она посвятила его в свои тайны. И даже в ту ночь они поссорились. Но по крайней мере после этого они какое-то время были вместе - как бы это ни было странно и болезненно.

Люстр работала секретарем у лорда Сартиса, но в ту ночь наибольшей их близости она призналась Гамильтону, что на самом деле это было прикрытие, также она была курьером - в ее голове сидело зерно дипломатического языка, и время от времени ее просили произносить слова, которые заставляли его прорасти в ней, и тогда она больше не знала никакого другого языка и становилась чужеземкой для любой страны, если не считать десятка человек при дворе и в правительстве, с которыми она могла общаться. В случае же разоблачения она должна была произнести другие слова - в любом случае, пакет внутри нее принудит ее к этому, - после чего она сможет говорить и думать лишь на таком языке, которого не знает и не сможет понять никто; и так будет до самой ее смерти - а смерть, учитывая ее отрезанность от остального человечества, не заставит себя ждать.

Люстр рассказала ему об этом так, словно походя говорила о погоде. Не с отрешенностью, которой Гамильтон научился восхищаться в своих солдатах, но с испугавшей его покорностью. Он не знал, верить

ей или нет. Именно ее очевидная уверенность в том, каким будет ее конец, заставила его той ночью возмутиться, наорать на нее и снова начать эту бесконечную притирку друг к другу двух еще не полностью сформировавшихся личностей. Однако на протяжении последующих недель он начал постепенно ценить эти признания, притерпеваясь к ужасному бремени, принимая ее слабость, допустившую это, если все это было правдой, - из чувства восхищения и благоговения перед ней.

Ему довелось совершить множество глупых и страшных поступков, пока он был кадетом. Не раз он думал, что потом пожалеет о сделанном - но что толку? И все же одного поступка он так и не совершил: он не вышел из этой маленькой комнатки над гостиницей, не отправился напрямик в свою казарму и не попросил о личном разговоре с лейтенантом Рашидом, чтобы рассказать ему о том, что эта так называемая леди сочла возможным поделиться с ним служебной тайной. Этого он не сделал и на протяжении всех последующих недель.

Этого он не сделал - и вот, как рок в греческой трагедии или возмездие за слишком редкие молитвы, прошлое вернулось к нему.

Шестью месяцами позже Люстр Сен-Клер возвратилась с его светлостью в Лондон, после чего перестала отвечать Гамильтону на письма, а потом и вовсе исчезла.

О том, что она исчезла, он узнал лишь потому, что встретил на балу одну из ее подруг и подошел засвидетельствовать свое почтение. Тогда-то, разрыдавшись, она и сказала ему, что ни одна из девушек, работающих на Сартиса, не знает, что с ней случилось.

Он не выдал своих чувств в тот момент. И продолжал их скрывать потом. Он предпринял собственное расследование и выяснил все, что смог: почти ничего. В газетах за этот день он обнаружил упоминание о дипломатическом инциденте между Сент-Джеймским дворцом и Данией: каждая сторона обвиняла другую в «непонимании», в детали которого корреспондент по долгу службы не имел права углубляться, но несомненно произошедшее по причине свойственных датчанам чудачеств. Между строк явно читалось, что нечто было утеряно - возможно, дипломатическая почта. Возможно, эта почта включала в себя Люстр, или это и была Люстр... А затем его полк внезапно подняли по команде.

Месяцы, годы его преследовали внезапные панические атаки, лишь немногим смягчаясь со временем. Однако ничего так и не случилось. По мере того как его повышали в звании и начали привлекать к работе в штатском, он привык успокаивать свою совесть, заверяя себя - у него, в сущности, нет никаких доказательств, ничего, что он мог бы предъявить начальству. Девушка слишком много болтала и не была не в ладах с реальностью, но это ведь не доказательства, а только чувства.

Так оно и было до сегодняшнего утра. И вот он вновь услышал ее имя - и от самого Турпина, в кабинете перед зданием Королевской конной гвардии.

Ее имя и то, что она, по всей видимости, вернулась, после того как ее пятнадцать лет считали мертвой.

Гамильтон сумел скрыть потрясение. Теперь у него это хорошо получалось: его ирландская кровь нынче содержалась в английском сосуде.

Наконец-то он узнал детали, о которых из осторожности запрещал себе спрашивать с тех пор, как начал выполнять задания в штатском. Тогда, пятнадцать лет назад, Люстр была послана в Копенгаген с рутинным курьерским поручением, поскольку сведения сочли слишком деликатными, чтобы доверить их вышивке или чему-либо еще, что подвержено прихотям человека и Господа. Турпин не сообщил ему содержимое послания, только то, что оно имела пометку «для Их Величеств», означающую, что к ней могли иметь доступ лишь коронованные особы могущественных держав и выбранные ими советники. Люстр приземлилась в одном из парков, где ее встретили агенты датской службы безопасности и проводили во дворец Амалиенбург. Предположительно. Поскольку ни ее, ни их там не видели. Они попросту не дошли туда, и выждав условленный час, в течение которого предположительно считалось, что они могли отправиться в паб или зайти куда-нибудь перекусить, датчане подняли тревогу. Не было найдено ничего. Свидетелей тоже не нашлось. Это было идеальное похищение - если это было похищение.

Великие державы запаниковали, сказал Турпин. Они ожидали, что нарушится равновесие сил и вот-вот начнется война. Армии по всему континенту и Солнечной системе направлялись к портам и станциям экипажей. Гамильтону припомнился тот внезапный смор и как его полк услали месить сапогами грязь в Портсмуте. И как потом вскорости обнаружилось, что это просто еще одни учения. Предшественник Турпина в результате этого события потерял работу, а после и жизнь: несчастный случай на охоте, в котором было больше охоты, нежели случайности.

Гамильтону хватило здравого смысла не распространяться на тот счет, что, каковы бы ни были сведения, хранившиеся в голове Люстр, они, по всей видимости, имели необычайную ценность, коль скоро их утечка могла привести к краху устоев привычного мира, концу всего. Его вновь замутило, когда он в очередной раз потянул за нить, связывающую мысль о важности хранимого ею сообщения с ее готовностью выдать любую тайну...

- А что, этот вопрос по-прежнему столь же деликатен? - спросил он.

Турпин кивнул.

- Поэтому я и посылаю вас. И именно поэтому вам предстоит кратко

ознакомиться с енохийским. Мы предполагаем, что она сможет только на нем - по крайней мере, мы на это надеемся, - а от вас требуется понять ее и действовать на месте в зависимости от услышанного. Иначе придется посылать войска, чтобы вытащить ее оттуда, а мы не настолько уж готовы вторгнуться в Данию.

В его тоне не было и намека на иронию. Говорили, будто старого безумца короля Фредерика забавляла мысль о том, что его государство доставляет неудобства великим державам. И он стремился к новым приобретениям в Солнечной системе помимо нескольких крошечных камешков, проштампованных, словно шкурка бекона, клеймом «Dansk».

Мысль об оказанном Турпином доверии согрела Гамильтона и помогла справиться со старой слабостью. Он впитал язык и взошел на борт, готовясь пересечь бурное море, не рассчитывая на многое, но и не желая просить о большем, отдав себя на волю судьбы и готовности к смерти.

* * *

И вот она перед ним. Впрочем, она ли?

Быть может, это выращенный гомункул, у которого хватает поверхностной памяти, чтобы узнать его?.. И чтобы говорить по-енохийски? Нет, конечно же, этого убогий крошечный мозг вместить не может. К тому же снабдить гомункула личностными чертами - уже чересчур, это даже австрийской военной разведке не под силу. Может быть, это настоящий человек, чьим чертам лица придали сходство с молодой Люстр? В принципе, такое возможно. Но в чем смысл, учитывая, что это в высшей степени подозрительно? Почему бы не сделать, чтобы она выглядела на свой предположительный нынешний возраст?

- Да, - произнес он по-енохийски. - Это я.

- Так значит... это правда, видит Бог! Я и не сомневалась с тех пор... с тех пор как вернулась.

- Вернулась откуда?

- Мне сказали, что прибыло какое-то важное лицо, чтобы меня увидеть. Это ты?

- Да.

Она смотрела на него так, словно едва могла поверить.

- Мне нужна защита. Когда мы вернемся в Британию...

- Не раньше, чем я узнаю...

- Ты знаешь не хуже меня, что эта комната, это здание...

- Когда ты входила и здесь еще была приемная, почему ты не позволила, чтобы тебя осмотрели?

Она тяжело вздохнула, ее губы вытянулись в тонкую линию. Внезапно все вернулось на круги своя: они опять ссорились. Идиоты. Все те же идиоты. Когда так много поставлено на карту!

Он должен был им рассказать. Они должны были послать кого-нибудь другого.

- Послушай, - сказала она, - сколько времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

- Полтора десятка лет, плюс-минус.

Он вновь увидел на ее лице потрясение. Как если бы ее снова ранило то же, что и прежде, или отголоски этого.

- Я видела даты, когда выбралась, но не могла поверить. Для меня прошло... четыре года... или... или вообще нисколько, если честно.

Гамильтон был уверен, что это невозможно. Он потрянул головой, откладывая разгадку на потом.

- Пакет в сохранности?

- Как это похоже на тебя, вот так с места в карьер. Да. Именно поэтому я и не стала проходить через контроллер. Об этих машинах много всего рассказывают, особенно о той, которая здесь. Она могла заставить меня болтать!

Но то же самое сказал бы и гомункул или маска. Он понял, что смотрит на нее, нахмурившись.

- Расскажи мне, что произошло. Все до конца.

Но в этот момент позади них раздался глухой звук. Оттуда, откуда не могло раздаваться никаких звуков. Словно в стену ударился тяжелый предмет мебелировки.

Люстр вздрогнула, обернулась.

Гамильтон прыгнул на нее.

Он почувствовал спиной опалившее его пламя.

А потом он понял, что летит - вверх, вбок, снова вниз!

Он приземлился и метнулся в сторону, чтобы перехватить Люстр - ее выбросило из кресла, которое рассыпалось под ней. Комната разваливалась у него на глазах: молочно-белое пламя, вздымающиеся арки радуг. Две пробоины, в каждую из которых устремилось по полкомнаты. Взрыв стремительно огибал стены, приближаясь к нему и Люстр.

«Кумулятивный заряд, - отметил Гамильтон той частью своего сознания, которая была приспособлена анализировать такие вещи, - со складкой в конусе, чтобы разрушить искусственное искривление пространства».

Кто бы они ни были, они хотели заполучить Люстр или их обоих живыми.

Гамильтон обхватил ее за плечи и швырнул к двери.

Дверь распахнулась под тяжестью девушки, и та споткнулась, внезапно оказавшись во власти гравитации коридора. Гамильтон

оттолкнулся пятками от вращающегося кресла и нырнул в проем следом за ней.

Он упал на пол, ударился плечом, перекатился на ноги и подскочил к двери, чтобы захлопнуть ее. Дверь, исполнив свой долг, завершила складку за несколько секунд до того, как до нее докатился взрыв.

В приемной их никто не ждал.

Значит, они собирались проникнуть в складку через пробитые ими же дыры? Они могли найти там только трупы! Это была ошибка, а Гамильтон не доверял чувству, что его противник делает ошибки. Он предпочел бы предположить, что сам что-то упускает.

У него не было оружия.

В дальних частях здания завывали сирены. Коридор наполнялся дымом, который полз откуда-то сверху.

Послышался топот ног, спускавшихся по лестнице с верхнего этажа.

Друг или враг? Определить невозможно.

Атака велась снаружи, но у них могли быть сообщники внутри здания, а может быть, их бойцы уже прорвались внутрь. Парадная дверь пока держалась, однако в нее была вмонтирована маскирующая складка. Если они знали достаточно, чтобы использовать такой заряд, они могли даже и не пытаться пробиться через главный вход.

Люстр глядела на единственную дверь, до которой у них был шанс добраться прежде, чем преследователи схватят их. На двери была табличка с надписью, которую датский транслятор Гамильтона прочел как «подвал».

Он оттолкнулся спиной от стены и ударил в дверь ногой. Недороженая древесина вокруг замка треснула, и он выбил его вторым ударом. Повреждение будет заметно; он понадеялся, что это не важно. За дверью обнаружились ступени. Люстр вбежала внутрь, и Гамильтон захлопнул дверь за ними обоими.

Пошарив в темноте, Гамильтон нашел какой-то тяжелый предмет, оказавшийся ящиком с инструментами, и подпер им дверь. Они находились в помещении с древними бойлерами - вероятно, резерв на случай, если топливные элементы откажут.

- Они найдут... - начала Люстр, но тут же оборвала себя.

Гамильтон быстро отыскал то, что, по его предположениям, должно было находиться здесь, внизу: станцию связи на стене. Порой, работая в штатском, он имел при себе маленькую петлю связи с вышивкой - обычно замаскированную под часы, чтобы никто не удивлялся, почему он таскает такое. Однако ему никогда бы не позволили подобную экипировку в предположительно дружественной стране. Петля на стене принадлежала к внутренней системе; оставалось лишь надеяться, что она соединена с петлей на крыше. Он мог и должен был вызвать Отдел внешних сношений, но теперь он не мог себе позволить довериться местным. Нельзя было допустить, чтобы их системы

зарегистрировали открытый вызов в Букингемский дворец или здание Королевской конной гвардии, - это было бы преступлением против равновесия. Так что теперь у него оставался только один человек, которого можно было вызвать, и если ее не окажется в будуаре, то его можно будет считать мертвецом, а Люстр вернется обратно в мешок.

Он подключился к разъему и выдул в трубку нужные ноты, надеясь, что кодовый сигнал пройдет мимо любых подслушивающих ушей.

К его облегчению, Кушен^{*3} Маккензи тотчас же появилась на линии. Ее голос звучал торопливо: кто-то во дворце, должно быть, предупредил ее о том, куда он направляется этим вечером.

- Джонни, чем я могу помочь? - Ее голос шел с крыши - направление, отведенное для офицеров.

- У меня частный вызов. - Он слышал в коридоре звук бегущих ног, направляющихся к двери. Может быть, в сгустившемся дыму они не заметят поврежденную дверь?

- Извлечь, упаковать или ликвидировать?

«Ликвидировать» относилось к нему: удар, который окончит его жизнь и сотрет все, что он знает, - как его заверили, безболезненно. Это был единственный способ, который мог избрать офицер в штатском, чтобы умереть; вариант самоубийства блокировался прошивкой в мозгу. В более широких кругах общественной вышивки Кушен играла роль хозяйки модного салона, но кроме этого она занималась и настоящим делом. Однажды она вывела Гамильтона из Лиссабона и усадила в общественный экипаж с вооруженным водителем, всю дорогу поддерживая поток светской болтовни, который не давал ему отключиться, несмотря на сосущую рану в груди. Впоследствии он хотел послать ей цветы, но не смог найти в томике «Язык цветов» из полковой библиотеки ничего, что описывало бы его чувства и в то же время сохранило бы драгоценную дистанцию между ними.

- Извлечь, - сказал он.

- Хорошо. Ищу.

На миг она смолкла, что стало для нервов Гамильтона тяжелым испытанием. Преследователи, кем бы они ни были, уже возились по ту сторону двери, словно дилетанты. Возможно, именно поэтому они так неумело обращались со взрывчаткой. Дилетантов Гамильтон боялся больше всего. Дилетанты убивают вопреки приказам.

- Да вы в настоящей крысиной норе, майор! Видели бы вы, что сейчас валится на мой кофейный столик! Десятки лет там устраивали убежища и складки внутри складок, прятали и забывали оружие - к сожалению, не рядом с вами... Если там откроется локальная остановка времени и разрушит Копенгаген...

- Если мы смоемся отсюда, это произойдет?

³ * *Cushion* (англ.) - подушечка для плетения кружев.

- Вероятно. Никогда не любила этот город. Готовлюсь...

Что-то глухо ударялось в дверь. Потом дверь начала медленно поддаваться. Люстр предусмотрительно отступила назад, уходя с трассы выстрелов, тогда как Гамильтон обнаружил, что из-за длины шнура коммуникатора у него не остается другого выхода, кроме как стоять у них на пути.

Он вспоминал минуты, проведенные с Анни, стараясь думать лишь об этом.

Удары в дверь стали более размеренными. Неторопливыми.

- Готово, - произнесла Кушен.

Гамильтон поманил Люстр к себе и обхватил ее рукой.

- Да, кстати, тут рядом полковник Турпин, передает свои наилучшие пожелания.

- Мои наилучшие пожелания полковнику, - отозвался Гамильтон. - Давайте!

Дыра открылась под ними в ослепительной вспышке - возможно, это рушился город. Гамильтон и Люстр провалились в нее и со скоростью урагана начали падать вдоль сверкающего коридора. Вдалеке через разлетевшуюся в щепки дверь посыпались пули, разрывая серебристую паутину туннеля вокруг них, нелепо вихляясь в рикошетах.

Гамильтон пожалел, что ему нечем палнуть в рожи этим ублюдкам.

А потом они оказались снаружи, в благословенном ночном воздухе, выброшенные на землю из невероятной дыры у них над головами, которая тотчас же дипломатично исчезла.

Гамильтон встал и огляделся. Они находились на какой-то боковой улочке. Холод. Темнота. Никаких свидетелей - Кушен сумела обеспечить даже это. Скорее всего, это было все, что она смогла сделать сегодня вечером - для него или для любого из его братьев и сестер по всей Солнечной системе. Турпин позволил ей сделать это для него. Нет, поправил он себя, - для того, что находилось внутри Люстр.

Он помог ей подняться, и они уставились в конец улочки, где сновали взад-вперед прохожие. До них донесся звук колоколов церкви Девы Марии, отбивающих десять часов. Вдалеке пылало здание посольства, экипажи с трезвоном и красными огнями проносились в небе и исчезали в дыму - они уже принялись качать туда воду из своих океанических складок. Вот и эти запросто могут попасть под подозрение, а ведь они здесь чуть ли не единственная отрасль общественной жизни, которая почти наверняка не виновна в случившемся. Улица наполнилась запахом дыма. Этого достаточно, чтобы Фредерик закрыл и воздушные трассы тоже.

Сейчас Турпина и Ее Величество королеву-мать просят взвесить, стоит ли находящаяся у Люстр информация открытых военных действий между Величайшей Британией и датским двором - который,

возможно, не имеет к этому никакого отношения, поскольку все эти секреты ему уже давно известны. Но вместо того, чтобы пропустить сюда британский экипаж, который бы забрал их двоих, они будут тратить часы, доказывая, что их собственные службы - какими бы прогнившими они ни были - могут справиться с этим.

Напротив находилась маленькая гостиница: под крышей висела выращенная бычья туша, из окон лилась танцевальная музыка. Толпа сейчас торопится посмотреть на пожар и предложить свою помощь - совершенно бесполезную, как это водится у джентльменов и тех, кто хочет выглядеть джентльменами.

Гамильтон схватил Люстр за руку и кинулся к двери.

* * *

Он заказал - на датском, вызванном из какого-то отдаленного закоулка его мозга, - настоящую говядину, картошку и бутылку вина, которое не собирался пить, но которое могло послужить оправданием того, что они потребовали для себя отдельную кабинку. Люстр посмотрела на хозяина с притворной робостью - девушка, сбившаяся с пути. Причем платье этой девушки, - внезапно пришло в голову Гамильтону, - вызвало бы недоуменные взгляды в Лондоне, поскольку вышло из моды пятнадцать лет назад. Однако у них не было выбора. Кроме того, здесь все-таки Дания.

Они нырнули в темноту отведенной им комнатухи. У них оставалось несколько минут, прежде чем подадут еду. Оба заговорили одновременно, но тихо, чтобы хозяин не услышал незнакомого наречия.

Люстр подняла руку, и он замолчал.

- Я расскажу тебе все, - сказала она. - Постараюсь как можно быстрее. Ты слышал о теории трех четвертей унции?

Гамильтон покачал головой.

- Это околонуточный фольклор, вроде «Золотой книги» - такая псевдорелигиозная байка, которую можно услышать в людской. Про одного парня, который взвешивал умирающих и вроде как обнаружил, что после смерти тело становится на три четверти унции легче. То есть получается, что это вес души.

- Стоит ли сейчас тратить время на доморощенную теологию?

Она не обратила внимания.

- Так вот, я расскажу тебе один секрет - секрет «для Их Величеств»...

- Нет!..

- А если я умру, а ты нет - что тогда? - фыркнула она. - Потому что если меня просто убьют, это не спасет равновесие! - Она прибавила к последнему слову шокировавший Гамильтона эпитет. - О да, я хочу

быть уверена, что ты знаешь это, на случай крайней необходимости.

Она не оставила ему времени для ответа, и скорее всего, это было к лучшему.

- Что ты за секретный агент, если тебе нельзя доверить секрет? Мне все равно, какой у тебя там допуск, сейчас мы с тобой вдвоем, только ты и я!

В конце концов Гамильтон кивнул.

- Ладно. Ты, наверное, также не слышал - учитывая, что твой круг чтения скорее всего по-прежнему не простирается дальше охотничьих журналов, - об астрономической проблеме, связанной с распределением масс внутри галактик?

- Что? Какое это...

- Конечно же, не слышал. Вкратце все сводится вот к чему: по всей видимости, массы галактик больше, чем должны бы быть, намного больше. Никто не знает, в чем тут дело. Эти массы невидимы, но астрономы смогли составить карты их расположения по степени воздействия на другие небесные тела. В течение нескольких лет Херстмонсо занимался исключительно этим. Когда я об этом прочла, мне это показалось странным, но теперь я знаю почему.

Принесли обед, и им пришлось на несколько мгновений замолчать, просто глядя друг на друга. Гамильтон вдруг поймал себя на мысли, что эта новая целеустремленность ей идет - так же, как и грубые слова. Он ощутил, как в груди вновь глухо шевельнулась застарелая боль, и подавил ее. Хозяин вышел из комнаты, украдкой бросив на них взгляд, полный вуайеристского удовольствия.

- Продолжай.

- Ты еще не понял? Если теория трех четвертей унции верна, это значит, что в мире есть масса, которая появляется и исчезает, словно ее прячут в складку и вынимают обратно - прямо как у Бога из рукава. Если сложить все это вместе...

Внезапно Гамильтон понял, и размах догадки заставил его зажмуриться.

- Та лишняя масса в галактиках!

- И у нас есть ее карта...

- И на ней видно, где находятся другие разумы - настоящие иноземцы из других миров, где-то там!..

- И возможно, не так далеко.

У Гамильтона закружилась голова от ужаса перед открывшейся картиной. Потенциальная угроза равновесию! Любая из великих держав - черт возьми, вообще любое государство - может добиться неизмеримого преимущества над другими, обмениваясь с иноземцами информацией!

- Так вот что было у тебя в голове - величайшая тайна великих держав... Но эти сведения устарели, наверняка они уже нашли способ

разобраться с этим...

- Да. Потому что, в конце концов, любая из них может наскрести достаточно времени для телескопических наблюдений, чтобы дойти до этого самостоятельно. Насколько я могу понять, они поделились информацией между собой. Каждый из великих дворов на самом высоком уровне знает об этом, так что равновесие в сохранности... Ну, почти. Подозреваю, что они заключили между собой тайное соглашение не пытаться войти в контакт с этими чужеземцами. Это достаточно легко контролировать, учитывая, как они следят за вышивками друг друга.

Гамильтон расслабился. Значит, это действительно были старые страхи, с которыми уже разобрались головы поумнее его.

- Ну да, конечно же, все, о чем сейчас идет речь, - это способ связи. Учитывая, какие там расстояния...

Она поглядела на него, словно он был школьником, давшим неправильный ответ.

- Неужели одна из держав нарушила соглашение?

- Это сделала не держава, - ответила Люстр, поджав губы.

Гамильтон не был уверен, что еще долго сможет выдерживать этот разговор.

- Тогда кто же?

- Слышал про небесных близнецов?

- Что?! Братья Рэнсомы?

- Да, Кастор и Поллукс.

Мысли Гамильтона заметались в беспорядке. Близнецы были торговцами оружием и продавали его, как выяснилось несколько лет назад к изумлению великих держав, не только государству, чьими подданными они являлись изначально (а поскольку они были родом из северной части колумбийских колоний, это, вероятно, Британия или Франция), или хотя бы тому, чье гражданство приняли впоследствии, но кому угодно. После того как великие державы объединились против них, поступив с близнецами так же, как и с любой угрозой для равновесия, офисы Рэнсомов мгновенно исчезли из мировых столиц, а близнецы принялись торговать с кем угодно: бунтовщиками, наемниками, колонистами. Торговать своими услугами, как проститутки. Сами близнецы никогда не показывались на публике. Говорили, что они уже скопили достаточно средств, чтобы начать разработку нового, собственного оружия. Каждый месяц возникали слухи, что одна из держав снова втайне заключает с ними сделки. Британия, конечно, на такое никогда не пойдет, но голландцы или испанцы?

- Они-то как сюда замешаны?

- Когда я направлялась со своим первоначальным заданием и уже прошла полгорода, подо мной и моим эскортом раскрылась такая же кроличья нора, как та, в которую мы только что провалились.

- Они могут это делать?

- По сравнению со всем остальным, что они могут делать, это ничто. У них были наготове собственные солдаты - солдаты в форме...

Гамильтон слышал звучащее в ее голосе отвращение и не мог не добавить к нему своего. Этот вечер уже казался ему каким-то кошмаром: рушилось всё, в чем он был уверен. Он чувствовал, словно проваливается все глубже и глубже, по мере того как перед его внутренним взором возникали все новые ужасные возможности.

- Моих сопровождающих перебили, но у них тоже были потери. Тела они забрали с собой.

- Должно быть, место им тоже потом пришлось прибрать.

- Меня утащили раньше. Не знаю, были мы все еще в городе или нет. Я собиралась произнести нужные слова, чтобы отключить себя, но они были начеку. Они ввели мне нечто такое, что, тут же вызвало неудержимую глоссолалию. На мгновение я решила было, будто сделала это сама, но потом поняла: я не могу остановиться и болтаю всякую ерунду - всё, что есть у меня в голове, всякие глупые и стыдные вещи... - Она замолчала, переводя дыхание. - Твое имя тоже прозвучало.

- Я не хотел об этом спрашивать.

- Но я не рассказала им о том, что находилось у меня внутри. Чистая удача. Потом я вырвалась от их головорезов и попыталась вышибить себе мозги о стену.

Он положил ладонь на ее руку - совершенно бессознательно. Она не препятствовала.

- Никому бы не рекомендовала этот способ. Скорее всего, это вообще невозможно. Впрочем, я успела долбануться только два раза, прежде чем меня опять схватили. Они собирались колоть мне эту дрянь до тех пор, пока я не выболтаю слова, которые позволят им воспользоваться сканером, чтобы увидеть карту. Меня заперли в какой-то комнате и всю ночь записывали то, что я болтала. Довольно быстро это превратилось в сплошную скуотищу.

Слушая ее, Гамильтон чувствовал, что успокаивается. Он с искренним наслаждением предвкушал возможность в ближайшем будущем добраться до кого-нибудь из этих людей.

- Я поставила на то, что когда пройдет достаточно времени, а я так и не скажу ничего интересного, они перестанут испытывать меня и станут просто записывать. Я выжидала столько, сколько могла оставаться в здравом уме, а потом принялась за одну из стен. Отыскала основной силовой кабель и запустила туда пальцы. Хотела бы рассказать об этом побольше, но я ничего не помню - с этого момента и до тех пор, пока не очнулась, как впоследствии выяснилось, в огромнейшем космическом экипаже. Я пришла в себя в лазарете, подключенная ко всевозможным капельницам. По моим внутренним часам прошло

четыре года... Я решила, что это ошибка... Я проверила пакет у себя в голове - печати были не тронуты. Чувствовался запах дыма. Тогда я кое-как отключила подачу лекарств и сползла с постели. Там были еще несколько человек, но все они оказались мертвы или без сознания... Очень странные повреждения, как будто плоть стекла с костей... В коридоре тоже валялись тела - их персонал в этой дурацкой униформе. Но все же этой штуковиной кто-то управлял, потому что когда я заглянула во внутреннюю вышивку, три кресла были заняты. Думаю, они просто пытались добраться до дома - трое выживших после того, что там у них случилось. Когда мы приблизились к земной орбите под прямым углом к эклиптике, корабль принялся сигналить всевозможными фальшивыми флагами и пропусками. Я спряталась рядом с бортовым люком, и когда экипаж прибыл на одну из датских высотных станций и туда ворвался спасательный отряд, выбралась наружу.

В ее голосе появились просительные нотки, словно она искала у него подтверждения, что больше не спит.

- Я... я села на омнибус вниз и, помню, еще думала, какой это классный транспорт, очень стильный, особенно для датчан. А потом, когда я послушала вышивку и проверила по дневнику, правильно ли я поняла... когда до меня дошло... а могу тебе сказать, до меня долго доходило... Я перепроверяла множество раз...

Она сжала его руку, требуя, чтобы он поверил.

- Для меня прошло четыре года, пока я была без сознания... Но... - Ей пришлось заново набрать воздуха, глаза жаловались на потрясающую несправедливость произошедшего.

- Но здесь прошло пятнадцать лет, - закончил он.

Глядя на нее, он думал, что вот эта женщина, которая когда-то была старше него и давала ему первые уроки самопознания, осталась все той же и он никогда не сможет показаться с ней на людях... Поначалу она казалась ему прежней, поскольку именно такой она осталась в его памяти, но теперь он увидел размеры этой перемены. В новом их различии умещалось все, что он успел сделать за свою жизнь. Он помотал головой, чтобы прояснить мысли, чтобы избавиться от перепуганного взгляда этих глаз.

- Как же это?

Она хотела что-то ответить, но Гамильтон вдруг заметил, что музыка зазвучала громче. Он смахнул нож со стола и сунул его в карман.

Люстр испуганно посмотрела на него.

Но в их каморку уже заглядывал человек с внешностью типичного завсегдака кабачков.

- Прошу прощения, - проговорил он на датском, с акцентом, который справка, бегущая в поле зрения Гамильтона, не смогла идентифицировать, - вы не знаете, куда подевался хозяин? Я тут

заказывал столик...

Нечто неуловимое в выражении лица.

Он предполагал выкрутиться.

Не выкрутился.

Гамильтон даже не привстал, а, скорее, рванулся вбок, направляя нож в пах незнакомцу. Провернул и вытащил, одновременно хватая противника за пояс и швыряя вперед, заливая его кровью скатерть. Когда тот начал кричать, Гамильтон уже был в ресторанном зале...

Второй стоял в дверях кухни и устраивал выволочку хозяину, который в ожидании обычных в таких случаях неприятностей включил погромче музыку. Вот он обернулся, рука метнулась к поясу...

Дилетанты!

Гамильтон швырнул окровавленный нож ему в лицо. На мгновение тот принял его за метательный и выбросил руку, защищаясь, но Гамильтон уже покрыл разделявшее их расстояние и с размаха вогнал кулак ему в горло. Человек забулькал и упал. Прежде, чем тот коснулся пола, Гамильтон перехватил его и выбил пистолет.

Пистолет не понадобился. Его противник отчаянно хватался за горло. Гамильтон отпустил его, и тот упал.

Гамильтон оглянулся и увидел, что второе тело, подергиваясь, сползает на пол. Люстр уже присела на корточки, чтобы забрать оружие и у него.

Он обернулся к выходящему из кухни хозяину и наставил на него ствол:

- Еще?

- Нет! Я сделаю все, что...

- Я спрашиваю, еще есть?

- Я не знаю! - Он говорил правду.

Профессионалы оставили бы все идти своим чередом и устроили бы фазанью охоту, дождавшись, пока Гамильтон отправится по естественной надобности. Итак, дилетанты. Их может быть много. Вероятно, они обшаривают множество гостиниц, но возможно, не караулят выходы из этой.

Это была их единственная надежда.

- Хорошо. - Он кивнул Люстр. - Мы уходим.

Он заставил хозяина пошуметь у задней двери - бросать об пол горшки и сковородки, шмякнуться пару раз телом о посудный шкаф. Того могли в любой момент пристрелить, и Гамильтон знал это. Но и черт с ним, чего стоит один датчанин по сравнению со всем этим?

Гамильтон велел Люстр встать возле входной двери, затем снял хозяина с мушки и ринулся наружу.

Он выпрыгнул на узкую улочку, на леденящий душу холод, выискивая цель...

В глаза внезапно ударил луч света; он выстрелил на свет.

Но потом на него навалились. Много. Кое-кого он ранил - скорее всего, смертельно. Он не потратил впустую ни одного патрона.

Со стороны Люстр выстрелов слышно не было.

В лицо Гамильтону сунули что-то мягкое, и в конце концов ему пришлось вдохнуть в себя темноту.

* * *

К Гамильтону вернулось сознание. Сознание того, что он дурак и, по собственной глупости, предатель. Ему хотелось окунуться в эту горечь, в осознание того, что он подвел всех, кто был ему дорог. Хотелось отдаться этому чувству, оставив безнадежные попытки обрести хоть какую-то уверенность.

Но он не имел права.

По его хронометру прошло несколько часов. Не лет. Глаза он не открывал из-за света. Впрочем, свет, лившийся со всех сторон, был рассеянным, уютным.

В сложившейся ситуации его возможности наверняка будут ограничены. Если выхода не найдется, если они действительно оказались в лапах врага, он должен убить Люстр и затем покончить с собой.

Несколько мгновений он обдумывал это совершенно спокойно.

Затем позволил себе открыть глаза.

Помещение, в котором он находился, выглядело как лучшая комната в гостинице. Подобие солнечного света шло скорее из проекции, чем из настоящего окна. Он был одет в ту же одежду, что и на улице. Несколько серьезных ушибов. Он лежал на кровати. Он был один. Никто не позаботился накрыть его одеялом.

Распахнулась дверь. Гамильтон сел на кровати.

Официант вкатил в комнату столик на колесиках и, увидев, что Гамильтон проснулся, кивнул ему.

Гамильтон наклонил голову в ответ.

Официант снял со столика покрывало, под которым обнаружился обед - было похоже, что это настоящее мясо и яйца, - подал, как положено, столовый прибор, поклонился и вышел. Дверь за ним затворилась беззвучно.

Гамильтон подошел к столику. Провел пальцем по острому, зазубренному лезвию столового ножа. Это говорило о многом.

Уселся на кровать и принялся за еду.

Он не мог справиться с охватившими его мыслями - скорее смутными ощущениями, чем воспоминаниями или идеями. В конце концов, они составляли его личность. Такими были все, кто хранил равновесие, все, кто следил за тем, чтобы великие державы поровну делили

Солнечную систему и не скатились в безумную войну, которая, как знали все, будет последней. Такой конец освободил бы их всех от ответственности, присоединив к царству Божьему, существующему как вне Вселенной, так и внутри любой мельчайшей ньютоновской протяженности.

Тогда равновесие, рухнув, вновь, как волна, достигнет вершины, навсегда и окончательно включив в себя всех живших, приведя их всецело к Господу. Уж столько-то начальной физики в него вбили в Кибл-Колледже. Он никогда не желал такого конца - как и никто из смертных. Такова сама суть человеческого существования.

Ему нравилась служба, даже связанные с ней тяготы. Это было исполнено смысла. Но подобные потрясения, подрывающие устои того, что он понимал - и в таком количестве, с такой скоростью...

В картине того, как окружающий мир содрогается у самого основания, нет ничего привлекательного. Это просто новый аспект равновесия, новая угроза для него. У равновесия множество проявлений, множество форм - так говорилось в каком-то гимне, который он едва помнил. Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

Эта мысль пришла к нему четкой, словно была произнесена той частью его существа, у которой имелись цель и воля. Гамильтон улыбнулся, чувствуя, как его силы восстанавливаются, и снова взялся за мясо.

Как только он покончил с едой, за ним пришли.

Вошедший был одет в ту самую форму, о которой упоминала Люстр. Гамильтон еле сдержал смех: этот костюм скорее походил на карнавальный. Яркие цвета, которых, однако же, никогда не видели на поле боя, символы, не имеющие ни смысла, ни истории.

Однако человек, одетый в эту форму, судя по всему, прошел обучение в настоящей армии - следуя за ним, Гамильтон заметил по его походке, что тот явно знаком с учебным плацем. Может быть, даже бывший офицер. Выкупившийся или дезертировавший. Он проигнорировал попытки Гамильтона завязать разговор. Гамильтон и не пытался ни о чем спрашивать, поскольку готовился к предстоящему допросу, и даже бесцельные вопросы могли сыграть роль дыры в плотине. Нет, он говорил только о погоде, но получил в ответ лишь косой взгляд. Косой взгляд этого ублюдка, продавшего своих товарищей за красивый мундир!

Гамильтон улыбнулся ему, воображая, что он с ним сделает, если представится возможность.

Нож он оставил рядом с тарелкой.

* * *

Стенки коридоров были ярко освещенными и гладкими, их создали из пространства и снабдили для психологического комфорта цветом и текстурой. Гамильтон проследовал за офицером до двери, ведущей в то, что, скорее всего, было кабинетом, и подождал, пока тот постучит и их пригласят войти. Дверь скользнула в сторону сама собой, словно здесь не хватало слуг.

Помещение, в которое они вошли, было огромным. Оно венчалось куполом с проекционным потолком, на котором...

Над ними находилась планета. На мгновение Гамильтон решил, что это, должно быть, Юпитер, ночная его сторона - однако нет. Голова вновь пошла кругом, но он постарался не выказать этого. Он никогда не видел этого мира прежде. Что было невозможно. Однако справки, бегущие перед полем зрения, говорили, что эта проекция отражает истинную картину, а не шедевр виртуального искусства. Сфера была темной и огромной. Чернильные облака тускло светились, словно адские угли.

- Эгей! - голос с другого конца помещения звучал с беспечным североколумбийским акцентом. - Добрый вечер, майор Гамильтон! Рад, что вы смогли составить нам компанию.

Гамильтон оторвал взгляд от нависавшей над ними штуковины.

У противоположной стены стояли два человека, между ними возвышался огромный камин, над которым был барельеф щита с гербом, и Гамильтон не сомневался, что и барельеф был самым настоящим. В обычной ситуации офицер в штатском испытал бы отвращение, но сейчас это последнее кощунство ничего не могло добавить к остальным потрясениям. Этот герб не могло одобрить Международное геральдическое братство; он был каким-то... очень личным, частным - школьник мог от скуки накорябать такое в своей планшете и стереть, прежде чем рисунок увидят сверстники. Собственный герб! Чистейшая наглость!

Двое стоявших у стены улыбались, глядя на него. Если бы Гамильтон не возненавидел их раньше, за глаза, он бы сделал это сейчас. Они улыбались так, словно и герб, и чужая планета - такая реальная - были просто розыгрышем. Таким же, как их шутовская, с точки зрения Гамильтона, охрана, хотя, как он полагал, эти двое смотрели на нее явно с иной точки зрения.

-Я беседую с двумя... господами Рэнсомами? - Он перевел взгляд с одного на другого. Еще одна загадка.

У этих двухметровых гигантов были одинаковые редящие волосы и мощные лбы ученых, и оба предпочитали носить очки (снова рисовка!). Они были одеты не как джентльмены, а в нечто, что любой обитатель одной из множества крохотных клетушек в Кенте мог бы надеть для вечера в гольф-клубе. Они были одинакового телосложения, однако...

Один был по меньшей мере на десять лет старше другого.

И все же...

- Да, это Кастор и Поллукс Рэнсомы, - подтвердила Люстр, стоявшая с другой стороны комнаты. Бокал с бренди дрожал в ее руке. - Близнецы. Гамильтон снова оглядел братьев. Они были совершенно похожи, не считая возраста. Наверняка тут имелось что-то общее с загадкой Люстр, но что именно?

Более молодой - Поллукс, если Гамильтон запомнил правильно, - отделился от камина и подошел поближе, разглядывая его все с той же насмешливой гримасой.

- Полагаю, это может показаться энохийской грамотой, но все верно, майор. Мы родились в месте, носящем ирокезское название. «Торонто», но которое ваши люди называют Форт-Йорк, в один и тот же день в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом.

Гамильтон приподнял бровь.

- Откуда же тогда разница? Здоровый образ жизни?

- О, ничего подобного! - рассмеялся старший близнец. - В обоих случаях.

- Полагаю, вы хотите услышать кое-какие ответы, - сказал Поллукс. - Постараюсь, насколько смогу, удовлетворить ваше любопытство. Вы, несомненно, оставили после себя хаос. В 21:59 сент-джеймский двор официально объявил Данию «протекторатом Его Величества» и отрядил войска «в поддержку короля Фредерика», который, как они утверждают...

- Провозглашают! - перебил его Гамильтон.

Поллукс усмехнулся.

- О да, не будем забывать о приличиях, какие бы ужасы за ними не скрывались! Хорошо: они провозгласили, что старина оказался жертвой какого-то заговора и они намереваются вновь возвести его на трон. Заговор, полагаю, существует больше в их воображении, нежели в реальности. Я бы назвал это скорее ложью, чем декларацией о намерениях. Хотелось бы знать, переживет ли это все Фредерик?

Гамильтон не ответил. Он был рад тому, что услышал. Но это лишь подчеркивало, насколько важным было содержимое головы Люстр. Поллукс продолжал объяснять, обводя вокруг рукой:

- Мы находимся в особняке, самом обычном особняке на лунной орбите. - Он показал вверх. - А это интеллектуальная проекция еще одного нашего имени, находящегося на значительном удалении от политических границ Солнечной системы. Мы назвали этот объект Немезидой. Поскольку именно мы его открыли. Это близнец нашего Солнца, намного менее яркий. - Они с Кастором обменялись улыбками.
- Не усматривайте тут метафор!

Он снова перевел взгляд на Гамильтона.

- На скорости света полет туда занимает примерно год.

- Вы говорите, у вас там имение... - Гамильтон подумал, что, скорее

всего, они просто послали туда какой-нибудь автоматизированный экипаж, назвав его претенциозным именем.

- У нас там несколько имений, - ответил Кастор, делая шаг вперед и присоединяясь к брату. - Но, полагаю, в данном случае Поллукс имел в виду саму звезду.

Гамильтон понял, что его дразнят, и не стал отвечать.

- Вы помните историю про Ньютона и червяка, майор? - спросил Поллукс, будто они собрались, чтобы порадоваться хорошей шутке. Но тон его не был веселым, скорее язвительным, словно он обращался к упрямому ребенку. - Это ведь входит в дошкольный курс по равновесию у вас в Британии, верно? Старик Исаак гуляет по саду, ему на голову падает яблоко, он подбирает его, видит крошечного червячка, ползающего по его поверхности, и начинает думать о тайнах микромира... Кстати, неортодоксальные историки опровергли чуть ли не каждую деталь этой байки, но это к делу не относится... Исаак понял, что пространству необходим наблюдатель - Бог, чтобы реальность могла продолжать существовать, когда поблизости нет никого из нас. Это тот самый парень в лесу, для которого шумит падающее дерево. Он - часть ткани мироздания, часть «установленного и священного» равновесия и стоящая за ним причина. И звезды, и галактики, и огромные расстояния между ними таковы, каковы они есть, лишь потому, что так он расставил декорации, вот и все. Равновесие в нашей Солнечной системе - бриллиант, а остальная Вселенная - лишь оправка. По крайней мере, именно этой точки зрения всегда придерживались академии великих держав. Так оно удобнее. Надежнее.

- Но мы с братом, знаете ли, не академики. Мы не прочь испачкать руки, - вмешался Кастор, державшийся немного дружелюбнее. - Мы оба проросли в грязи на полях сражений матушки-Земли, где и сколотили свой капитал, но мы всегда смотрели на звезды. Часть нашего состояния ушла на очень дорогостоящее хобби - первоклассную астрономию. Наши телескопы лучше тех, которыми может похвастаться любая из великих держав, и они расположены в разных точках Солнечной системы. И мы делаем двигатели. Экипаж, скользящий вдоль складки, ежесекундно изменяя под собой гравитацию, в безвоздушном пространстве способен лишь на ограниченное ускорение. Показатели понемногу растут, но речь идет лишь о прибавке нескольких миль в час благодаря некоторым техническим усовершенствованиям. А если разгоняешься внутри Солнечной системы, уже через несколько дней приходится сбрасывать скорость, поскольку необходимо тормозить перед пунктом назначения. К автоматическим экипажам, посылаемым за кометное облако, это не относится, но почему-то никто этим так и не занялся.

- Это нас всегда удивляло.

- До тех пор, пока до нас не дошли слухи о страшной тайне. Люди ведь говорят с нами - мы продаем оружие и покупаем информацию. Оказалось, что для любого государства послать подобный экипаж, даже просто построить транспортное средство, значительно превосходящее имеющиеся параметры, означало бы навлечь на себя подозрения остальных в том, что обнаружено нечто интересное, чем не хотят делиться, а значит, сделаться объектом нападения в отчаянной попытке сохранить равновесие.

Гамильтон продолжал молчать.

- Наткнувшись на Немезиду во время фоторазведки, мы поняли: нашли то, что всегда искали, наравне со множеством других обездоленных обитателей Земли...

- Суши, - поправил Гамильтон.

Они засмеялись и захлопали в ладоши, словно это была какая-то салонная игра.

- Именно, - сказал Кастор.

- Мы бросили монетку, - сказал Поллукс. - Отправляться выпало мне. С небольшим количеством людей. Я взял экипаж, под завязку набил складку припасами и начал ускорение, используя изготовленный нами же двигатель, который ограничивали лишь физические, а не политические принципы. Я отправлялся к новым мирам и открывал новые горизонты - наконец-то для нас самих. Для всех остальных, запертых в своих норах великими державами... - он заметил, что брат хмурится, и с видимым усилием сдержал себя. - Экипаж ускорялся до тех пор, пока через год или около того мы не начали приближаться к скорости света. К нашему потрясению, мы обнаружили, что одновременно требования к складке возрастают до исключительных размеров. Как это ни невероятно, но похоже на то, что у Вселенной имеется предел скоростей!

Гамильтон пытался сохранять видимое безразличие, но чувствовал, что это не удастся. Насколько можно верить услышанному?

- По моим внутренним часам путешествие туда и обратно заняло четыре года...

- Но для меня, который остался здесь, прошло пятнадцать лет, - вмешался Кастор. - Поскольку при приближении к скорости света время замедляется только для тебя. Да, я знаю, как безумно это звучит! Словно Бог начинает выделять тебя из всех остальных!

- И видели бы вы, майор, какая это красота - эти радуги, и тьма, и ощущение, что ты... что ты наконец-то близок к пониманию устройства Вселенной!

Гамильтон облизнул сухие губы.

- Почему все это происходит?

- Мы не знаем в точности, - признался Кастор. - Мы подходим к этому как инженеры, а не теоретики. «Бог не сдирает с пространства

последнюю шкуру» - считается, что именно так сказал Ньютон. По его теории, Бог являет собой систему отсчета для всего существующего. Однако эти странные изменения массы и времени в зависимости от скорости... похоже, они говорят нам, что существует и кое-что большее, нежели мизерная Ньютонова гравитация и мизерная же Ньютонова причинность!

Гамильтон кивнул в направлении Люстр:

- Насколько я понимаю, ее не было с вами в том первом путешествии?

- Нет, - ответил Поллукс. - Я как раз к этому подхожу. Когда экипаж начал уменьшать скорость, приближаясь к Немезиде, нам стали встречаться признаки того, что мы вначале приняли за планетную систему с центральной звездой. Лишь подобравшись ближе, мы поняли: то, что мы сочли маленькими планетами, в действительности было экипажами! Причем такого размера, о каком люди и не мечтали! Это были экипажи чужеземцев.

Гамильтон сжал губы. И это первые представители человечества! И чужеземцы так близко! Если все это правда, конечно... Он еле удерживался, чтобы не поднять глаза вверх, словно мог их увидеть на проекции. Он буквально чувствовал, как шатается равновесие. Словно что-то дорогое для него стремительно ускользало прочь, в пустоту, и дальше - только хаос.

- И вы, - проговорил он, - поспешили к ним, чтобы пожать друг другу руки.

- Нет, - рассмеялся Поллукс. - К несчастью. Мы сразу же увидели, что на экипажах изображены какие-то огромные символы, одни и те же для всех, хотя разобраться в них не смогли. Это выглядело как... какие-то красные птицы, только искаженные, размытые. Лишь сравнив их, можно было вообще понять, что это символы. Мы приблизились со всеми возможными приветственными возгласами и флагами, и тут нашу вышивку внезапно заполнили... возможно, это были голоса, хотя походило просто на низкие гулкие звуки. Мы орали на все лады около часа, все без толку. Мы уже готовились бросить в пустоту диаграмму в контейнере - схематическое изображение фигур, обменивающихся разными вещами...

- Еще бы, - вставил Гамильтон.

- ...когда они внезапно включили огни, подсвечивавшие их опознавательные знаки. Выключили, снова включили, снова и снова. Было похоже на то, что они требуют, чтобы мы показали наши.

Гамильтон кивком указал на чудовищный герб над камином:

- А этого у вас под рукой не было?

- Это было сделано позже, - ответил Кастор, - как раз на другой такой случай.

- Поняв, что мы не можем показать никаких опознавательных знаков, - вмешался Поллукс, - они начали по нам стрелять. По крайней мере мы

решили, что это выстрелы. Я решил убираться подобра-поздорову, и мы снова начали ускорение, обогнули звезду и направились к дому.

Гамильтон не мог скрыть улыбки.

- Перед тем как отрядить следующую экспедицию, - продолжал Кастор, - мы выстроили самый большой экипаж, какой только смогли, и сплошь разрисовали его гербами. Но нам было необходимо еще одно: нечто, чем мы могли бы меняться. - Он махнул рукой в сторону Люстр. - Содержимое ее головы, местонахождение недостающих масс - веса всех этих живых разумов, карта небесной торговли. В зависимости от того, откуда явились сами эти чужеземцы, мы могли иметь информацию, которой у них не было, или по крайней мере показать им, что мы в игре. Либо, если не понравимся этим чужеземцам, мы всегда могли поискать других.

- Но она оказалась сделанной из крепкого материала, - сказал Гамильтон.

- После того как она попыталась забить себя до смерти либо до полной блокировки, мы заморозили ее, - отозвался Кастор. - Мы отправили ее вместе с командой основного экипажа, в надежде, что в дороге они смогут отыскать способ пробить ее защиту. Или же предложить ее чужеземцам в качестве запечатанного товара. - Гамильтон не сомневался, что близнецу нравилось шокировать Люстр. - Однако на этот раз их реакция была, я бы сказал, более агрессивной. Нашим людям удалось оставить там какое-то количество орбитальной автоматики и готовых для заселения домов, но сами они едва ушли оттуда живыми.

- Похоже, чужеземцам вы понравились не больше, чем нам, - заметил Гамильтон. - Я могу понять, почему вам хочется вернуть ее себе. Но почему до сих пор жив я?

Близнецы поглядели друг на друга так, словно некая неприятная обязанность настигла их раньше, чем им бы хотелось. Кастор кивнул в никуда, двери сами собой растворились, и в комнату прошагали несколько клоунов-охранников.

Гамильтон задержал дыхание.

- Приковать его к камину, - распорядился Поллукс.

* * *

Кандалы были вытащены из тех же складок, где, очевидно, - Гамильтон не сомневался в этом, - располагалось направленное на него оружие. Люди его толка, если и удалялись на покой, то куда-нибудь, где попроще, их не особенно привлекали вечерние приемы в знатных домах. Комната никогда не бывает просто комнатой, когда ты работаешь в штатском.

Его запястья и лодыжки приковали к камину, после чего раздели догола. Гамильтон хотел сказать Люстр, чтобы та не смотрела, но он также был исполнен решимости больше не просить ни о чем. Он не питал иллюзий. Сейчас ему предстояло умереть, и умереть не быстро.

- Ты знаешь свой долг, - только и сказал он.

В ее ответном взгляде сквозила ужасная нерешительность.

Поллукс кивнул снова, и из пола в потоке света появилась контрольная педаль. Он поставил на нее ногу.

- Давайте сразу покончим с формальностями, - заявил он. - За ваше сотрудничество мы предлагаем вам огромную сумму денег в углеродном эквиваленте.

Гамильтон беспечно выругался.

- Вот так всегда... Ну хорошо, я попытался. Вот что я собираюсь сделать сейчас: я открою очень маленькую складку перед вашими гениталиями. Затем я начну увеличивать гравитацию и буду делать это до тех пор, пока мисс Сен-Клер не предпочтет перестать говорить по-енохийски и не произнесет слова, которые позволят нам просмотреть пакет, заложенный в ее мозг. Если же она предпочтет отрезать себя от мира при помощи собственного языка, я начну с того, что выдеру ваши гениталии с корнем, после чего перейду к другим частям вашего тела, останавливая кровь с помощью складок. Я стану убивать вас медленно, а она будет вынуждена смотреть. Затем я сделаю то же самое с ней. - Он бросил быстрый взгляд на Люстр, и на мгновение Гамильтону показалось, что он напуган. - Не заставляйте меня делать это.

Люстр стояла выпрямившись и не отвечала.

- Скажи то, что нужно, чтобы включить блокировку, - сказал ей Гамильтон. - Скажи это сейчас.

Однако, несмотря на весь его гнев и ужас, она сохраняла то же выражение лица и лишь быстро переводила взгляд с него на близнецов и обратно.

- Ну же, Бога ради! - выкрикнул он.

Поллукс мягко нажал ногой на педаль, и Гамильтон напрягся, ощутив, как складка ухватила тело. К его ужасу, это заставило припомнить моменты с Люстр - и, что еще хуже, моменты с Анни. Эта ассоциация была некстати, и он подавил ее умственным усилием. Нельзя думать о ней перед такой смертью. Это все равно что протащить с собой в смерть и боль ее частичку. Впрочем, боли не было - пока. Он не кричал, приберегая силы до того момента, когда она появится. Тогда он вспомнит свою выучку и примется их костерить, громко, во весь голос, контролируя таким образом единственное, что ему подвластно. Он гордился тем, что ему предоставляется возможность самому управлять своей смертью и умереть за короля, отечество и равновесие.

Поллукс снова поглядел на Люстр, затем нажал посильнее. Теперь боль появилась. Гамильтон набрал побольше воздуха, собираясь начать высказывать этому бесклассовому ублюдку все, что он о нем думает...

...когда внезапно раздался звук.

Что-то обо что-то скреблось, где-то далеко отсюда.

Близнецы вдруг насторожились, и оба посмотрели в одном направлении.

Гамильтон издал напряженный смешок. Чем бы это ни оказалось...

А потом взрыв!

На стене вспыхнула проекция человека в униформе.

- Там три экипажа, каким-то образом...

- Церковные колокола! - вскричал Гамильтон, внезапно все поняв.

Кастор кинулся к двери, вливаясь в бурный поток охранников, хватающих оружие со стен, однако Поллукс остался на месте, на лице опасное выражение, нога зависла над педалью. Один из охранников также остался рядом с Люстр, направив на нее винтовку.

-Что?

- Колокола церкви Девы Марии в Копенгагене... Десять часов... - Он задыхался от боли и давления. - Вы сказали, что город стал британским владением в девять пятьдесят девять. Когда мы падали. - Он торжествующе выругался в лицо этому человеку, который собирался его изувечить. - Должно быть, когда мы падали, в меня поместили складку с маркером! Если мы приземлились в Британии, равновесию это не повредило!

Поллукс зарычал и ударил ногой по педали.

Гамильтон не видел, что происходило в дальнейшие несколько секунд. Его зрение было искажено болью, взобравшейся до челюсти и корней зубов.

Однако сразу же после этого он увидел, как Люстр с силой хлопнула ладонью по стене, и его оковы исчезли. Раздался потрясенный вопль. Давление пропало, и боль отступила. Где-то сбоку виднелось тело охранника в луже крови. Увидев в руках Люстр винтовку, он рефлекторно схватился за нее. Люстр попыталась ее удержать, словно не была уверена, что он сможет воспользоваться ею лучше. У них было всего каких-то несколько секунд, а они опять устроили возню!..

Он услышал клич своего полка - крики неслись отовсюду, стекаясь к их комнате, прорываясь сквозь двери.

Он увидел, словно в конце туннеля, как Поллукс отчаянно топает, давя на педаль; под его ногой снова внезапно вспыхнул свет.

Поллукс поднял ногу, собираясь ударить по педали, чтобы воспользоваться складкой в центре комнаты, открытой до самого предела, и разорвать в куски Гамильтона и всех остальных.

Гамильтон отпихнул Люстр в сторону и выстрелил.

Макушка Поллукса испарилась. Его нога в конвульсиях устремилась вниз.

Затуманенным болью глазам Гамильтона казалось, что она движется медленно-медленно.

Вот подошва сапога коснулась поверхности педали...

На мгновение было впечатление, что силы соприкосновения достаточно, чтобы Поллукс Рэнсом покинул этот мир не один.

Однако, очевидно, усилия все же не хватило. На какую-то крошечную величину.

Тело повалилось на бок, а мгновением раньше мятущаяся душа усопшего исчезла из этой вселенной.

- Это потому, что он стал весить меньше на одну душу, - проговорил Гамильтон.

И потерял сознание.

* * *

Шестью неделями позже, после принудительного лечения и не менее принудительного отпуска, Гамильтон вновь предстал перед Турпином. Его вызвали сразу сюда, не отправляя обратно в полк. Он не видел Люстр со времени атаки на особняк. Ему сказали, что ее долго допрашивали и потом вернули в лоно дипломатической службы. А значит, она рассказала людям Турпина всё. Ему это грозило по меньшей мере отставкой, а в худшем случае его ожидала петля, уготованная предателям, и короткая пляска в воздухе над Парламентской площадью.

Он обнаружил, что не способен примириться со своей участью. Его терзали тревоги и неуместные сомнения. Отсутствие реакции начальства порядком нервировало.

Однако по мере того, как Турпин подробно рассказывал о дальнейшей судьбе обитателей особняка: о том, что Кастор в данный момент находится в камере глубоко под этим самым зданием, о том, откуда взялись и кем были все эти игрушечные солдаты, о том, скольким офицерам в штатском приходится распутывать нити заговоров, которые близнецы плели по всему миру, - Гамильтон понемногу начал надеяться. Уж к этому моменту гром наверняка должен был грянуть? Короля Фредерика обнаружили - или же сделали вид, что обнаружили, - и после того как ему подробно разъяснили, что к чему, тот выразил радость, что именно британцы возвращают ему трон. Дания оставалась британским протекторатом до тех пор, пока войска Его Величества не избавятся от последних шпионов на жалованье у Рэнсомов. А поскольку при датском дворе вдруг обнаружилась группировка, стремящаяся при видимой благосклонности монарших

особ породнить и объединить эти два королевства, возможно, что такое положение вещей будет длиться еще значительное время.

- Разумеется, - заметил Турпин, - в действительности они не были близнецами.

Гамильтон позволил себе выказать удивление.

- Сэр?

- Мы разузнали все об их генеалогии. Судя по всему, они двоюродные братья, похожие внешне, но с разницей примерно в десять лет. Мы уже выслали экипажи в направлении звезды Георга - как мы собираемся ее назвать, - и наши люди изучают ее проекцию. Не думаю, что найдем там что-то из ряда вон выходящее, разве что какой-нибудь автоматический спутник на орбите.

- Но... эта девушка... - он воспользовался случаем упомянуть о ней так, словно был с ней незнаком, отчаянно надеясь, что она сохранила в тайне то, о чем он так и не доложил за все эти годы.

- Мы допросили ее и после не спускали с нее глаз. Она сказала нам, что узнала коды доступа к вышивке Рэнсомов, когда была на том огромном экипаже... Кстати, ничего подобного мы так и не нашли в ангарах Рэнсомов, никаких усовершенствованных экипажей, и это о многом говорит... Однако она не смогла припомнить достаточного количества подробностей из прежней жизни Люстр Сен-Клер. Отличная маска, великолепный образец выращенной плоти, хорошая работа - однако все же недостаточно хорошая. Она слегка замялась, когда мы указали ей, что, пытаясь выхватить у вас оружие, она на самом деле хотела спасти жизнь Поллуксу Рэнсому. Мы решили освободить ее и проследить, куда она нас приведет. Как мы и ожидали, она поняла, что мы ее раскусили, и скрылась. Почти наверняка - в русском посольстве. Мы, конечно, можем направить ноту царю, но вряд ли он отреагирует благожелательно. Вы, должно быть, и сами недоумевали, принимая во внимание легкость, с которой выбрались из посольства, почему она так противилась проверке в контроллере... - Он поглядел на Гамильтона, подняв бровь. - Вас ведь это удивило, не так ли?

У Гамильтона кружилась голова, словно стены его мира снова дрожали от мощного удара.

- Им-то что было нужно?

- Понятно что. Русские были бы очень рады, если бы мы выдвинули силы на окраины Солнечной системы для защиты совершенно бесполезной во всех остальных отношениях территории от гипотетических чужеземцев. Пока мы ее допрашивали - примерно с неделю, вы бы видели, какой переполох стоял при дворе! Ястребы, жаждущие «выиграть равновесие», ратовали за то, чтобы послать туда флот немедленно. Голуби вцепились им в глотки. Королеве-матери пришлось указом прекратить прения. Но, к счастью, вскоре у нас уже

были сведения, подтвержденные тем, что мы вытащили из Кастора. Изящная сказочка, не правда ли? Только Штихен из «Белого двора» способен сочинить такое. Ручаюсь, он в это замешан. Все эти странно выглядящие раны, красные птицы, гулкие голоса и прочие убедительные подробности... Если бы мы не повесили на вас устройство слежения, девчонке пришлось бы искать какой-то способ дать нам знать самой. Или - менее затратный вариант - вам позволили бы сбежать. Разумеется, мировая сеть Рэнсомов далеко не настолько обширна, как они это изображали - особенно если вычесть все рубли, которые теперь вернутся обратно в Москву. Но будь оно и в самом деле так, то, что мы с этим разобрались, прибавит равновесию толику безопасности на сегодняшний день.

Гамильтон не знал, что сказать. Он стоял и смотрел в пол: полированные доски из выращенного дерева, завитки внутри завитков... Его посетила внезапная мысль - ниточка, тянущаяся к тому моменту, когда он в последний раз чувствовал уверенность. Когда его мир еще стоял на более прочном основании.

- Посол Байюми, - проговорил он. - Он сумел выбраться?

- Не имею понятия. Почему вы спрашиваете?

Гамильтон понял, что не может подыскать ни одной причины, лишь огромную пустоту, которая частью казалась благословением, а частью сопровождалась тоскливым ощущением потери.

- Я не знаю, - ответил он наконец. - Мне показалось, что он добрый человек.

Турпин издал короткий смешок и снова уставился в бумаги. Гамильтон понял, что разговор закончен. И что бремя, которое он принес сюда, не будет облегчено ни петлей, ни прощением.

Когда он уже шел к двери, Турпин, видимо, осознав, что был недостаточно вежлив, снова поднял голову.

- Я слышал запись вашего разговора тогда, в посольстве, - добавил он. - Вы сказали, что если она вас убьет, не велика беда. Но вы же сами знаете, что это неправда.

Гамильтон остановился и попытался прочесть выражение этого покрытого шрамами и швами лица.

- Вас высоко ценят, Джонатан, - сказал Турпин. - Если бы это было не так, вы бы не стояли здесь.

* * *

Приблизительно через год после описанных событий Гамильтона перед рассветом разбудил срочный рывок вышивки - голос, казавшийся смутно знакомым, пытался сказать ему что-то, всхлипывал и кричал несколько секунд, прежде чем его отрезали.

Но он не смог понять ни единого слова.
Наутро он не обнаружил записи разговора.
В конце концов Гамильтон решил, что все это ему приснилось.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Paul Cornell. The Copenhagen Interpretation. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

ДЖО ХОЛДЕМАН

НЕ БУДИ ЛИХО...

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Перехватив мой взгляд, таксист затормозил. Дверь распахнулась, и я с облегчением выбрался наружу. Здешним водителям, конечно,

невдомек, насколько мучительна для приезжих поездка по убитой дороге, которую на Земле не называли бы даже проселком.

Слабая гравитация и мало кислорода. За тридцать лет, что меня здесь не было, местные условия заметно ухудшились. Сердце билось слишком часто. Я немного постоял, приходя в себя, и скинул пульс до ста, затем до девяноста. Запах серы в воздухе чувствовался сильнее, от него даже щипало в носу, да и такой жары я не помнил. Впрочем, если бы я все помнил, мне бы не было нужды сюда возвращаться. Обрубок пальца на моей левой руке задергался от фантомной боли.

Шесть одинаковых, похожих на корыта зданий из бледно-зеленого, в грязных пятнах пластика занимали весь квартал. По грунтовой дорожке я подошел к номеру три «Межпланетные связи Конфедерации» - и едва не врезался в дверь, когда та передо мной не открылась. Я долго ее толкал и тянул, пока дверь наконец не поддавалась моим усилиям.

В здании было немного прохладнее и меньше пахло серой. Я добрался до второй двери по правой стороне коридора - «Отдел виз и разрешений» - и вошел в кабинет.

- Разве у вас на Земле не принято стучаться? - спросил меня высокий, бледный, как мертвец, мужчина с иссиня-черными волосами.

- Во всяком случае, не в общественных учреждениях. Тем не менее простите мое невежество.

Он взглянул на встроенный в рабочий стол монитор.

- Вы, вероятно, Флэнн Спиви из Японии, что на Земле. Вы не очень-то похожи на японца.

- Я ирландец. Работаю на японскую компанию «Ичибан имиджинг».

Он ткнул куда-то на экране.

- «Ичибан» по-японски означает «номер один». Имеется в виду лучший или первый?

- И то, и другое, я думаю.

- Ваши документы.

Я выложил на стол оба паспорта и файл с проездными документами. Несколько минут мужчина внимательно их изучал, затем сбросил все в первобытный сканер, который стал медленно считывать документы страница за страницей.

Наконец клерк вернул мне бумаги.

- Когда вы высаживались здесь двадцать девять земных лет назад, на Секе^{*4} было всего восемь колоний, представлявших две соперничающие политические силы. Теперь колоний семьдесят девять, причем две на спутниках, а политическая ситуация такова, что... В общем, в двух словах не расскажешь. А главное, почти во всех поселениях условия намного приличнее, чем в Космопорте.

- Ну да, мне говорили. Впрочем, я ведь не отдыхать приехал.

⁴ * *Sece (исп.) - бесплодная, пустая. (Здесь и далее прим. перев.)*

Не так уж много планет, где космопорты находятся в приличных местах.

Он медленно кивнул и достал из ящика стола два каких-то бланка.

- И чем, хотелось бы знать, занимается консультант-танатолог?

- Помогает людям умереть.

На самом деле я, конечно, помогал умирающим прожить оставшееся время полной жизнью, но сейчас я об этом распространяться не стал.

- Интересно. - Он улыбнулся. - И хорошо за это платят?

- Нормально.

- Впрочем, я не помню случая, чтобы в этом кабинете появился хоть один бедняк. - Он протянул мне бланки. - С этим дальше по коридору, на вакцинацию.

- Мне уже сделали все необходимые прививки.

- Это требование Конфедерации. На Секе проводят несколько специальных тестов для возвращающихся ветеранов. В особенности для ветеранов Войны за консолидацию.

- Естественно. Анализ на нанобиоты. Но я прошел полное обследование, перед тем как вернуться на Землю.

Он пожал плечами.

- Таковы правила. Кстати, что вы им обычно говорите?

- Кому?

- Людям, готовящимся к смерти. Мы-то здесь, как правило, об этом не думаем - просто позволяем смерти прийти в свой срок. Конечно, каждый старается прожить как можно дольше, но...

- Тоже вариант. - Я взял бланки. - Но не единственный.

Я уже открыл дверь, когда клерк, смущенно кашлянув, сказал:

- Доктор Спиви... Если у вас нет других планов, я бы с удовольствием с вами пообедал.

Любопытно.

- Да, конечно. Я только не знаю, сколько времени займут у меня эти ваши процедуры.

- Минут десять-пятнадцать, не больше. А чтобы нам не трястись по скверной дороге, я вызову флоттер.

* * *

Сдача слюны и крови заняла времени даже меньше, чем заполнение бланков анализов. Когда я вышел на улицу, сверху, жужжа, опускался флоттер, а Браз Найтьян наблюдал за его посадкой с тротуара.

Последовал быстрый, двухминутный прыжок в центр городка, причем последние секунд тридцать флоттер пикировал так резко, что полет напоминал, скорее, свободное падение, от которого подкатывало к горлу. Выбранное Бразом заведение - кафе «Рембрандт» - оказалось

помещением с некрашеными стенами, низким потолком и чадящими масляными лампами. Столь грубая попытка создать атмосферу шестнадцатого века была слегка сглажена мягким сиянием десятков репродукций с картин мастера, выполненных, по-видимому, какими-то люминесцентными красками.

Пышногрудая официантка в нелепом платье с оборками (тоже под старину) провела нас к столику под огромным автопортретом художника, которому больше пристало бы название «Блудный сын с девкой».

Я никогда раньше не видел местный «флагон» - плоский металлический сосуд с завинчивающейся пробкой. Он появился на столике первым и, судя по объему, вмещал достаточно вина, чтобы помочь и пищеварению, и непринужденной беседе.

Следуя рекомендации диетологов, я заказал себе порцию тушеных овощей: животные протеины Секи могли вызвать у меня сильнейший приступ ксеноаллергии. Среди прочего, чего я не помнил о своем предыдущем визите на эту планету, был вопрос о том, входили ли в наш рацион мясо и рыба местного происхождения. Но даже если я без всякого для себя вреда ел их тридцать лет назад, то сейчас вполне мог заработать белковую аллергию. Как сказал мне врач «Хартфорда», моей изрядно состарившейся пищеварительной системе могло оказаться не под силу расщеплять инопланетные протеины до безопасных аминокислот.

Браз учился на Земле, в Калифорнийском университете, за казенный счет (что обошлось недешево) и теперь, согласно контракту, обязан отработать десять лет на государственной службе - это равнялось четырнадцати земным годам. Он получил научные степени по математике и макроэкономике, но ни одна из них не пригодилась ему в скучной чиновничьей работе. Чтобы не терять квалификацию, Браз три раза в неделю преподавал и писал научные статьи, которые читали от силы десять-пятнадцать специалистов. К тому же все они не согласны с его умозаключениями.

- Как же получилось, что вы стали консультантом-танатологом? - спросил Браз. - Или вы мечтали об этом с самого детства?

- Если не получится стать ковбоем или пиратом.

Он улыбнулся.

- Не видел на Земле ни одного ковбоя.

- Пираты их всех выловили и заставили пройти по доске. - Я усмехнулся. - На самом деле, перед тем как завербоваться в армию, я был бухгалтером, а после демобилизации поступил на подготовительные курсы при медицинском колледже. Потом переключился на психологию и начал специализироваться на проблемах бывших военнослужащих.

- Вполне естественно. Познай себя - так, кажется?

- Именно так. - Я бы даже сказал: «Найди себя». - Кстати, к вам на Секу приезжает много ветеранов?

- Не так уж... Во всяком случае, не с Земли и не с дальних планет. Ветераны обычно не могут похвастать достатком.

- Это точно.

Перелет с Земли на Секу и обратно действительно стоил как очень приличный дом.

- Как я понимаю, лечение ветеранов также много денег не приносит.

- Конечно. Все, что у меня есть, - результат моей многолетней криминальной деятельности. - Я улыбнулся, и Браз вежливо хохотнул. - Дело в том, что ветераны, с которыми мне приходится иметь дело, люди не совсем простые и по большей части состоятельные, - объяснил я. - Люди с нормальной продолжительностью жизни в моих услугах обычно не нуждаются. Я помогаю тем, кто прожил уже не одну сотню лет, а такого без богатства не достигнешь.

- Им надоело жить?

- Это нечто более глубокое, чем потеря новизны ощущений. Людям со слабым воображением я не нужен. Они могут прекратить свое существование при помощи пули или веревки... или, как у меня на родине, приняв специальное лекарство, которое обеспечит безболезненный уход.

- Эвтаназия на Секе запрещена законом, - холодно заметил Браз.

- Знаю. Я и сам не в восторге от этого метода.

- Вы считаете, что эвтаназия отнимает у вас клиентов?

Я пожал плечами:

- Это как раз неизвестно.

Официантка подала закуски: мне - жареные грибы на палочке, Бразу - горшочек мелких хвостатых зверушек во фритюре. Их полагалось есть руками: брать за хвост и макать в острый желтый соус. Еда оказалась лучше, чем я ожидал: грибы были зажарены на палочках из какого-то ароматического дерева, напоминающего лавр; к грибам официантка принесла стаканчик с напитком бледно-лилового цвета, похожим по вкусу на сухой херес.

- То есть дело не в том, что им все надоело? - снова спросил Браз.

- Так обычно считается. В книгах и на головидении проблему, как правило, изображают именно так, но...

- Вы хотите сказать, что реальная жизнь не столь интересна? И она слишком сложна, чтобы воспринимать ее в обычном драматургическом ключе?

- Представьте себе, - сказал я, - что вы живете на свете несколько сотен лет: на Земле, по крайней мере, это возможно. При этом вы год за годом, десятилетие за десятилетием понемногу отрываетесь от родных корней, от привычной культуры. Все, что вам было знакомо и дорого, остается в далеком прошлом. Вы практически бессмертны -

если не в буквальном, то в культурологическом смысле, - а ваши смертные друзья и родные, ваши коллеги умирают один за другим у вас на глазах. И поэтому, чем дольше вы живете, тем крепче становится ваша связь с сообществом бессмертных.

- Но ведь есть, наверное, несогласные? Нонконформисты?

- Есть, конечно. «Чудилы», как называли таких ковбои.

- Пока их не истребили пираты. Ковбоев, я имею в виду, - улыбнулся Браз.

- Верно. Так вот, эти «чудилы» редко переживают первый добавочный век. Все, с кем они росли и выросли, либо такие же бессмертные, либо давно умерли. Впрочем, речь не об этом... Как правило, долгожители организуются в свой особый социум, отличающийся необыкновенной сплоченностью. Поэтому когда кто-то из них принимает решение уйти, подготовка к этому шагу оказывается довольно непростой, она втягивает в свою орбиту сотни людей. Именно на этой стадии и требуются мои услуги. Я выступаю в качестве своего рода... было такое старинное слово... душеприказчика. Фактически, это распорядитель, управляющий имуществом: благо у большинства долгожителей скопилось значительное состояние, а ближайшие родственники - праправнуки.

- То есть вы помогаете долгожителям поделить свои состояния между многочисленными наследниками?

- Все гораздо интереснее. С веками сложилась традиция рассматривать оставляемое наследство, так сказать, через призму личного эстетического самовыражения, посмертной воли. Именно поэтому мне и нравится называть себя душеприказчиком. Если бы вы просто умерли, предоставив разбираться с вашим наследством совершенно посторонним людям, это опозлило бы и вашу жизнь, и вашу смерть. Моя задача состоит в том, чтобы наследие такого-то стало как бы продолжением его физической жизни, значительным и долговечным. Выражаясь высоким стилем: чтобы память о человеке жила в веках. Иногда речь идет о материальных объектах, но чаще используются финансовые инструменты - пожертвования, благотворительность, спонсорство. Благодаря одному такому спонсору, кстати, я и оказался здесь.

Принесли основное блюдо. Браз получил что-то, похожее на угря. Угорь был ярко-зеленым, с черными усами и, похоже, сырым, зато мое овощное рагу выглядело ободряюще привычным.

- Стало быть, один из ваших клиентов что-то финансирует здесь, на Секе?

- Нет, этот человек финансирует меня, мою поездку. Это фактически дар; мы с ним хорошо ладим. Но его поступок может стать образцом, примером для тех, кто, возможно, тоже захочет вернуть утраченную память одному из ветеранов.

- Как это - утраченную?

- Была такая военная программа по нейтрализации негативных последствий боевого посттравматического шока. Препарат назвали «аквалете». Слышали о таком?

Он недоуменно потряс головой.

- Вода... Какая-то вода, что ли?..

- Название препарата представляет собой лингвистически некорректную смесь латыни и древнегреческого. «Аква» - это вода, а Лета в античной мифологии - река забвения в царстве мертвых. Души умерших пили воду из этой реки, чтобы забыть свою прошлую жизнь и таким образом получить возможность нового воплощения. Достаточно верное название, кстати... Препарат отключал у человека долговременную память, что позволяло блокировать развитие боевого посттравматического синдрома, так называемого ПТСР - посттравматического стрессового расстройства.

- И как, успешно?

- Слишком успешно. Мне было двадцать с небольшим, когда я провел на Секе восемь месяцев в боевых частях, но я не могу вспомнить ничего, что происходило между выброской и перелетом обратно.

- Это была ужасная война, - вздохнул Браз. - Молниеносная и жестокая. Возможно, вам и не стоит возвращать память. У нас говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо».

- У нас тоже есть такая поговорка. Впрочем, в моем случае... Можете назвать это профессиональным барьером, хотя на самом деле все намного серьезнее. Составной частью моей работы с клиентами является сочетание совместных размышлений и беседы. Я стараюсь помочь им сформировать связную логическую картину прожитой жизни в разнообразии ее добрых и злых проявлений в качестве основы для выражения посмертной воли. То, что я сам до сих пор этого не сделал, мешает моей работе консультанта-танатолога. Особенно когда клиент - как, например, мой спонсор - сам имел боевой опыт, который необходимо проанализировать как можно тщательнее.

- Он... уже умер?

- Нет, что вы! Как и большинству долгожителей, ему совершенно некуда спешить. Просто он желает быть подготовленным.

- Сколько же ему лет?

- Триста девяносто земных лет. И он намерен прожить до четырехсот. Браз перестал терзать угря и задумчиво посмотрел в пространство.

- Не могу представить... Я хочу сказать, что отчасти понимаю, когда психически нормальный человек сдается, просто потому что стал слишком стар и немощен. Привязанность к мирским вещам с годами настолько слабеет, что человек перестает цепляться за жизнь. Но ваш клиент, судя по всему, находится в своем уме и в полном здравии.

- Он даже здоровее меня, я полагаю.

- Тогда почему же четыреста лет, а не пятьсот? Или не триста? Почему бы не стремиться дожить до тысячи? Я бы так и поступил, имей такую возможность.

- Я бы тоже, но... Во всяком случае, сейчас я считаю именно так. Мой клиент говорит, что точно так же думал, когда был смертным. Но объяснить, что же произошло, что изменило его взгляды, он толком не может. По его словам, это все равно что объяснять малышу, который только учится говорить, что такое супружество. Крохе кажется, будто он знает, что такое любовь, поэтому он станет применять наши взрослые слова к своим собственным обстоятельствам. Но у ребенка не хватит ни словаря, ни жизненного опыта, чтобы понять более широкий смысл этих слов.

- Супружество - сравнение неверное, - сказал Браз, изысканным движением отделяя черные усы от головы угря. - Вы можете развестись, но восстать из мертвых - никогда.

- Малыш ничего не знает о разводах. Видимо, здесь и находится ключ к пониманию аналогии.

- То есть мы не знаем, что такое смерть?

- Знаем, но не так хорошо, как те, кто способен жить во много раз дольше нас.

* * *

Браз мне в общем понравился, к тому же мне нужен был проводник из местных. У парня накопились кое-какие отгулы, и он был не прочь подработать на стороне. К тому же он хорошо владел испанским, что на Секе было редкостью - здесь говорили на причудливой смеси португальского с английским, а я если и познакомился с этим наречием тридцать лет назад, то сейчас все равно ничего не помнил.

Курс нейтрализации действия аквалете основывался на сочетании химио- и психотерапии. Проще говоря, аквалете не уничтожал воспоминания, а просто донельзя ослаблял внутримозговую психофизиологическую связь с ними. У меня имелась схема лечения: двадцать таблеток по два раза в день, но принимать их было предпочтительнее в обстановке, которая могла бы подхлестнуть мою память.

Это означало возвращение на опасную территорию.

В Серраро не было прямых рейсов. Тридцать лет назад нас выбросили в этой высокогорной пустыне, чтобы «восстановить контроль над ситуацией». Обстоятельства той десантной операции сейчас покрыты тайной и, возможно, позором. Чтобы попасть на место, нам с Бразом предстояло проехать по пустыне около сотни километров от расположенного в оазисе городка Консоле-Верде. Я заранее

позвонил туда, чтобы взять напрокат «джи-пи» - армейский внедорожник.

После того как мы с Бразом сделали все необходимые приготовления, я получил сообщение от какого-то «шефа службы внутренней безопасности». В сообщении указывалось, будто моя деятельность вызывает сомнения с точки зрения законности, и предлагалось завтра в девять утра явиться к этому начальнику в офис для объяснений. К счастью, когда я получил это предписание, мы уже находились в аэропорту и, заплатив наличными, могли успеть на рейс, вылетающий через двадцать минут. На Земле подобное было бы невозможно.

Я пообещал Бразу, что в оазисе куплю нам все необходимое, и мы поспешили подняться на борт, имея при себе лишь документы, мои лекарства и те вещи, что были на нас. Мой бумажник, по счастью, был набит местными банкнотами, которые здесь ходили вместо пластиковых карт. Я заранее выяснил, что обменный курс на Земле был намного выгоднее, и притащил с собой чуть ли не половину годового заработка в этих бумажках.

Рейс был даже не суборбитальный, поэтому нам понадобилось целых четыре часа, чтобы преодолеть расстояние в одну десятую длины окружности планеты. Большую часть полета мы спали; чтобы рассказать Бразу все, что я смог выяснить о восьми месяцах, которые оказались вычеркнутыми из моей памяти, мне не потребовалось и двадцати минут.

По правде говоря, колония Серраро и в лучшие времена не считалась оплотом демократии и свободы слова, а тот период в истории, о котором я вел речь, большинство людей предпочли бы поскорее забыть. Эта область планеты никогда не была бедной. Пустыня изобиловала залежами редкоземельных элементов, необходимых для межзвездных перелетов. По всей округе были во множестве разбросаны небольшие рудники (никаких фермерских хозяйств) и единственный городок. Шахтерский район назывался Ново-Би, сокращение от Новая Бразилия, и до сих пор считался отнюдь не самым безопасным местом в Конфедерации. Тем не менее нам нужно было именно туда.

Тридцать лет назад наш взвод выступил из Консоле-Верде в составе экспедиционного корпуса численностью в одну тысячу человек. Когда мы возвратились в оазис, нас оставалось едва ли шесть сотен. Зато вся область была зачищена. Там, где находилось семьдесят восемь небольших шахт и рудников, остался всего один - «Пресиоса», и никто не горел желанием обсуждать, как это могло произойти.

Официальная историческая наука описывает консолидацию этих семидесяти восьми рудников как образец объединения мелких разрозненных артелей рудокопов-старателей в мощное горнорудное предприятие. Было какое-то сопротивление, даже противозаконные

партизанские вылазки, но правительственные силы (а я был в их составе) менее чем за год восстановили конституционный порядок.

Кстати, все архивы местной регистрационной службы оказались уничтожены мощным взрывом, в котором обвинили партизан, но при очередной переписи выяснилось, что численность населения Серраро уменьшилась больше чем на треть. Очевидно, все эти люди просто эмигрировали.

На улицах Консоле-Верде наши с Бразом строгие деловые костюмы выглядели довольно экстравагантно. Местные жители носили либо военную форму, либо белые халаты свободного покроя. Я немедленно отправился в магазин рядом с аэропортом и купил для нас по такому же халату, а заодно и по пистолету. Бразу, правда, уже много лет не доводилось стрелять, но в конце концов он согласился, что отсутствие оружия будет бросаться в глаза.

И все равно мы выделялись в толпе высоким ростом и светлой кожей. Жители Консоле-Верде были сплошь невысокими, смуглыми, с длинными черными волосами, заплетенными в косу или перевязанными лентой. Я не сомневался, что о нашем появлении скоро станет известно буквально всем, и даже прикинул, сколько пройдет времени, прежде чем нас настигнут агенты службы безопасности. Оставалось надеяться, что послание их шефа было всего лишь формальностью и нас не станут преследовать слишком ретиво.

В крохотной гостинице оказался всего один свободный номер, но Браз несколько не возражал против совместного проживания. Он даже намекнул, что мы могли бы заняться сексом, чем застал меня врасплох. Пришлось объяснить ему, что на Земле мужчины подобными вещами не увлекаются. Браз, к счастью, принял мои объяснения совершенно спокойно.

Спустившись на первый этаж, я спросил хозяина гостиницы, есть ли в городе библиотека, и тот ответил, что нет, но можно навести справки в школе, находящейся на другом конце города. Браз прилег отдохнуть: после обеда началась сиеста, поэтому я оставил ему записку и отправился в путь один в полной уверенности, что мне достанет ума повернуть от дверей направо и пройти по совершенно прямой улице противоположной окраины Консоле-Верде.

На Земле я побывал во многих местах, но за ее пределами оказался лишь однажды - в той восьмимесячной экспедиции тридцатилетней давности. Поэтому сейчас усердно высматривал «инопланетные» детали.

Индекс Дрейка для Секи равнялся девяноста пяти сотым. Это означало, что только на пяти процентах ее поверхности условия были хуже, чем в самых суровых районах Земли. Должно быть, здесь есть какая-нибудь экваториальная пустыня, предположил я. Мы же

находились в поясе, который на Земле назывался бы умеренным, и все равно я обильно потел на сухой жаре.

Колонизация планеты началась не более пяти поколений назад, однако некоторые генетические мутации налицо. Впрочем, их было не больше, чем на некоторых островах и в других изолированных социумах на Земле. В частности, среди черноволосых и коренастых аборигенов я не заметил ни одного блондина или рыжего. Мужчины имели хмурый вид и все до одного носили оружие. Женщины одевались несколько ярче мужчин, но лица их отличались равнодушным, почти отсутствующим выражением.

Некоторые молодые мужчины имели, кроме пистолетов, кинжалы, а то и сабли. Я даже задумался, уж не существует ли здесь какое-то подобие дуэльного кодекса. И если да, то каких действий мне следует избегать, чтобы не спровоцировать конфликт. Впрочем, можно надеяться, что отсутствие кинжала на поясе сможет до некоторой степени меня обезопасить - вроде как демонстрация моих миролюбивых намерений.

За исключением ломбарда с тремя шарами^{*5} и таверны, яркие вывески которой предлагали отведать бино и бербесу, специализацию остальных лавок определить было невозможно. Я решил, что в изолированном городке все и так знают, где что находится.

Без инцидентов, впрочем, не обошлось. Внезапно передо мной остановились двое мужчин. Они перегородили тротуар, а один из них, положив руку на револьвер, громко произнес несколько слов, смысла которых я не уловил.

- Soy de la Tierra, - быстро ответил я на стандартном испанском, бесцветном рабочем языке Конфедерации. - Я землянин.

Они переглянулись и прошли мимо. Я постарался не обращать внимания на ползущую по спине каплю пота и задумался над отсутствием у меня воинских инстинктов. Может, я тоже должен схватиться за оружие? Наверное, нет... Если бы они открыли огонь, что мне тогда оставалось делать? Бросить шестидесятилетнее тело на землю, перекатиться, выхватить пистолет и выстрелить в грудь?

«Два в грудь, третий в голову», - возникли слова из какого-то фильма «про мафию». Увы, ничего подобного, относящегося ко временам моей армейской службы, я не помнил. На Земле наша военная подготовка состояла в основном из вольных гимнастических упражнений и бесконечной шагистики на учебном плацу. Тренировки с оружием начнутся позже, обещали нам. Но из этого «позже» в памяти остался лишь обратный полет на Землю.

Я помнил всю начальную подготовку от первого до последнего дня,

⁵ * *Три (золотых) шара - вывеска ростовщика, дающего деньги под заклад.*

помнил даже, как лифт поднял нас на борт десантного транспорта и как с ускорением в 1,5 g мы устремились к portalу Оорта, но потом... Потом что-то произошло. Во всяком случае, следующее, что я осознал, это как меня и остальных выживших высадили на Землю с чеком на крупную сумму и чемоданом боевых наград.

Ну, а еще мне ежемесячно приходил чек поменьше - компенсация за потерянный в боях палец.

Я понял, что подхожу к школе, когда мне навстречу стали попадаться ребяташки в возрасте от семи до двенадцати земных лет.

Школа оказалась совсем небольшой: всего на три-четыре класса. Из дверей вышел седобородый невооруженный мужчина, я его окликнул. Мы выяснили, что можем общаться на английском, и я спросил, есть ли в школе библиотека. Он ответил, что есть и еще два часа будет работать.

- Правда, у нас там в основном детские книги. А что вас интересует?

- История. Современная история. В частности, Война за консолидацию.

- Понятно. Идем. - Через пыльную спортивную площадку он повел меня к заднему фасаду. - Вы были солдатом Конфедерации?

- Думаю, это очевидно.

Он помедлил, взявшись за дверную ручку.

- Надеюсь, вы понимаете, что в наших краях вам следует быть предельно осторожным?

Я ответил утвердительно.

- Не выходите по ночам в одиночку. С вашим ростом вы, как радиомачта в пустыне... - Он открыл дверь и позвал: - Суэла! Тут одному путешественнику нужны книги по истории.

В хорошо освещенном помещении библиотеки - с толстыми каменными стенами и высоким потолком - было прохладно. Почтенная дама с седыми волосами снимала с тележки бумажные книги и расставляла по полкам.

- Прошу извинить меня за плохой английский... - Ее произношение было намного лучше моего. - Но что может быть в бумажной книге такого, чего нельзя скачать из Сети?

- Мне любопытно узнать, что рассказывают у вас детям о Войне за консолидацию.

- Ту же правду, что и везде, - ответила она с оттенком иронии и сделала движение к полке напротив. - У нас... - она пробежала глазами по корешкам, - есть только одна книга на английском. Я не имею права дать вам ее с собой, но здесь можете читать сколько угодно.

Я поблагодарил и понес книгу через зал, туда, где стоял стол для взрослых. Остальная мебель в библиотеке была уменьшенных размеров. Пока я шел, девочка лет восьми не сводила с меня удивленных глаз.

Я и сам не знал, что хотел найти в этой книге. Консолидации и «Пресиосе» в ней посвятили четыре страницы, сюрпризов было немного. Коалиция нескольких рудников пришла к выводу, что Конфедерация платит за диспрозий слишком мало, и убедила других мелких производителей применить схему занижения объемов добычи, чтобы позже сбывать излишки по возросшей цене. В книге это было названо спекуляцией и ограничением свободы торговли. В конце концов «Пресиоса» - крупнейшая диспрозиевая шахта - стала вести дела с Конфедерацией самостоятельно, гарантируя покупателям низкую цену на сырье, что, естественно, не могло понравиться конкурентам. Началась гражданская война. Вскоре Сека (а фактически владельцы «Пресиосы») обратилась за помощью к Конфедерации, и война приняла межзвездный характер.

В книге говорилось также, что боевые действия велись в основном вдали от населенных пунктов, в суровой высокогорной пустыне, где находились сами рудники.

Тут я остановился. Еще в городе меня поразило, что я почти не видел древних зданий: все постройки в Консоле-Верде были не старше тридцати лет. Невольно я вспомнил изречение времен одной из войн, которые Америка вела в XX веке: «В целях защиты этой деревни нам пришлось стереть ее с лица земли».

Пожилая библиотечка, присев напротив меня, сказала негромко:

- Вы здесь воевали, но ничего об этом не помните. Я угадала?

- Да, вы совершенно правы.

- Среди нас есть те, кто помнит все.

Я пододвинул к ней книгу.

- Что-нибудь из этого правда?

Она повернула книгу к себе, пробежала глазами разворот и с беспощадной улыбкой покачала головой.

- Этим даже ребенка не проведешь. Чем, по-вашему, является Конфедерация?

Немного подумав, я сказал:

- С одной стороны, Конфедерация - это добровольный союз сорока восьми или сорока девяти планет, объединенных договором, гарантирующим равные права гуманоидов и негуманоидов, а также общими торговыми правилами, способствующими справедливости и прозрачности коммерческих отношений. С другой стороны, это корпорация «Хартфорд» - самая богатая компания в человеческой истории, которая фактически может творить все, что ей заблагорассудится.

- А что такое Конфедерация лично для вас?

- Для меня это организация, которая дала мне работу в трудные времена, когда рабочих мест не хватало. Я стал так называемым специалистом по безопасности. Впрочем, я не был «специалистом» в

буквальном смысле слова. Скорее, меня можно назвать «подготовленным работником широкого профиля».

- Наемником.

- Нет. Во всяком случае, мы не делали ничего противозаконного или противоречащего морали и этике.

- Вам же стерли память. Так что на самом деле вы могли совершать и то, и другое, но ничего об этом не помнить.

- Возможно, - согласился я. - Собственно, именно это я и собираюсь выяснить. Вы слышали о препарате, который нейтрализует действие аквалете?

- Нет... Он должен вернуть вам память?

- Так говорится в описании. Завтра я собираюсь за город - туда, где когда-то побывал, чтобы узнать, что из этого выйдет. Таблетки рекомендуется принимать в том месте, о котором вы собираетесь вспомнить.

- Сделайте мне одолжение, - сказала она, отодвигая от себя книгу. - А может, и себе тоже. Выпейте лекарство здесь, хорошо?

- Выпью. В Консоле-Верде когда-то находился наш штаб. Я наверняка бывал здесь хотя бы проездом.

- Тогда поищите меня в толпе. Я тогда была девчонкой и хорошо помню, как мы бегали смотреть на солдат. Вы все были такие красивые, такие рослые и статные...

Десять местных лет, прикинул я, равнялись четырнадцати земным. Похоже, эта пожилая леди была моложе меня. Тяжелое здесь детство...

- Я не думаю, что воспоминания будут настолько подробными. Но постараюсь вас разглядеть.

Она похлопала меня по руке и улыбнулась.

- Так и сделайте.

Когда я вернулся в гостиницу, Браз еще спал. Похоже, перелет через шесть часовых поясов его утомил, и я решил дать ему выспаться. Мой организм все еще был настроен на условное бортовое время звездолета; впрочем, я и без того почти не нуждался в адаптации. Работая консультантом, я мотался по всему свету и привык к частой смене часовых поясов.

Стараясь не шуметь, я растянулся на второй койке, приладил наушники-пуговики и включил запись Генделя, чтобы заглушить храп.

* * *

В гостинице овощей не оказалось, поэтому на завтрак я взял яичницу (уповая на то, что яйца все-таки снесены птицей) и сухие, безвкусные крекеры из какого-то зерна местного сорта. Заказанный нами

внедорожник подогнали к половине девятого, и я вышел внести задаток и осмотреть машину. Как нам и обещали, внедорожник был пуленепробиваемым, за исключением стекол. Что ж, и то хорошо.

Первый отрезок пути я решил вести машину сам. Позже я приму свои таблетки, а на упаковке есть предупреждение: «Может спровоцировать галлюцинации. После приема препарата управление транспортными средствами запрещено». Очень правильные слова.

Консоле-Верде совсем не имел пригородов. Город был расположен в оазисе, и там где кончалась растительность, тут же заканчивались дома.

Поначалу я вел машину очень осторожно. Мой собственный автомобиль, оставшийся в Лос-Анджелесе, был оборудован автопилотом, поэтому я уже несколько лет не сидел за рулем настоящего, и сейчас у меня даже слегка закружилась голова.

Километров через тридцать дорога вдруг стала невероятно ухабистой, и Браз предположил, что мы въехали на территорию соседней колонии Претороха. Там, утверждал он, собирают так мало налогов, что их не хватит даже на один день работы бульдозера.

Через час, когда мы наконец доползли до первого рудничного террикона, я передал руль Бразу. Пора было глотать первые двадцать таблеток.

По правде говоря, я и сам толком не знал, чего ожидать. Мне было известно, что средства против аквалететерапии без наблюдения врача способны вызвать неадекватную реакцию. Некоторые бедняги и вовсе слетали с нарезки, поэтому я заранее вручил Бразу седатив, которым он должен воспользоваться, если я утрачу контроль над собой и ситуацией.

Развалины, обломки камней и воронки. Все вокруг покрыто толстым слоем черного пепла и песка. Руины домов почти не тронуты температурной эрозией - в этих краях не бывает резких перепадов: жаркое сухое лето сменяется чуть менее жаркой, но более сухой зимой. Мы долго колесили вокруг этих развалин, но абсолютно ничего не происходило. Через два часа (а это минимальный перерыв для приема моего лекарства) я проглотил еще двадцать таблеток.

Как мне сказали, я лишился пальца именно в Преторохе - там, где войска Конфедерации понесли наибольшие потери. Может быть, препарат на меня просто не действовал?

Нет, вряд ли. Если я правильно понял прилагавшуюся к лекарству инструкцию, причин могло быть только две: либо местность настолько изменилась, что моей памяти было просто не за что зацепиться, либо я никогда здесь не бывал.

Последний вариант я исключал. Здесь во время боев я лишился пальца, и Конфедерация это подтвердила: вот уже тридцать лет мне выплачивают пенсию за боевое ранение.

Первое объяснение, пришедшее на ум, заключалось в том, что картины сражений запечатлелись в моей памяти такими же уныло однообразными, как и этот разрушенный ландшафт. Возможно, я упустил что-то существенное, вроде запахов или летнего зноя. Но в описании к лекарству говорилось, что оно начинало работать под воздействием зрительной стимуляции.

- Возможно, эта штука действует на вас слабее, чем на других, - предположил Браз, внимательно за мной наблюдавший. - Или вам просто попалась бракованная партия. Сколько еще мы будем нарезать круги?

У меня оставалось еще шесть упаковок с таблетками. Препарат, несомненно, действовал на организм: холодный пот, одышка, боль в глазах - побочные эффекты налицо. Все, кроме главного...

- Черт, я думаю, мы действительно насмотрелись достаточно, - сказал я, наконец, Бразу. - Остановимся отлить, потом поедим назад.

Встав на обочине дороги под палящим низким солнцем, я каким-то образом окончательно убедился, что до сегодняшнего дня никогда здесь не бывал. Такое жуткое место просто не могло не впечататься в подсознание.

С другой стороны, аквалете было очень сильным средством. Настолько мощным, что его не так-то просто нейтрализовать.

На обратном пути в Консоле-Верде за рулем снова сидел я. Кондиционер имел только два положения: «очень холодно» и «выключено». Мы решили отключить его совсем и, опустив небронированные стекла, впустить в салон спадающий зной. В подступающих сумерках у этой местности проявлялась какая-то особенная, лунная красота. Она непременно должна была произвести на меня впечатление, но этого почему-то не произошло. Вот, кстати, еще одна причина, чтобы все вспомнить, подумал я. Что-то ведь случилось в тот год - что-то серьезное, после чего все прекратилось.

Когда дорога стала лучше и появились другие машины, Браз снова сменил меня за рулем. Я давно научился самостоятельно ездить в транспортных потоках, к тому же здесь левостороннее движение.

Предчувствие внезапно нахлынуло на меня, когда из-за скалы показались первые городские строения. Мне даже стало трудно дышать, словно я слишком туго затянул галстук.

Все вокруг светилось и мерцало. Вот где я был. Здесь. На этой окраине.

- Браз... началось. Не гоните.

Он съехал к левой обочине, и я услышал, как защелкала аварийка: клик-клик-клик.

- Вы... Во время войны вы находились здесь?

- Не знаю. Возможно. Я еще не понял.

На меня накатывало все сильнее и сильнее. Окружающее двоилось и

плыло. Да я и сам как будто готов был раздвоиться.

- Давайте на другую сторону. - Сверкающий туман заволакивал глаза, и рассмотреть что-либо было невероятно трудно. - А вот это большое здание? Вон то...

- Вывески нет, - отозвался Браз. - Но над автомобильной стоянкой герб Конфедерации.

- Туда... поезжайте туда, скорее... Мне кажется, я теряю сознание.

- Быть может, наоборот... обретаеете себя.

Салон машины постепенно таял перед глазами, потом какая-то сила подхватила меня и медленно повлекла куда-то вперед и вверх. Сквозь стены здания. По коридору. Сквозь запертую дверь. Прямо в один из кабинетов.

В кабинете сидел я, только молодой. Черная как смоль аккуратно подстриженная борода. Военная форма. Все пальцы на месте.

Большую часть стены за моей спиной занимала светящаяся таблица, я сразу догадался - нет, вспомнил! - что там может быть. По обе стороны компьютерной рабочей станции стояли два длинных стола, заваленных стопками грассбухов и скоросшивателей, набитых бумажными документами и перепиской.

Моя работа заключалась в том, чтобы украсть планету у ее законных владельцев. Не целиком, конечно, а только права собственности на МРЗЭ - месторождения редкоземельных элементов.

Кроме них, на Секе не было ничего, что представляло бы для Конфедерации сколько-нибудь серьезный коммерческий интерес. После открытия связанного тахиона^{*6}, началась разведка доступных месторождений диспрозия, необходимого для полетов в сверхглубокий космос. Автоматические зонды обнаружили диспрозий на похожей на Меркурий планете, обращавшейся вокруг желтого карлика Поуко - звезды, находящейся сравнительно недалеко от нашей Солнечной системы. Но примерно в это же время - вскоре после того, как первые тысячи колонистов рискнули начать освоение Секи, - кто-то из них наткнулся на огромные залежи диспрозия и других редкоземельных элементов в бесплодном аду Серраро.

Это оказалось самое большое из когда-либо найденных на планетах месторождений диспрозия, да и добывать его здесь было намного удобнее, чем на рудниках Земли, не говоря уже о необитаемых, малопригодных для жизни планетах.

Колонисты прекрасно понимали, какое богатство им досталось, и вели себя предельно осторожно. Под шумок они протащили закон, по которому права на месторождения могли регистрироваться и передаваться исключительно на бумажных носителях, никакая

⁶ * *Тахион - гипотетическая частица, движущаяся быстрее скорости света.*

электронная документация не допускалась. Затем в течение многих лет семьдесят восемь рудников Секи продавали лишь два процента добываемого диспрозия, а остальные девяносто восемь (больше, чем Конфедерация добывала на двух десятках других планет) припрятывали. Собрав достаточный запас этого стратегического сырья, рудники Секи могли в один прекрасный день стать на рынке диспрозия монополистами.

Но у них был только один покупатель, причем весьма опасный.

Тайну Секи случайно раскрыл дежурный картографический спутник: съемка, проведенная в гамма-лучах, показала скопления пород с высоким содержанием редкоземельных элементов. В Конфедерации довольно быстро поняли, что происходит, и подготовили специалистов вроде меня, чтобы «установить контроль над ситуацией». Со специалистами отправили воинский контингент, достаточный для того, чтобы скрыть наши манипуляции, так сказать, «в дыму войны».

Пока изнуренная войной экономика шла вразнос, я по фальшивым доверенностям и через подставные фирмы скупал небольшие пакеты акций рудников, занятых добычей редкоземельных элементов.

Когда Конфедерация стала главным акционером всех рудников и шахт планеты, она мигом установила выгодные для себя цены на диспрозий. Выполнившие свою задачу войска отправились по домам, получив предварительно прививку аквалете.

Со мной, очевидно, дело обстояло не так просто. Аквалете стирало память о боевых ранениях и психических травмах, но со мной-то ничего подобного не случилось. Всю военную кампанию я просидел в офисе, командуя цифирками да время от времени подделывая подписи.

И вот однажды ко мне в кабинет ворвались три мордоворота в черных капюшонах и отволокли в какой-то подвал. Натянув толстые перчатки, они, чередуясь, избивали меня на протяжении нескольких часов, не сломав, впрочем, ни одной кости и не повредив внутренних органов. С завязанными глазами, в наручниках, я превратился в сплошной комок бесконечной боли.

Наконец с меня сняли наручники и повязку. Убедившись, что я в сознании, двое громил подняли меня с пола, а третий взял тяжелый болторез и отхватил мне палец на левой руке. После этого они перевязали мне кровоточащий обрубок и сделали какой-то укол.

Очнулся я уже на подлете к Земле - с наградами, при деньгах, но без каких-либо воспоминаний.

И без пальца.

* * *

Я пришел в себя в гостинице, валяясь на койке, а Браз сидел

напротив с графином мелонада, который подавали здесь вместо утреннего кофе.

- Как вы себя чувствуете? - заботливо спросил он. - Мне пришлось помочь вам подняться по лестнице, сами вы не могли сделать ни шага. Было очень паршиво?

В окно заглядывали первые лучи утреннего солнца.

- Это... совсем не то, чего я ожидал. - Я с трудом сел и взял у него чашку. - Оказывается, я не был солдатом. Я носил военную форму, но, по сути, оставался просто клерком. На службе у мафии.

И я вкратце пересказал ему, что мне удалось вспомнить.

- Значит, вам отрубили палец? Точнее, сначала вас измолотили до бесчувствия, а потом отхватили палец болторезом?

Правой рукой я машинально потрогал культю.

- Ну да. Это было нужно, чтобы аквалете подействовал. До войны я играл на гитаре, поэтому после возвращения мне пришлось долго разрабатывать альтернативную аппликатуру, чтобы играть без среднего пальца. Но из этого так толком ничего не вышло.

Я отхлебнул из чашки. Напиток был похож на каву, во всяком случае оказался таким же горьким и явно содержал какой-то алкалоид. - Словом, пришлось задуматься о смене карьеры...

- Вы хотели стать певцом?

- Нет, гитаристом. Я ведь играл на классической гитаре, но теперь мне пришлось пойти на медицинские курсы. Затем в университет, на отделение психологии и философии. Там я без особого труда получил степень доктора наук. И стал современной версией Харона, который, согласно античной мифологии, перевозит души умерших через Стикс.

- И что вы теперь собираетесь делать? С той правдой, которую узнали?

- Рассказать всем, я полагаю. Пусть люди как следует задумаются...

Он удивленно откинулся на стуле.

- Рассказать всем?.. - Браз покачал головой. - Ваша история достаточно интересна, но в ней нет ничего такого, что взволновало бы хоть одного человека старше двадцати лет. Всем давно известно, из-за чего на самом деле велась эта война. И какими методами. Пусть она была даже более циничной и лживой, чем я до сих пор думал, но знаете, что я вам скажу? Ничего из того, что вы мне рассказали, не способно вызвать в обществе негодование и протест. Когда речь заходит о правительстве, а тем более о Конфедерации, люди уже ничему не удивляются. «Все то же самое», - вот что они скажут.

- То же самое дерьмо, - поправил я. - Так у нас говорят.

- С другой стороны, именно Конфедерация на пару с корпорацией положили конец самоубийственной гражданской войне, щедро и без задержек оплатили все иски по поводу возмещения убытков, заново отстроили Консоле-Верде. К тому же война закончилась полжизни

назад - нашей с вами обычной, непродленной жизни. Как все происходило на самом деле, помнят теперь только старики, но им, по большому счету, все равно.

Его слова не удивили меня, я и сам часто думал о чем-то подобном. Больше того, я готов был признать свое поражение, ведь то, что случилось со мной, было пустяком по сравнению с тем, что потеряли другие.

Я сделал глоток отвратительно горького напитка и снова поставил чашку на стол.

- Но ведь должен я что-то сделать! Не могу же просто молчать!

- Можете, - отрезал Браз. - Более того, должны. - И, подавшись вперед, продолжал говорить с нажимом и убежденностью: - Послушайте, Спиви, пусть я и захолустная деревенщина, но у меня как-никак докторская степень по макроэкономике, и я ясно вижу, что сейчас вы не в состоянии рассуждать здраво ни о войне, ни о Конфедерации. Дождитесь хотя бы, пока закончится действие ваших таблеток, иначе вы натворите такого, о чем потом будете долго жалеть.

- Все это довольно серьезно, Браз...

- Да бросьте вы! Ситуация, в которой вы оказались, скорее, мелодраматична. Или вы действительно собираетесь вернуться на Землю и заявить: у меня, мол, есть неопровержимые доказательства того, что Конфедерация использовала людей, чтобы ценой тысяч жизней и триллионов хартфордов, вложенных в недвижимость, ограбить планету, а потом эта же Конфедерация пыталась и калечила, чтобы понадежнее стереть всю память об этом? Вы этого хотите?

- Ну и что? Ведь именно так все и было.

Браз поднялся.

- Подумайте об этом еще раз... и подумайте как следует. А заодно задумайтесь о том, что может произойти после.

Он вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Мне не надо было долго раздумывать. Браз был прав.

Перед тем как отправиться на Секу, я изучил все доступные материалы о войне. Один тот факт, что их оказалось на удивление мало, должен был меня насторожить, но я рассчитывал, что узнаю недостающие подробности на месте. Что ж, мое желание сбылось. Что и говорить, приятно иметь возможность путешествовать от звезды к звезде, собирая экзотические воспоминания, вот только возвращаться на Землю все равно придется.

Рано или поздно, но придется.

И если эти воспоминания окажутся неприятными или просто неудобными, Конфедерация снова найдет способ их подправить.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Joe Haldeman. Sleeping Dogs. 2011. Публикуется с разрешения автора.

АДАМ-ТРОЙ КАСТРО

УБЕЖИЩЕ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Единственный заключенный в комнате для допросов состоял из двух женщин и мужчины.

Женщины, Ми и Зи Диямен, выглядели однойцевыми близнецами - или естественными, или клонированными. Седые, несмотря на внешнюю молодость, худощавые и более хрупкие на вид, чем любые из немногих синхросвязанных людей, которых я видела (а те, начиная с моих любовников Порриньяров и заканчивая всеми остальными, с кем мне довелось общаться за последние несколько лет, всегда отличались физической крепостью), они казались лишь бледными

отражениями мужчины, сидящего между ними. Кожа у них была настолько светлой, что легко прослеживались ниточки вен на висках, а голубые глаза отличались такой прозрачностью, что почти исчезали на фоне радужки.

Сидящий между ними Эрнест Гарриман смотрелся медведем: округлые плечи, румяное лицо, массивный, но не толстый. Он был или довольно стар, или в последний раз проходил омолаживание настолько давно, что по виду мог быть отцом этих женщин. Впечатляющая внешность и вызывающая улыбочка противоречили другим его чертам, выдающим слабость характера: водянистые глаза, отвислые щеки и скошенный от нижней губы подбородок - словно ему не терпелось слиться с выпуклостью толстой шеи.

Троица сидела за столом, при этом близнецы держали хрупкими пальчиками толстые запястья Гарримана.

Наблюдая этот уютный триптих, было невозможно отделаться от впечатления, что женщины в нем не более чем принадлежности Гарримана, но я знала достаточно о состоянии, в котором они теперь пребывали, чтобы понимать - это лишь иллюзия, которую они вполне могли поддерживать ради обретения психологического преимущества перед своими тюремщиками.

Реально же эти трое были не только равны, но и составляли единую личность. Они были связаны ближе, чем любовники, чем братья или сестры. И отдельными людьми они были в меньшей степени, чем конечности единого композитного организма. Но передо мной сидели трое.

- Они не притворяются, - произнесли в унисон Осцин и Скай Порриньяр.

Эта пара, сидящая по бокам от меня - как и худощавые женщины по бокам мужчины-медведя по другую сторону силового поля с односторонней прозрачностью, - тоже была единым синхросвязанным разумом, управляющим одной комбинированной личностью. Когда мужчина Осцин и женщина Скай говорили одновременно, как делали почти всегда, они меняли тональность индивидуальных голосов так, что получался общий голос, звучащий как будто не из двух ртов, а из какой-то точки между ними.

Вряд ли я к такому привыкну, даже, через несколько лет после того, как они вошли в мою жизнь. Я уже не вздрагиваю от их вокальной гимнастики, но они никогда не утрачивали восхитительной способности удивлять.

В отличие от Дияменов, которых словно привлекала хрупкость, Порриньяры выглядели образцами физического совершенства: тренированные атлеты, работавшие до нашей первой встречи монтажниками-высотниками. Они не были одинаковыми, как Диямены: Осцин выше и массивнее, чем стройная и атлетически сложенная

Скай, с мелкими чертами лица, в то время как его лицо было угловатым и почти квадратным. Тем не менее у них имелось и много общего - от одежды, которая обнажает больше кожи, чем скрывает, и очень коротко стриженных светлых волос до острого совместного разума, читающегося в обеих парах глаз.

- Вы уверены? - задала я дурацкий вопрос.

Дурацким он был потому, что Порриньяры никогда не сообщали мне свои выводы, если не были в них уверены.

- Да, Андреа, - подтвердили они. Я наблюдала за их дыханием, движениями глаз и даже пульсом, видимым по биению вен на запястьях.

Я взглянула по очереди на Осцина и Скай, зная, что это лишнее, но мне до сих пор кажется, что я пренебрегаю одним из них, если весь контакт взглядов достается другому.

- Вы очень старались.

Они кивнули в унисон:

- Ну, да.

- И?

- Насколько я могу судить, они идеально синхронизированы. Разумеется, могут возникнуть различия в обстоятельствах, когда одно тело более или менее здорово, чем другое, или занято физической активностью, но автономные функции связанных компонентных тел имеют тенденцию достигать равновесия, когда все прочие факторы становятся одинаковыми. И я считаю, что они те, кем себя называют: единое целое. Не только исходные Ми и Зи Диямен, но и этот Гарриман.

Сидящая позади нас прокурор Лайра Бенгид постучала зелеными наманикюренными ноготками по украшенному драгоценными камнями серебряному браслету на левом запястье:

- Примерно таким способом и мы пришли к этому выводу, Андреа, хотя у нас ушло несколько дней медицинских исследований на подтверждение того, что твои друзья смогли понять за столь непродолжительное время.

- А меня удивляет, что у вас на это ушли дни, - заметили Порриньяры.

- Состояние настоящего синхросвязывания имитировать почти невозможно. Большинство неподготовленных одиночных разумов, пытающихся изобразить синхронность, уже в течение нескольких минут совершают какую-нибудь серьезную ошибку.

Бенгид нахмурилась:

- Значит, вот как вы нас называете? Одиночные разумы?

Они усмехнулись:

- Индивидуум, ставший Скай, и индивидуум, ставший Осцином, тоже были одиночными разумами всего несколько лет назад. Этот термин не имеет пренебрежительного смысла, он всего лишь описательный.

Бенгид не стала закатывать глаза, но выдержала достаточно долгую паузу, чтобы продемонстрировать здравый скептицизм:

- Все правильно. Как бы то ни было, подтверждение этого состояния в их случае было не таким уж простым. Они даже не пытались говорить синхронно, как вы. По какой-то причине они общаются только через Гарримана.

- Это необычно, - подтвердили Порриньяры. - В большинстве случаев связанные люди не отдают предпочтения одному телу, если другое сохраняет работоспособность.

- Тем не менее это так, - сказала Бенгид. - На вопрос, заданный любому из них, даже если их рассаживали по разным комнатам, мы получали ответ через Гарримана... или не получали совсем.

Я почесала колючую щетину на недавно выбритой голове.

- То, что он отвечал на вопросы, заданные вне пределов слышимости, тоже можно считать веским доказательством связанности.

Взгляд Бенгид скользнул по моей макушке. Это происходило каждые пять секунд после моего прибытия - ей явно очень хотелось меня об этом спросить, но пока удавалось справиться с искушением.

- Возможно, но до твоего приезда мы не видели иного способа вести следствие, чем делать все возможное для подтверждения и документирования природы необычной проблемы, с которой столкнулись. Твои... - она сделала паузу, - отношения с... - она взглянула на Порриньяров и снова запнулась, - этими двумя...

Она оборвала фразу, подбирая выражение. Порриньяры доброжелательно улыбнулись:

- Не волнуйтесь, прокурор. Я не чувствительный. Используйте любую лексику, которая вам по душе.

- Спасибо, - поблагодарила Бенгид и снова обратилась ко мне: - В любом случае, Андреа, личный опыт общения со связанными людьми делает тебя лучшим местным экспертом по запутанной проблеме обвинения этой троицы в убийстве.

Мы находились на борту корабля «Негев» службы безопасности Конфедерации, посланного некоторое время назад, чтобы арестовать Эрнеста Гарримана.

Насколько я знала, Гарриман и Диямены являлись уцелевшими обитателями четырехместной научной станции, работающей в далеком космосе и расположенной в двух астрономических единицах за границей системы Нового Лондона.

Единственной возможной причиной размещать кого-либо в том конкретном месте, равно удаленном от обычных корабельных трасс и от населенных центров, было почти патологическое стремление к изоляции. И самой станции, и проводимым на ней исследованиям официально просто не полагалось существовать.

Гарриман и Диямены работали там вместе с ныне покойным Аманом

аль-Афигом, которого Гарриман забил насмерть.

Если учесть подробнейшие признательные показания последнего, от меня упорно продолжало ускользать, что именно делало это преступление загадкой.

И все же имелось в этой ситуации нечто такое, что сидящие с нами представители властей, включая Бенгид, двух офицеров службы безопасности и группу юристов, похоже, считали настоящим гордиевым узлом.

Как бы то ни было, для нее это стало достаточным основанием, чтобы затребовать меня сюда из Нового Лондона всего через три дня после начала моего годовичного отпуска по медицинским обстоятельствам, который теоретически избавлял меня от вызовов на службу по любым причинам.

Ее отчаяние и озадаченность были настолько очевидными, что я ощутила их сразу, как только вышла вместе с Порриньярами из присланного за нами корабля.

Размышляя об этом, я рассеянно провела ладонью по макушке и поморщилась, ощутив колючую двухдневную щетину. Я так привыкла к волосам. Став взрослой, я никогда не носила длинные волосы, если не считать краткого пребывания в качестве почетного гостя на планете Ксана, но из-за отсутствия реального веса на макушке у меня возникало ощущение, что голова вот-вот улетит в космос. Я могла лишь гадать, как такое переносят лысые мужчины...

- Андреа?

Оценивающее выражение лица Бенгид мне не понравилось - так моя бывшая соседка по комнате в юридической школе не смотрела на меня уже много лет. Мы никогда не дружили, но она знала меня лучше, чем кто-либо, за исключением Порриньяров и еще двух-трех человек. Она наверняка ощутила во мне какие-то перемены, более глубокие, чем косметические изменения внешности.

Уклониться от расспросов я могла, лишь заговорив о текущих делах:

- Я понимаю, почему ты считаешь меня экспертом, Лайра, но я не специалист в этих вопросах. До сих пор мне тоже не доводилось расследовать дела синхросвязанных людей.

- Причина не в том, что такие, как мы, необычайно законопослушны, - пояснили Порриньяры, одновременно хитровато улыбнувшись, - а в том, что нас пока еще не очень много.

Процедура, связывающая несколько разумов, - запатентованная технология, принадлежащая конгломерату древних искусственных интеллектов, называющих себя «AIsource»^{*7}, - считалась незаконной почти во всем пространстве Конфедерации. Связанных людей никогда

⁷ * «AIsource» можно примерно перевести как «Искин-источник». (Здесь и далее прим. перев.)

не было настолько много, чтобы их не считали просто странной причудой. И даже там, где связывание не запрещалось законом, большинство так называемых цивилизованных людей полагало такую практику неестественной, извращенной.

Впрочем, обсуждение преимуществ подобной практики в данной ситуации не требовалось.

- Я все еще не понимаю, в чем ты видишь проблему, - сказала я. - С медицинской точки зрения эти трое арестованных - одна личность. Как только ты получишь любое экспертное заключение, подтверждающее это, ты установишь и факт, что убийство, совершенное любым из индивидуальных тел, отражает совместное решение личности, объединяющей эти тела. Даже если ты не сможешь найти пункт закона, позволяющий инкриминировать всем троим преступление, совершенное одним, все равно будет нетрудно доказать, что другие двое на равных участвовали в заговоре.

Глубокая усталость Бенгид казалась неестественной для женщины, всегда поражавшей меня неутомимой энергией.

- Это лишь на первый взгляд. У нас есть признание. Есть арестованный преступник - три преступника, если тебе так больше нравится. Есть даже сделанная камерой наблюдения запись того, как Гарриман совершает убийство. - Она глубоко вздохнула. - Единственное, чего мы не знаем: как отделить невиновных от виновных?

- У них только одна воля на всех, Лайра. Они или все виновны, или все невиновны.

- Но не в данном случае.

- Почему? - нахмурилась я.

- Они не были связанным трио, когда начали работу по этому проекту.

- Диямены...

- Диямены были только связанной парой. А Гарриман являлся независимой личностью. Как мы смогли выяснить, Диямены присоединились к Гарриману после того, как он совершил убийство, но до того, как они сообщили о преступлении.

Единое существо за стеной с односторонней прозрачностью и три ныне составляющих его индивидуума, казалось, улыбались.

- Какая интересная моральная проблема, - заметили Порриньяры.

- Вот гадство, - пробормотала я.

Бенгид провела нас из тюремного отсека «Негева» в конференц-зал - помещение достаточно большое, чтобы при необходимости устраивать там судебные заседания прямо во время полета. Переборки здесь были выполнены под темное дерево, а на стену за незанятым креслом судьи проецировалось традиционное старинное изображение Слепого Правосудия с наложенной эмблемой фарса под названием «Конфедерация» и геральдическим щитом, изображающим еще

большой фарс - моих нанимателей, Дипломатический корпус.

Если подобное отношение покажется вам циничным, вы правы. Но это не поза. Я пришла к этому честно, после долгих лет эксплуатации теми, кто должен выступать моими защитниками.

На столике сбоку стояли кувшины с бруджем - напитком, напоминающим по вкусу простоквашу, но содержащим достаточно чистого стимулятора, чтобы не дать мне задремать в ближайшее тысячелетие. Возле них стояли тарелки с рыхлыми пластинками какой-то выпечки, которую экипаж «Негева», наверное, был обязан считать пирожными. Осцин, которому всегда легче удавалось избавиться от лишних калорий, взял пирожное, а Скай насладилась вместе с ним вкусом лакомства, не проглотив и крошки, - им не требовалось отказывать себе в удовольствиях.

Я налила себе бруджа, но не стала добавлять в стакан таблетку ароматизатора.

Лайра Бенгид уселась во главе прокурорского стола, расстегнула пуговицу тесного воротничка серого костюма и вытащила гребень, скреплявший ее соломенные волосы в тугий узел на затылке. Когда локоны рассыпались по плечам, все ее тело словно обмякло. Ее прокурорская осанка, профессиональная сдержанность и абсолютная серьезность уступили место смертельной усталости, которую я заметила сразу по прибытии.

Я могла лишь гадать, сколько времени она не спит.

- Как в старые времена.

- Что? - нахмурилась она.

- Ночные бдения.

Ее ясные голубые глаза чуть расширились от удивления. За все время, что мы друг друга знаем, я никогда не проявляла склонности к ностальгии, пустой болтовне или дружелюбию.

Когда мне исполнилось девятнадцать и я только поступила в юридическую школу, мои дрессировщики из Дипломатического корпуса решили назначить Бенгид моей сочувствующей и понимающей соседкой по комнате. После того как я в восьмилетнем возрасте была вовлечена в печально известную бойню на планете Бокай, они вырастили меня практически в тюрьме. Но потом спохватились, что из меня в результате получится эмоциональная калека, пожизненная забота о которой ляжет на них тяжким бременем. Однако, учитывая итоги тестирования, я могла бы претендовать на большее. Бенгид, тогда лишь начинавшая обусловленную контрактом службу в системе гражданского правосудия, показала по результатам тестов такую высокую эмпатию, что Дипкорпус договорился с владельцами ее контракта предложить ей на выбор несколько должностей - при условии, что она согласится стать доброй и сочувствующей соседкой, которая, как они надеялись, сделает из их ребенка, военного

преступника, социально адаптированную личность.

В этом она потерпела неудачу. Я заподозрила подлую игру и постепенно обрезала все контакты с ней, кроме связанных с учебой. Потом она начала звездную карьеру в гражданских судах, а я свою - на поводке у Дипкорпуса.

И только много позже, когда было уже поздно что-либо менять, я поняла: шутка обернулась не только против меня, но и против моего начальства. Хотя Бенгид и соблазнилась карьерными стимулами, ее стремление помочь мне было совершенно искренним.

Я уже говорила: мы никогда не были подругами. Но она всегда обращалась со мной вежливо и уважительно - как тогда, так и во время десятка наших профессиональных встреч в различных посольствах Дипкорпуса по всему пространству Конфедерации.

Но последнее время в моей жизни произошли некие драматические перемены, которые и подтолкнули меня на проявление запоздалой теплоты.

Единственная проблема заключалась в том, что любой примирительный жест с моей стороны выглядел настолько неестественным, что Бенгид не понимала, как на него реагировать.

- У нас не было старых добрых времен, Андреа.

- Были, только не слишком добрые, если вспомнить меня прежнюю. И все же ты не оставляла своих попыток.

Она чуть задержалась с ответом:

- Ты не должна была это заметить.

- А я замечала и, как могла, ценила.

Мои слова явно тронули ее, хотя слез в ее глазах я не заметила. Взгляд Бенгид опять скользнул по моей бритой голове.

- Ты сегодня почти человек. Можно узнать, что за чертовщина с тобой происходит?

- Возможно, потом. А сейчас я хочу добраться до сути твоей проблемы.

- Хорошо, - согласилась она с облегчением, вернувшись к делу. - Первое: к сожалению, я ничего не могу сказать тебе о проекте, над которым эти люди работали. Мне сообщили, что если я поделюсь с кем-либо даже тем немногим, что узнала во время следствия, это будет считаться государственной изменой. Давай просто договоримся: проект имеет статус чрезвычайно важного для Конфедерации и осуществляется в условиях абсолютной секретности.

Бенгид не знала, что за свою взрослую жизнь я не раз совершала государственную измену, а некоторые из моих преступлений все еще не раскрыты.

- Продолжай.

- Когда три года назад их назначили в проект «Меркантайл», Гарриман и аль-Афиг были индивидуумами, а Диямены - совершенно отдельной

связанной парой, которой поручили как бытовое обслуживание, так и поддержание морального климата на станции. Директивы проекта включали пункт о чрезвычайно длительном запрете на связь с внешним миром - только отчеты начальству. Корабли снабжения работали в автоматическом режиме, исходящая личная почта подвергалась жесточайшей цензуре, и всем участникам грозило суровое наказание за попытку досрочно прервать пятилетний контракт. И вот что важно: на станции установили медицинский комплекс производства «AIsorce Medical», чтобы исключить риск чрезвычайной ситуации, которая заставила бы их вызвать помощь на станцию.

Эта информация меня особенно изумила. Передовые методы автоматизированного лечения, предлагаемые «AIsorce Medical», были настолько дороги, что их не могли позволить себе даже правительства некоторых планет. Если тот, кто финансировал данный исследовательский проект, выложил бешеные деньги ради обслуживания четырех человек, то необходимость в секретности перешла все разумные границы и стала навязчивой идеей.

Бенгид постучала по столу зелеными наманикюренными ноготками.

- Убийство аль-Афига произошло спустя четырнадцать месяцев после начала работы по контракту, а оставшиеся на станции долго не сообщали о нем начальству. Его имя значилось в каждом докладе о состоянии работ. И лишь месяц назад Диямены соизволили уведомить начальство о том, что коллега мертв. - Она поморщилась. - Эти мерзавцы буквально пригласили нас прилететь и арестовать их. Или, если тебе так больше нравится, «посмели сделать приглашение».

- Продолжай.

- Когда мы прилетели, Диямены назвали себя, предоставили видеозаписи и другие следственные улики. Больше мы не слышали от них ни слова. Гарриман отказался от адвоката и сделал полное признание, подтвердив, что преднамеренно разбил череп своему коллеге. - Она помассировала переносицу. - Если бы не его заверение, что в тот день он вошел в лабораторию с умыслом совершить убийство, я рассмотрела бы аргументы в пользу преступления в состоянии аффекта. На видеозаписи видно: он нанес более сотни ударов, и большинство уже после того, как череп аль-Афига разлетелся на куски.

Я поморщилась:

- Это не аффект. Это полный психический срыв.

- Пожалуй, соглашусь. И при обычных обстоятельствах это дело должно было стать простейшим: открыто и закрыто. Но тут и появляется осложнение: Диямены решили защитить Гарримана и совершили нечто такое, что он стал, по их мнению, для нас недосягаемым.

- Нечто, ставшее возможным только благодаря медицинскому

комплексу «Alsource Medical»?

Бенгид прочитала в моих глазах ярость.

- Верно.

Нарисованная ею картина была почти шедевром. Она хоронила простую геометрию преступления под клубком метафизических вопросов на тему о том, какую долю вины все еще можно возложить на личность после того, как эта личность перестала существовать.

Бенгид отвела упавшую на глаза прядь светлых волос.

- Полагаю, для тебя не новость, что на все про все уходит примерно пять месяцев...

- Реально - это около двухсот процедур, которые надо проводить по одной или две в день, - объяснили Порриньяры. - Да, как раз около пяти месяцев и требуется.

Бенгид всмотрелась в их лица:

- Звучит сурово...

- Времени на каждую уходит так мало, что достаточно вставать всего на пятнадцать минут раньше каждый день.

- И что происходит в конце? - скептически осведомилась Бенгид. - Кто-то просто щелкает выключателем?

- Можете смотреть на это и так, советник. Но никакой травмы не испытываешь. По ощущениям это больше похоже на пробуждение, чем на рождение.

Она кивнула:

- В любом случае, у них имелись и время, и необходимое уединение, чтобы это проделать. Но по завершении процедур не стало ни Гарримана, ни Дияменов. Возникло новое существо с их именами, способное вспомнить, как оно было по отдельности Гарриманом и Дияменами, но состоящее теперь из троих.

- И несущее бремя, слишком тяжелое для одного, - пробормотала я.

Я лишь через несколько секунд поняла, что все смотрят на меня. Порриньяры - потому что знали меня, а Лайра Бенгид - потому что знала недостаточно хорошо.

Бенгид опять выглядела озадаченной, но собралась и продолжила:

- Итак, вот проблема, стоящая перед нами. Если мы возложим вину только на Гарримана и посадим его в тюрьму, для него это не станет реальным наказанием. Он может сидеть в самой глубокой подземной темнице и все равно наслаждаться свободой дистанционно, до тех пор пока Диямены на воле и живут, как хотят. - Она обратилась к Порриньярам: - Я ведь права? Нет никакого способа прервать эту связь и экранировать его от их ощущений?

- Легального - нет, - ответили Порриньяры. - Они сейчас одна личность, даже если каждое из тел делает что-то свое.

Осцин добавил:

- Две части меня иногда находились в тысячах километров друг от

друга.

Теперь Скай:

- Иногда еще дальше.

Осцин:

- Все это время два моих тела действовали независимо.

Скай:

- Если бы такого не было, то мое усовершенствованное состояние не давало бы никакого преимущества.

И они завершили вместе:

- Но в терминологии реального мира это можно сравнить с левой и правой рукой, действующими под контролем сознания, которое использует обе руки с одинаковым умением. Кроме тех случаев, когда одно из моих тел спит или, как это случилось несколько месяцев назад, серьезно выведено из строя, я всегда знаю, что делают и Осцин, и Скай. Да, вы правы: можно посадить в тюрьму одного меня, но мне будет это безразлично до тех пор, пока я в состоянии видеть, слышать и наслаждаться полнотой жизни, вбирая в себя ощущения другого.

Бенгид пару раз моргнула и через несколько секунд выдавила:

- Настоящая сцена из кабаре...

- Я тоже так думаю, - сказали они. - К сожалению, достойный певческий голос есть только у Скай.

Бенгид улыбнулась - вежливо, но фальшиво:

- Значит, вы понимаете, о чем я говорю. Нет никакого смысла наказывать только Гарримана. И наказать всех троих мы тоже не имеем права; в этом случае мы накажем две трети коллектива, который даже не существовал к моменту убийства. Я в тупике.

- Вы боитесь, что приговор отменит апелляционный суд? - спросили они.

- Нет, - огрызнулась Бенгид. - Я боюсь ошибиться.

Порриньяры обдумали ее слова.

- Вы всегда сможете обвинить Гарримана в убийстве, а Дияменов назвать фактическими сообщниками, ведь они так долго не сообщали о преступлении. Они получают эквивалентные приговоры, а когда окажутся в камере, то ни одно из индивидуальных тел не сможет облегчить участь другого за счет передачи положительных ощущений.

Бенгид покачала головой и встала, чтобы налить себе мерзкого бруджа:

- Здесь они нас тоже опередили. Диямены первым делом показали нам запись в журнале станции, сделанную всего через три часа после убийства. Там указано: они посадили Гарримана под арест за убийство. Они подтвердили, что собрали все относящиеся к делу улики и поместили их в надежное место для хранения. Они также записали, что, хотя и позволят Гарриману продолжать работу по проекту, он будет трудиться под тщательным наблюдением, исключаящим

возможность побега. Все было проделано честно и открыто... Да, они несколько месяцев не сообщали о преступлении, но такая задержка тоже может быть оправдана жесткими правилами, установленными для станции. Если бы они не слились с преступником в единый разум, то об этой задержке никто не стал бы и упоминать, а мы сейчас не разговаривали бы здесь.

Некоторое время я слушала молча, полуприкрыв глаза и позволяя Порриньярам говорить вместо меня, но теперь решила вмешаться:

- Ты наверняка думала и том, чтобы просто объявить Гарримана, исходного Гарримана-одиночку, мертвым и находящимся вне пределов досягаемости... По сути, решить проблему, отказавшись от нее.

Бенгид глотнула бруджа, скривилась и выпила еще:

- Такое уже предлагалось, причем на уровнях, о которых тебе лучше не думать. В конце концов, этот индивидуум совершил самоубийство личности в тот момент, когда связался с Дияменами. Тот, кем он был, - человек, забивший насмерть аль-Афига, - больше не существует. И я почти согласилась на это решение, просто чтобы умыть руки в такой невозможной ситуации. Но я не смогу жить, позволив этому... позволив этим...

- Уродам? - подсказали Порриньяры.

Она гневно взглянула на них: ее возмутило, что они обвиняют ее в подобной нетерпимости.

- Убийцам! Я отказываюсь допустить, что этот убийца, эти убийцы - называйте, как хотите - не будут наказаны за совершенное преступление только потому, что начальство снабдило их рабочее место средством для превращения «я» в «мы».

Порриньяры переглянулись. Этот акт я давно идентифицировала не как момент консультации, а, скорее, как мгновение глубокого самоанализа. Когда они заговорили, в голосе прозвучало мягкое смирение:

- Извините, советник Бенгид. Я ошибся, оценивая вас. Конечно, вы правы. Но не по тем причинам, по каким считаете.

- Какая может быть другая причина?

- Не знаю, насколько много вам было известно о синхросвязывании до этого инцидента, но решение соединить вашу душу, вашу личность с другим человеком и стать частью фактически совершенно новой личности есть абсолютный акт доверия. Во многих отношениях он более полный, меняющий жизнь и более священный, чем любая известная форма брака. Он требует полной сублимации прежнего «я» и постоянной преданности от каждого из разумов, которые вносят свой вклад в планирующийся гештальт.

- И что?

- А то, что сведение этого священного союза к юридическому трюку, всего лишь лазейке, которой некто беспринципный может

воспользоваться ради выгоды, для меня столь же чудовищно, как убийство - для вас. Оно принижает все, что я есть. Все, чем одиночные версии Осцина и Скай сознательно решили пожертвовать. Поэтому нельзя допустить, чтобы той композитной личности убийство сошло с рук. Я подобного не допущу... и Андреа тоже, по этой же причине.

Именно последняя фраза дала Бенгид намек. До сих пор она слышала, но не совсем понимала смысл слов, поскольку их состояние было слишком чуждо для ее опыта.

И реакция ее оказалась такой же, какую я ожидала, как и у других за несколько коротких месяцев. Она заморгала, прищурилась, ощутила размер предстоящего прыжка... а потом, ошеломленная, сделала его.

Она попыталась отвергнуть это прозрение, словно оно было неким веществом, которое ее тело распознало как яд. А потом уставилась на мою бритую голову и свела все воедино:

- Андреа? Ты... ты?..

Я ответила ей одной из своих редких улыбок:

- Нет. Я все еще одинока, если ты это имеешь в виду.

- Н-но ты...

- Для этого я и брала отпуск. Мы намеревались начать процедуры, когда меня вызвали. Мы лишь отложили их до возвращения в Новый Лондон. Через несколько месяцев мы трое станем частями кого-то нового. Кого-то лучшего.

Она так и застыла с открытым ртом и смесью шока, изумления, ужаса и печали на лице... даже с примесью боли и утраты, которые меня удивили, потому что исходили от человека, которого я никогда не пускала в свою жизнь.

Наверное, мне придется это исправить до того, как я отсюда улечу.

Но не сейчас.

- А теперь, - сказала я, вставая, - с твоего разрешения я хотела бы поговорить с арестованными.

На время нашего совещания Гарримана и Дияменов развели по отдельным камерам. Когда я уже сидела за столом следователя, их привели снова. Они вошли по-стариковски ковыляя, из-за нейроингибиторных колец, охватывающих шею каждого.

Обычно я не требую, чтобы заключенных приводили, ограничив их физические возможности: на теле у меня скрыто достаточно оружия, чтобы справиться с кем угодно. Но в данном случае эту предосторожность я оценила. Связанные пары - и, разумеется, триады - известны необыкновенной ловкостью движений, и даже подготовленному одиночке почти невозможно одолеть их в схватке.

Без специальных колец, снижающих координацию движений до уровня неомоложенного девяностолетнего старика, эта тройца без труда убила бы меня в приступе гнева.

На какую-то секунду я с мрачным удовлетворением отметила, что если замечательная троица совершит подобное, то это послужит веским аргументом для решения чертовой обвинительной проблемы.

Подследственный уселся в предпочитаемом порядке: Гарриман - в центре, две молчаливые женщины - по бокам.

- Вы здесь новенькая? - спросил он.

- Да, сэр. Я советник Андреа Корт. Полномочный прокурор судьи-адвоката*⁸ Дипломатического корпуса Конфедерации.

Он удивленно приподнял бровь:

- Никогда не слышал о таком титуле - «полномочный прокурор».

- Ничего удивительного. Он был введен специально для меня.

Нагловатая улыбочка, тронувшая уголки его губ, не отразилась на бледных лицах Дияменов, которые оставались невозмутимыми, укрывшись за фасадом кататонии.

- Впечатляет. Но если вы из Дипкорпуса, то позволяете себе выйти за пределы своей юрисдикции, не так ли? Насколько я понимаю, в данном деле нет обстоятельств, относящихся к любому суверенному правительству, кроме Нового Лондона.

- Таковых обстоятельств нет, - подтвердила я. - Советник Бенгид вызвала меня только для того, чтобы я высказала свое мнение о некоторых юридических нюансах дела. Как только они будут уточнены, я, скорее всего, никогда вас больше не увижу.

Он взглянул на мою голову:

- Понятно. Могу предположить, что вас вызвали как эксперта по связанным личностям.

- Вряд ли меня можно назвать экспертом, сэр.

- Полагаю, что окончанием этого предложения должно стать слово «пока». Но уже скоро, верно, советник? Кажется, я ощутил в вас ауру пилигрима. Вы уже назначили дату начала процедур?

Мне уже довелось узнать, что значит жить с любовниками, способными формировать эмоциональные связи вдвое лучше нормального человека, но Порриньяры никогда не использовали эту способность, кроме как для разоблачения моих самых экстравагантных эмоциональных претензий. Я имела дело и с другой парой, обладающей более глубокими и темными способностями, но и они не использовали их против меня.

Сейчас же мне предстояло оказаться умнее и хитрее преступника, который равнялся человеку в кубе.

Я решила на стратегическое отступление:

- Да, мы начнем очень скоро.

Его улыбка изобразила искреннюю теплоту:

⁸ * Судья-адвокат в США - консультант по правовым вопросам в военном суде, обвинитель.

- Я завидую вашему будущему путешествию. Обещаю, все будет совершенно не так, как вы ожидаете.

- В самом деле? И как же?

- Могу лишь повторить: совершенно не так. Вы наверняка думаете, что просто добавляете себя к тому, кого выбрали в партнеры. Но когда вы создаете эти новые нервные соединения, реально вы не складываете личности, а умножаете их. Вы создаете эквивалент нового молекулярного вещества со свойствами, которые совершенно отличаются от свойств вошедших в него отдельных базовых элементов.

- Например, чувство вины, - предположила я, попытавшись вернуть разговор на тему преступления.

Он почти отечески усмехнулся:

- Я всегда был готов охотно признать содеянное и понести наказание, какое власти сочтут подходящим.

- И, конечно же, понимаете, что у властей возникли некоторые проблемы с определением подходящего наказания.

- Конечно. И даже, признаюсь, предполагал подобное. В конце концов, ведь это Гарриман размахивал тем гаечным ключом, это руки Гарримана обагрены кровью. Но я соглашусь с любым обвинением, каким бы оно ни было.

Не мелькнул ли в его ответе намек на саркастическое высокомерие?

- Надеюсь, вы понимаете, что ваше будущее - не вопрос о том, с чем вы желаете согласиться. Важно лишь, какое решение по вашему делу будет принято.

- Тем не менее признание вины облегчит ситуацию для всех, верно?

Теперь я была уверена: он не испытывает ни раскаяния, ни сожаления. Передо мной отъявленный мерзавец. Диямены по какой-то причине настолько отстранились, что я уже забыла о тройственности подсудимого.

Эти мерзавцы затеяли с нами игру. Но чего они хотят добиться?

- В таком случае, расскажите обо всем.

Он вздохнул, взглянул на стену позади меня, прозрачность которой отключили, потом снова на меня. За все это время застывшие лица женщин даже не дрогнули.

- Что вы желаете узнать, советник? Почему я возненавидел этого ядовитого сукиного сына всеми фибрами своей души?

- Как вам будет угодно...

- Аман аль-Афиг был ярким человеком. Но еще он был ужасно больным человеком, не способным устанавливать контакт с другими людьми иными, путями, кроме как гадить им. Если отбросить сухую профессиональную терминологию, то его единственный интерес при социальном взаимодействии сводился к психологическому анатомированию посредством словесной жестокости. Он обожал

находить самые чувствительные обнаженные нервы и втыкать в них иглы, доводя до предела любую эмоциональную боль, какую был в состоянии причинить. Через неделю после прибытия на станцию Гарриман жестоко с ним разругался, через две они уже подрались, а через три Гарриман молча страдал, с трудом выдерживая долгие часы оскорблений, лишь бы не поддаться порыву задушить эту мерзкую тварь.

Меня неоднократно обвиняли в том, что я вела себя как аль-Афиг.

- Продолжайте.

- Когда Диямены пригрозили сообщить о его поведении или даже выйти из проекта в знак протеста, аль-Афиг в ответ пообещал уничтожить их репутацию ложными обвинениями. Он похвалялся, что проделывал такое неоднократно, когда участвовал в предыдущих проектах, и зашел настолько далеко, что даже назвал имена тех, чью карьеру погубил гнусной ложью.

- И вы знали о том, каков аль-Афиг, прежде чем согласились участвовать в проекте?

Гарриман покачал головой:

- До этого Гарриман никогда о нем не слышал. И Диямены тоже.

- Но ведь они были коллегами?

- Этот проект замыслили не они. Он включал определенное перекрытие взглядов аль-Афига на одну фундаментальную проблему, и взглядов Гарримана - на другую. Вся команда проекта состояла из наемных работников, прежде не знавших друг друга, а задачи им поставил некий гений, слишком занятый, чтобы участвовать в проекте лично.

Было настолько неприятно не знать о цели всего проекта, что мне пришлось почти физически заставить себя не задавать больше вопросы на эту тему.

- А для чего туда послали Дияменов?

- В их задачу входило повседневное обслуживание станции. А также, - он пожал плечами, - поддержание морального климата. принимая во внимание годы ожидаемой изоляции. Ведь всем предстояло долгое время провести взаперти: лет пять, по самым скромным оценкам. Начальство решило так: если послать четырех человек, а не двух - даже учитывая, что двое из них в действительности лишь два сосуда для единой личности, - то у команды будет больше шансов установить дружеские отношения и меньше поводов для стресса.

Я увидела эту уродливую картину. Если согласиться, что версия Гарримана хотя бы отчасти правдива (а все эти подробности не давали повода в них усомниться), то люди, стоявшие за этим проектом, совершили фатальную ошибку, сочтя секретность важнее социальной жизнеспособности. Если бы в проекте участвовали человек пятьдесят, такое было вполне по карману любой организации, способной купить

оборудование от «AIsorce Medical», то личность-паразит наподобие аль-Афига осталась бы мелким раздражителем и лишь сплотила бы коллектив на основе всеобщего негодования. Но в команде из четырех человек избегать аль-Афига невозможно, и он превратился в раковую опухоль.

После паузы я взглянула на двух молчаливых женщин, чьи глаза выражали эмоций не больше, чем пришитые к ткани пуговицы.

- А как уживались с этим аль-Афигом Диямены?

- Его оскорбления в их адрес оказались менее эффективны: они были больше эмоционально «заземлены» и не вспыхивали по любому поводу, - снова ответил за женщин Гарриман.

- Они его ненавидели?

- Да, но не показывали этого, чтобы не давать аль-Афигу повода для удовлетворения. Реальной проблемой для них стало нарастание уровня напряженности на станции. Им приходилось работать до изнеможения, лишь бы развести Гарримана и аль-Афига как можно дальше. Но и они сами находились на грани срыва, готовые оборвать свою карьеру, переслав на базу заявления об отказе участвовать в проекте.

Я не сводила взгляда с Дияменов, продолжавших демонстрировать зловещую отрешенность.

- Наверное, эти женщины испытывали к вам симпатию.

- К Гарриману, - поправил меня человек, бывший когда-то Гарриманом, и в его глазах мелькнула смешинка. - А теперь хотите послушать об убийстве?

Я подумала и решила, что не хочу. Само по себе это убийство было, по большому счету, вполне понятно. Мучитель мертв. Гарриман его убил и честно в этом признался. А какие именно мерзкие слова оказались последней соломинкой, сколько ударов было нанесено и насколько быстро аль-Афиг умер - все это вопросы для Бенгид и ее прокуроров.

Моя единственная обязанность заключается в том, чтобы отыскать законный способ разделить неделимое.

Я встала:

- День был долгим. И вообще, я только сегодня прилетела. Пожалуй, я проверю некоторые ваши утверждения, а завтра утром мы продолжим.

- Тогда до завтра, - сказал Гарриман.

Я повернулась и оставила троицу у себя за спиной. Но когда ионное поле двери уже раскрылось передо мной, он решил поведать мне еще кое-что:

- Советник!

Я обернулась.

- Могу лишь надеяться, что вы отобрали наилучшего партнера для объединения, - сказал он.

За свою карьеру я имела дело со многими социопатами. Моя безжалостность в прошлом давала повод меня саму обвинять в социопатии. И я очень давно научилась распознавать ее у других. Но в Гарримане я ее не увидела. Сочувствие, которое он выражал, показалось мне настоящим. Я верила: совершенное убийство не лишило его - точнее, их - способности ощущать беспокойство почти незнакомого человека... даже если, как в данном случае, этот незнакомец ищет повод, чтобы посадить их в тюрьму.

Но это не помешало мне считать их готовность использовать гештальт в качестве собственной защиты чудовищной, как это правильно называли Порриньяры.

Прощальные пожелания Гарримана не тронули меня. Я лишь кивнула и молча вышла.

Три часа спустя я сидела в одиночестве в конференц-зале, листая гипертекстовые досье на главных обвиняемых. Я сказала Порриньярам, которые были сексуально возбуждены и хотели отправиться спать, что мне надо ознакомиться с этими досье самостоятельно. Даже не знаю, почему я не попросила их о помощи, ведь они умеют просеивать необработанную информацию намного быстрее меня и получили бы нужные факты мгновенно. Но они уже знали, что иногда мне хочется побыть в одиночестве, и, пожелав спокойной ночи, удалились.

Сейчас им не требовалась моя помощь, чтобы сбросить возбуждение. У каждого из них есть другой. Пусть даже это мастурбация в психологическом смысле, зато в физическом - лучше не придумаете. У меня нет причин сомневаться в их заверениях о том, что было еще лучше, когда присоединялась я, но причина тут не в каких-то моих особых талантах, а в том, что заниматься любовью приятнее, когда участвует другая отдельная личность, а у них такого не было, пока не появилась я.

Разумеется, я не буду «отдельной», когда у нас станет один разум на всех.

Для триады, какой мы окажемся - одиночкой в нескольких головах, - проблема свиданий наверняка подбросит кое-какие интересные варианты...

Я стиснула зубы, отогнала эту мысль и нырнула в файлы.

Информации о научной специализации Гарримана и аль-Афига там не оказалось, зато я нашла достаточно сведений о том, какими они были личностями.

На стереофото, приложенном к досье аль-Афига, я увидела худощавого человека нордического типа с широко расставленными глазами, высоким лбом и золотистыми волосами. Улыбка его просто завораживала, обещая мягкое чувство юмора и самоиронию.

Но его досье, или как минимум та его часть, к которой я получила

свободный доступ, поведало совсем иную историю. За последнюю четверть века этот человек был женат шесть раз, и каждый брак длился менее двух лет. Из пяти его бывших жен одна покончила с собой через два месяца, две другие нашли себе работу в далеких звездных системах, а четвертая перенесла нервный срыв и отправилась к нанопсихологу, где полностью стерла воспоминания о полутора годах кошмара.

Последний брак имел любопытное, но бурное продолжение: аль-Афиг отыскал бывшую жену и убедил выйти за него во второй раз, замыслив после неизбежного развода стереть ей память и начать все заново в третий раз. Затея едва не удалась, но на помощь несчастной женщине пришел друг, который и увез ее подальше от тирана.

Не менее десятка коллег, работавших с аль-Афигом в предыдущих проектах, официально заявили в письменном виде, что никогда больше не будут сотрудничать с ним. Четверо других были уволены с должностей или за нападение на аль-Афига, или в результате обвинений, которые он выдвинул в ответ на их справедливое негодование.

Такой очаровательный парень.

Чтобы оставаться востребованным при подобных характеристиках, он должен быть не только выдающимся, но и незаменимым.

Коснись это меня, я сломала бы эту мелкую сволочь задолго до того, как он подобрался бы поближе. В конце концов, как утверждали многие, включая Порриньяров, при случае я могу быть настоящей сукой. Мне льстила мысль, что восторг, который этот ходячий кусок блевотины получал от своей жестокости, не мог сравниться с моим желанием обратить такое же умение на того, кто его заслуживает. Но, повторяю, это было всего лишь самообольщение. Я была хрупкой и часто ломалась. Аль-Афиг, насколько я могу судить, - никогда.

Наиболее серьезным негативным отзывом об Эрнесте Гарримане было заявление о его эмоциональной нестабильности от администратора одного из нескольких университетов, где тот преподавал. Если не считать этого, в досье содержались только хвалебные отзывы и как об ученом, и как о члене команды. Имелся лишь один тревожный знак: краткий отпуск, который он взял по указанию одного из руководителей. Основанием значилось «переутомление», но никто из его коллег по этому проекту не брал внеплановый отпуск, кроме одного, которому потребовалось вернуться домой для ухода за внезапно заболевшей дочерью, и другого: ему понадобились медицинские процедуры для избавления от той разновидности рака, которую нельзя было вылечить на месте. В таком контексте термин «переутомление» почти наверняка был милосердием со стороны босса, решившего не портить Гарриману карьеру.

Что же там было? Эмоциональный срыв? Ментальный коллапс?

Отчеты о Гарримане намекали на определенную степень нестабильности, но без прямого обвинения в этом. Что являлось признаком симпатии людей к Гарриману - они желали ему добра, несмотря на некоторые недостатки.

Не в пользу неизвестных спонсоров этого проекта говорило и то, что они послали человека с эмоциональной неустойчивостью работать в тесном контакте с другим, имевшим репутацию безжалостного мучителя коллег.

Информация о Дияменах не содержала аналогичных предпосылок к надвигающимся роковым событиям, но это вовсе не означало, что там не крылось никаких сюрпризов. Оказалось, что Ми и Зи вовсе не сестры и не клоны, за которых я их принимала, а два человека, родившихся за много световых лет друг от друга, в двух разных колониях на дальних концах Конфедерации. Их прежние имена мне ни о чем не говорили, и никакие события прежней жизни не подсказывали, каким образом их выбрали для этого проекта. Большой неожиданностью стало и то, что Ми когда-то был мужчиной, а Зи - женщиной, а с фотографий, сделанных до слияния, смотрели два совершенно непохожих человека. Вскоре после начала строительства поселения для «Деджакорп» - компании, название которой мне несколько раз уже встречалось, - они полюбили друг друга и по какой-то причине (могу лишь предположить, что в то время она имела для них особый смысл) решили, что слияние предлагает им лучшее общее будущее, нежели жизнь в роли любовников.

Неважно, как на них накатило такое озарение, но они, похоже, отнеслись к нему серьезно, потому что это оказалось не единственной манипуляцией, которую они проделали над собой. Они решили изменить и свою внешность, чтобы стать одинаковыми не только внутри, но и снаружи. Очевидно, сейчас они были не женщинами, за которых я их приняла, а существами нейтральными, лишенными всяких половых признаков и внутренне, и внешне.

Может быть, на самом деле проект никак не был связан с научными специальностями Гарримана и аль-Афига.

Вероятно, они, ни о чем не подозревая, как раз и были объектами исследования, а Диямены находились там только для наблюдения за неизбежным взрывом страстей с точки зрения личностей, абсолютно владеющих собой.

А возможно, я выпила слишком много бруджа.

Прошло еще два часа. По корабельному хронометру уже перевалило за полночь. «Негев» не был военным кораблем, работающим на чистом адреналине. Если не считать минимального экипажа, предназначенного следить за тем, чтобы автоматические системы не выкинули какую-нибудь глупость, пока мы спим, все остальные на борту сейчас находились в своих каютах.

Я вздохнула, закрыла файлы и посидела перед тускнеющим голографическим экраном, размышляя, то ли мне и дальше сливать внимание в черную дыру, то ли присоединиться к Порриньярам в том, что они называют сном.

Я все еще сидела, потирая глаза, когда дверь скользнула в сторону.

В зал заглянула Лайра Бенгид:

- Андреа, я тебе не помешала?

- Ты как раз вовремя. Заходи.

Кажется, ей удалось немного поспать: веки стали не такими припухшими, а кожа не столь натянутой. Волосы собраны в узел, но теперь уже на затылке, а не на макушке. Несколько прядей она оставила свободными. Костюм сменило элегантное платье. Взяв с тарелки пластинку теперь уже зачерствевшего печенья, она спросила:

- Как дела?

- Примерно так, как я и ожидала. Похоже, этот аль-Афиг был настоящей сволочью. Я могла бы сама его убить.

- Наверное... - Она заметила, как я внезапно нахмурилась, и добавила:

- Да брось, ты же меня хорошо знаешь. Это не фраза для твоего досье.

Я с трудом сдержала рефлекторный холодок:

- Только моя патология, да?

Она не поддавалась на провокацию:

- Любые преступления, которые ты совершила в детстве, сейчас в очень далеком прошлом, и я ни разу за всю жизнь не вредила тебе из-за того, что ты тогда совершила. Или с тех пор. И сейчас я подумала, что ты вдруг захотела просто поговорить со мной как человек с человеком.

Она уселась на стул, откинулась на спинку и положила ноги на стол, скрестив лодыжки. Она пришла босиком. Я увидела, что мизинец на левой ноге короче линии остальных пальцев - такое могло произойти в результате перелома. Переведя взгляд на ее лицо, я заметила, как она откусила огромный кусок выпечки, при этом резко и вызывающе двинув челюстью.

Бенгид всегда была смешлива, и в наши прежние дни она напрасно потратила массу усилий, стараясь выдернуть меня из вечно плохого настроения. Самое большее, чего она добивалась, - пробить щелочку в постоянно окутывающей меня облачной завесе, которая всегда опять смыкалась, предвещая новые грозы, но это не удерживало ее от очередных попыток.

Долгое время меня это чертовски раздражало. Я обижалась. Может быть, даже ненавидела.

Теперь у меня болели щеки. Эти мышцы не привыкли улыбаться.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с набитым ртом - прожевать и проглотить, но потом она воспользовалась оставшимся в левой руке куском вместо указки:

- Знаешь, за все эти годы я очень редко видела, как ты улыбаешься. Обычно ты вела себя так, словно опасалась, что у тебя отвалится челюсть.

- Кстати, куда подевались твои туфли?

- Будь на то моя воля, сунула бы их в корабельный утилизатор. Как я их ненавижу! Они так сжимают пятки! Вот я и предпочитаю холодную палубу под пальцами, когда не играю роль главной-сволочи-прокурора. Попробуй как-нибудь. - Она откусила еще кусок, но уже более разумной величины, сосредоточенно жевала его несколько секунд, потом сказала: - Итак, у тебя появились какие-нибудь идеи насчет того, как мне засадить этого гада за решетку?

Неожиданное возвращение к делу сработало, как взрыватель замедленного действия.

- Возможно. Я кое-что заметила и думаю, надо покопаться в этом еще немного... Но ты ведь не об этом пришла поговорить, верно?

- Верно, - согласилась она.

- Тогда валяй.

Она сняла ноги со стола, опустила пятки на пол и придвинула стул ближе ко мне.

- Почему ты хочешь проделать такое с собой?

Я почти забыла о ее прокурорском таланте и умении задавать острые вопросы.

- Я люблю их.

- А я-то думали, ты вообще не способна на эмоции.

Это была простая констатация факта, без добавления яда. Поэтому я сохранила спокойствие:

- Меня это тоже удивило.

- Я также хочу признаться, что, когда у меня нашлось время немного об этом подумать, я была искренне рада за тебя. Мне всегда хотелось, чтобы кто-нибудь сумел проникнуть за твои колючки. В твоём выборе есть определенная логика, поскольку, как мне кажется, нужны два человека, чтобы тебя просто терпеть.

Это было наблюдение, сделанное теми, кто меня знал. И шутка, которую мы втроем давно придумали. Что-то слабовато для Бенгид, если она рассчитывала спровоцировать меня повторением очевидного.

- К тому же, - продолжила она, - секс с этими двумя, наверное, бьет все рекорды. - Думаю, на моем лице что-то мелькнуло, потому что она поморщилась, отгоняя нежелательный образ. - Не отвечай. Сама я после развода застряла посреди пустыни.

- Очень жаль.

- Не стоит. И вообще, разговор не обо мне.

Я кивнула:

- Хорошо.

Она несколько секунд разглядывала символы Конфедерации и

Дипкорпуса на стене, словно предполагая найти там ответы.

- Ты была самым злым человеком, какого я встречала в жизни. Ты не желала быть чем-либо, кроме суммы всех плохих качеств, которые тебе приписывали. Наверное, ты и сейчас не ангел... но они тебя успокоили. Здесь я отдаю им должное.

- Скажи им об этом.

- Сказала бы, если бы это было равносильно моему одобрению. Но отдать все, что ты есть, некоей композитной личности, которая пока даже не существует... Откуда, черт побери, у тебя такое желание?

- Я же сказала: любовь.

- Любовь-морковь... Чушь собачья! - рявкнула она, причем намного злее, чем я от нее ожидала. - Мои родители разошлись, когда мне исполнилось шесть лет. Я пережила два ужасных брака. Я понимаю, что впустить партнера в свою жизнь означает пожертвовать частью личной автономии. Но еще я знаю, что любой, кто просит отказаться от всего, кем ты был, совершенно точно не действует в рамках «здоровых отношений».

Я с жалостью покачала головой:

- На самом деле ни от чего отказываться не надо, Лайра.

- Да ну? - Она скрестила руки на груди. - Тогда попробуй меня переубедить.

- Это эволюционный переход на следующую стадию. Сохранение всего, чем я была, и добавление к этому всего, чем были они. Способность видеть все, что видят они, ощущать то, что ощущают они, делить с ними сокровенные тайны и приглашать их поступить так же со мной. Это память обо всем, что было в их жизнях, и позволение для них вспомнить то, что помню я. Это превращение в новую личность, которая есть не только сумма всех нас, но и превосходит эту сумму.

- Ух ты! - Руки Лайры остались скрещенными, но теперь она приподняла бровь в знак молчаливого недоверия. Она всегда так делала, когда слышала чепуху. - Очень жаль, что после завершения уже не останется личности, которая называет себя Андреа Корт.

- Однако эта личность сохранит в себе все, чем была Андреа Корт... Такое трудно понять, но это как две речушки, которые сливаются, чтобы стать полноводной рекой. Вся вода до точки слияния так и остается частью целого, и при желании можно изучить каждый листочек, что плавает на поверхности, и понять, какая из рек его принесла. Сама вода запоминает, какой она была до слияния.

- Просто она уже не будет Андреа Корт.

Мне с трудом верилось, что до Лайры настолько трудно доходят очевидные вещи.

- Не будет, но и Порриньяров тоже потом не будет. Получится...

- Нечто большее и лучшее. Да-да, я не идиотка. Я уже наслушалась твоей бредятины. Более чем достаточно. И думаю, предостаточно от

той сволочи, что была Гарриманом. Но ты кое о чем забываешь. Я знаю личность, которая считает себя Андреа Корт. Я жила вместе с личностью, которая считает себя Андреа Корт. Я старалась изо всех сил, чтобы личность, которая считает себя Андреа Корт, раскрылась передо мной. Но в конце концов мне пришлось смириться с тем, что, нравится мне это или нет, быть настороженной, злой, подозрительной и трудной - это все, что делает Андреа Корт той, какая она есть.

Я недоверчиво покачала головой:

- Ты же сказала, что рада за меня, но не хочешь, чтобы я изменилась...

- Хватит нести эту сопливую чушь!

Ее слова ошеломили меня. Она понизила голос и заговорила с еще большей страстностью:

- Конечно, я хочу, чтобы ты изменилась. Два года я из кожи вон лезла, стараясь помочь тебе отыскать собственный путь к переменам. Но я хочу, чтобы ты изменилась, не отказываясь от того, кто ты есть. И то, что ты есть, всегда означало вызов тому, кто ты есть. Поэтому, как только ты - из всех, кого я знаю, - начала говорить об отказе от своей идентичности, словно это костюм, который больше не сидит по фигуре, я принялась искать нечто иное. То, что могло оказаться чуть ближе к тому, что искали наши обвиняемые. А ты, возможно, не в состоянии признать сама.

Мое спокойствие исчезло. С колотящимся сердцем я придала голосу холодок и осведомилась:

- Так почему бы тебе не сказать, что это такое?

И Бенгид ответила, с преувеличенной четкостью выговаривая каждый слог так, словно он был бомбой, готовой взорваться, если с ней обращаться неосторожно:

- У-бе-жи-ще.

Возмутительно! Я резко встала, готовая прихлопнуть ее опровержением, которое превратит это дурацкое обвинение в чепуху. Она не дала мне произнести и звука:

- Да, это и есть правда, не так ли? Все ужасные преступления, в которых тебя обвиняли, все тяжелые воспоминания, от которых ты всю жизнь убегаешь... их всегда оказывалось больше, чем ты могла вынести. Разве не так, Андреа? А теперь ты можешь стать частью этой магической новой личности... Как ты прежде это формулировала? Ах, да: «бремя, слишком тяжелое для одного».

Я пронзила ее взглядом, близким к ненависти:

- Да как ты посмела? Что дает тебе право?..

Она встала настолько резко, что ее кресло откатилось назад и ударилось в стену:

- Я оплатила входной билет, Андреа!

Я отпрянула, лишившись дара речи. И она обрушила на меня всю

силу своего гнева:

- Два года я жила с твоим мрачным настроением, твоим стыдом, ненавистью к себе, отвержением любого, кто пытался приблизиться к тебе. И когда ты впорхнула на этот корабль, улыбаясь подобно юной дуручке в первом приступе щенячьей любви, сообщив, что хочешь изменить самое себя, - знаешь, что мне это больше всего напомнило? Как мне однажды сказал друг-терапевт: если некто, всю жизнь проявлявший склонность к самоубийству, неожиданно становится улыбчивым, спокойным и счастливым, то объяснить это можно не только тем, что этот некто вдруг справился со всеми своими проблемами. Ответом может стать и то, что он наконец-то решился покончить с ними раз и навсегда.

Гнев еще не покинул меня, сердце колотилось как сумасшедшее, а пот на лбу все еще жег кожу. Но ее слова меня поразили.

- По-твоему, это самоубийство?

- Нет. Я думаю, что часть тебя хочет, чтобы это стало самоубийством.

- Это не так. Клянусь, я в этом уверена! Я люблю их.

- Это я вижу.

- И они любят меня!

- Знаешь, Андреа... если честно, это я тоже ощутила. - Бенгид подошла к двери конференц-зала. Когда дверь скользнула в сторону, впустив более яркий свет из коридора, она повернулась ко мне и простояла так несколько секунд, решая, сказать ли что-то еще. И произнесла, прежде чем выйти: - Но, понимаешь... если их версия любви действительно требует, чтобы тебе как личности пришел конец... может быть, следует задуматься о том, что они могут оказаться не единственными, кому ты небезразлична. Для всех, кроме них, подвести черту под своей личностью - серьезная глупость.

Я нашла Порриньяров в гостевой каюте, которую нам выделили на «Негеве». Каюта была VIP-класса, но все равно не уютнее, чем сумка кенгуру. Большую часть ее площади занимала кровать - достаточно вместительная для двоих, но при условии, что эти двое так хорошо настроены на ночные движения каждого, что способны не притеснять друг друга во сне. Многие страстные гражданские пары, путешествуя на кораблях такого класса, несколько дней страдали от мучительных попыток жить в такой двухместной каюте, а потом или решали спать по очереди, или умоляли дать им отдельные каюты.

В нашем частном транспортном корабле, все еще стоящем в ангаре «Негева», имелась общая каюта, переделанная так, чтобы в ней с комфортом разместились трое. Она подошла бы нам намного больше, чем стандартная каюта, предназначенная для взрослых людей, которые, как правило, не спят вместе группами больше двух. Но кое-какие вещи, вроде отказа от гостеприимства на корабле, куда вас

вызвали в роли экспертов, просто не делаются. И кроме того, в этом не было необходимости, поскольку прирожденная грациозность Порриньяров распространялась и на их поразительную ненавязчивость во время сна. Даже зажатая между ними на кроватях, по сравнению с которыми здешнюю можно назвать просторной, я никогда не ощущала, что они лежат по бокам от меня - если они не хотели, чтобы я это почувствовала.

Когда я вошла, они лежали обнаженными на покрывале, а более крупное тело Осцина изогнулось так, чтобы повторять изгиб тела Скай. Его спина выступала за край матраца до такой степени, что лишь имеющие опору части тела не давали ему упасть, а кончик ее носа отделял от стены зазор всего в пару миллиметров, но все же они оставили место для меня - виртуальный контур между их телами. Даже не прислушиваясь, я знала, что они дышат в унисон. Множество ночей, просыпаясь от тяжелых, кошмарных снов, я находила утешение в их дыхании, звучащем синхронно по бокам от меня.

Вместе они были лучшим человеком, какого я когда-либо встречала. Они дважды спасли мне жизнь в течение трех дней после нашей первой встречи, и еще множество раз позднее. Столь же часто они спасали мой рассудок и дали мне больше, чем я могла себе представить, а среди множества их даров немаловажным стала и причина, ради которой стоит просыпаться по утрам. Их готовность - чёрт, совсем неправильное слово, - их желание не только принять багаж, который я привнесла в наши отношения, но и полагать его частью собственного, стать до конца их жизнью теми, кто способен помнить, что значило быть Андреа Корт, буквально поразила меня - это больше, чем я когда-либо просила, и уж точно больше, чем я когда-либо заслуживала.

Тут сомнений нет: с ними я наконец-то стану счастливой женщиной.

Но правда и то, что я знаю их лишь как общее существо, которым они являются. Я никогда не встречала молодого мужчину, ставшего Осцином, или молодую женщину, ставшую Скай. И вообще я очень мало о них знаю. Мне известно, что родом они с планеты, где люди селятся на верхних ветвях деревьев высотой в милю. Они были влюблены, но оказались не очень удачной парой - часто и резко ссорились, тратя на это почти столько же времени, сколько и на любовь. Из них двоих женщина была смелее и более склонна к приключениям, чем мужчина, который ценил осторожность до такой степени, что это приводило ее в ярость и не раз становилось причиной скандалов.

Я знала, что на родной планете у них возникла какая-то серьезная проблема с законом - нечто такое, что повлияло на их решение подписать контракт с Дипкорпусом. И их решение о связывании в равной степени основано как на неспособности ужиться поодиночке,

так и на надежде, что их, единую личность в двух телах, всегда будут посылать на задания вместе. И наконец, что они, едва став единым разумом, оказались таким же одиноким пленником в двух черепах, как и любой индивидуум в одном; а их занятия сексом можно приравнять к спортивному самоудовлетворению, поэтому им всегда нужно искать для компании кого-то еще, вроде меня.

Я каким-то образом всегда интерпретировала их историю как триумф преданности друг другу. Возможно, это так. Но в то же время и полное фиаско той самой преданности. Если взглянуть с другой точки зрения, то парень, ставший Осцином, потерял девушку, ставшую Скай, - ее больше не существует, кроме как составной части его самого. А она, в свою очередь, потеряла его.

В каком-то смысле, я тоже. У меня никогда не было шанса встретить тех Осцина и Скай. Полюбила бы я того парня или ту девушку? Понравились бы они мне вообще? Огорчили бы меня их планы слияния в новую личность, превосходящую их обоих? Стала бы я скорбеть?

В будущем, которое мы теперь планируем, в котором нет места отдельной композитной личности по имени Осцин-и-Скай-Порриньяр и отдельной индивидуальной личности по имени Андреа Корт, а появится новая композитная личность, пока еще нам неизвестная, - станет ли эта новая личность тосковать о временах, когда она была тремя людьми, которых когда-то любили другие? Долго ли придется ждать, прежде чем эта связанная триада начнет искать кого-то нового, еще одну душу, чтобы заполнить пустоту, которая станет лишь расти по мере того, насколько больше душ ее будет составлять?

Была ли Бенгид права?

- Андреа? - Они подняли головы, чтобы взглянуть на меня. На каждом лице было одинаковое выражение тревоги, смешанной с сонливостью.

- У тебя все в порядке?

Я коснулась пальцем глаза:

- Просто смотрела, как вы спите.

- Сейчас наверняка еще рано вставать.

- Рано. У нас есть несколько часов.

- Тогда раздевайся и залезай наконец в постельку. У тебя завтра напряженный день.

Я отреагировала не сразу. Слишком уж у меня все смешалось внутри, порождая неуверенность в чувствах. Но промедление вызвало бы вопросы, на которые я сейчас не была готова отвечать. Поэтому я стянула строгий черный костюм, сложила его, положила на полку возле двери и заползла на четвереньках в пространство между ними. Когда я удобно улеглась, став центральной скобкой в наборе из трех, лежавший сзади Осцин чуть прижался ко мне, а Скай слегка подалась назад, и их тела сформировали объятие, осязаемое с обеих сторон.

Осцин поцеловал меня в ухо, и они синхронно прошептали:

- Все будет хорошо.

Я уже упоминала, что, когда они говорят вместе, то разделяют тона и фонемы, создавая стереозвук, из-за которого кажется, будто их голос звучит из неопределенной пустоты между ними.

А когда они настолько близко ко мне, как сейчас, та неопределенная пустота, которую заполняет их голос, оказывается внутри меня.

Прошлыми ночами мне это нравилось.

На следующее утро нас разбудил не только будильник, но и вызов на совещание по поводу каких-то таинственных новых обстоятельств, прозвучавший зловеще.

Торопливо одевшись, мы все же явились в зал суда последними. Мы с Бенгид сыграли главные роли в небольшой мелодраме, отказавшись встретиться взглядами. Легкая оттепель в наших многолетних отношениях сменилась открытой раной, чего никто из нас не хотел признавать перед лицом полудюжины юристов-функционеров, составлявших ее команду, и уж точно перед Осцином и Скай.

Порриньяры ощутили неладное. Будучи моими помощниками, они знали, что я не обязана немедленно делиться с ними профессиональной информацией, но скрыть от них личную тайну было невозможно.

- Похоже, мы приблизились к финалу, - сообщила Бенгид. - Со мной говорил кое-кто из очень больших верхов. Не могу сказать, насколько больших, но они считают себя достаточно важными персонами, чтобы закрыть следствие по уголовному преступлению ради продолжения чьего-то карманного проекта.

На мой взгляд, румяный ассистент, задавший следующий вопрос, выглядел настолько юным, что его можно было спутать с зиготой:

- И они закроют?

- Вполне возможно, - подтвердила Бенгид.

- Но это же нелепость!

- Спорить не стану, но за ними стоят некие крупные фигуры. Эти люди хотят, чтобы Гарримана и Дияменов освободили под их надзор - ради продолжения работы, прерванной убийством аль-Афига. Полагаю, если такое произойдет, то это будет приравнено к фактической амнистии. Конечно, заявление возмутительное, но они подкрепили его таким потоком трепотни о национальных интересах, что меня затошнило. На нашей стороне лишь несколько старомодных господ, считающих, что убийство - это преступление, и понимающих, что в данном случае логично потратить еще несколько дней для формулирования должного обвинительного заключения, которое не сведет факты до уровня юридической пародии. Не могу утверждать, что высокие персоны приказали мне замять убийство аль-Афига, но они вполне определенно заявили, что если я не сформулирую

обвинение таким образом, чтобы оно учитывало особую природу наших обвиняемых, то все мои действия будут подвергнуты нелицеприятному разбору, а убийца - убийцы, если хотите, - будет, скорее всего, освобожден под их гарантию.

- Получается, что они действительно могут выкрутиться, - изумилась зигота.

Взгляду Бенгид позавидовала бы мифическая горгона.

- Да, Маркус, нам грозит такой исход. И не исключено, что наш преступник рассчитывал на подобный вариант.

- Что будем делать?

- Если мы не сможем создать непоколебимый прецедент, учитывающий все проблемы идентичности и при этом не оставляющий сомнений, что мы обвиняем этих троих - или одного, считайте, как хотите, - в справедливой пропорции, однозначно указывающей, что каждая из компонентных личностей получила именно ту долю обвинения, какую заслуживает, то все, что мы сделаем, развеется облачком дыма в результате действий тех, кто заинтересован в сокрытии преступления.

Еще одна из команды Бенгид, на этот раз молодая рыжая женщина, подняла дрожащую руку:

- Сколько времени у нас есть?

- До конца дня, чтобы заявить о наших намерениях, и до конца завтрашнего дня, чтобы представить обвинения.

Слова Бенгид породили взрыв смятения и гнева. Кто-то сказал, что Новый Лондон переписывает конституцию. Ему ответили, что он наивен, если верит в конституцию. Десяток других голосов лишь выразили протест, что «они» не могут так поступить, - слабое возражение в подобной ситуации, поскольку «они» явно могли это сделать.

Бенгид велела всем замолчать, подняв руку:

- Я знаю, что от этого дурно пахнет. Но если никто не придумает ответ в ближайшие восемь часов, нам придется сдать сырое дело и лишь смотреть издали, как оно развалится при первом же сильном ветре из Нового Лондона. Мне нужно озарение. Идите и думайте.

Ее сотрудники разошлись, негромко переговариваясь. Однажды я работала с прокурором такого же высокого ранга, как Бенгид, и точно знала их мысли: они мрачно проклинали день, когда ввязались в эту историю. Чем бы они потом ни занимались, унижительное поражение в деле, которое со временем будет рассматриваться как простое расследование, останется несмываемым пятном на профессиональной биографии. И если не погубит карьеру, то как минимум замедлит восхождение по служебной лестнице.

Бенгид как главный обвинитель теряла много больше. Она словно постарела лет на десять.

- Они могли такое спланировать? - спросила она, не глядя мне в глаза.

- Не исключено, - ответили Порриньяры. - Улучшенные способности к расчетам означают улучшенный обсчет переменных величин. Попробуйте как-нибудь обыграть меня в шахматы.

Бенгид криво усмехнулась:

- Я так и не научилась этой игре.

Мне надоело ждать, пока она посмотрит на меня:

- Настало время сказать правду, Лайра.

- О какой правде ты говоришь?

- Это произошло не сегодня и не грянуло громом с ясного неба, и ты запросила меня не для того, чтобы прояснить какое-то мелкое юридическое противоречие. Правда в том, что на тебя с самого начала давили, требуя отказаться от этого дела. А меня ты вызвала потому, что другие варианты не сработали и иного выбора у тебя не осталось. И теперь суть не в том, чтобы найти наилучшее юридическое решение, а в том, чтобы не проиграть. Я права?

Бенгид нервно дернулась:

- Знаешь, оба варианта нельзя считать совершенно несовместимыми.

- Потом она взглянула на меня снизу вверх, полуприкрыв ресницы в усталом согласии. - Но ты права. У тебя здесь нет официального статуса, Андреа. Если у тебя нет идей, то совершенно незачем глотать эту ядовитую пилюлю. Ты можешь улететь прямо сейчас, если хочешь.

- Иди к черту, - огрызнулась я. - Чтобы просто наказать тебя за такую подставу, я собираюсь еще раз допросить обвиняемого и решить твою мелкую дурацкую проблему за рекордное время у тебя на глазах.

Лайра уставилась на меня. Моргнула. Перевела взгляд на Порриньяров, на меня... и отчаяние на ее лице просто растаяло, как черное грозное облако, пронзенное солнечным лучом. Уголки ее губ дрогнули:

- Это будет... очень жестокий поступок, Андреа.

- А чего еще вы ожидали, прокурор Бенгид? - спросила Скай Порриньяр. - Она всегда была мстительной сукой.

И я вновь заняла свое место в комнате для допросов. Снова молча смотрела, как приводят Гарримана и Дияменов, как они садятся на привычные уже места по другую сторону стола: Гарриман доминирует в центре, а две женщины съезжившимися призраками - по бокам. Усевшись, Гарриман опять любезно улыбнулся:

- Здравствуйте, советник. Если такие встречи войдут у нас в привычку, то я очень хотел бы, чтобы вы привели и ваших будущих связанных родственников. Мне было бы приятно с ними познакомиться.

- Не волнуйтесь, - посоветовала я. - Они наблюдают за процессом.

Он взглянул на непрозрачную стену у меня за спиной:

- В самом деле? Тогда им лучше сидеть здесь, с нами. Такие дешевые

театральные эффекты вам ничего не дадут.

Я усмехнулась:

- А мне лично, мистер Гарриман?

Он покачал головой. То было печальное и серьезное терпение взрослого, безуспешно толкующего несмышленому ребенку один и тот же урок.

- Я действительно не знаю, как мне выразиться яснее. Я уже неоднократно признавался в этом преступлении. Если хотите, я сейчас признаюсь в нем еще раз. Я ненавидел аль-Афига. Я желал его смерти. Я планировал убить его. Я ждал, пока он скажет нечто настолько мерзкое, что нельзя простить, и я не смогу ощутить раскаяние за то, что буду лупить по черепу аль-Афига до тех пор, пока все выше его шеи не превратится в густую хрустящую кашу. Я горжусь, что сделал это, и повторил бы это еще раз. Я готов понести любое наказание, которому вы решите меня подвергнуть.

- И это как раз то, что я нахожу в этой ситуации наиболее интересным, - заметила я. - Все сводится к обвинениям, которые мы можем предъявить вам троим, сохраняя при этом чистую совесть.

Диямены чуть приблизились к Гарриману, словно желая прильнуть хрупкими тельцами к его туше. Лица у них были застывшими, как при кататонии, и создавалось ощущение, будто они стали его отростками или дополнительными конечностями. Я задумалась, какими они были до связи с Гарриманом и какой была каждая из них, пока они не связались друг с другом и стали в новой жизни бесполоыми существами. Я едва не задумалась о том, какие они сейчас, пока здравый смысл не победил, и я напомнила себе: ты это уже знаешь. Ты все это время с ними разговариваешь.

Я откинулась на спинку кресла:

- Я хочу пройти по делу еще раз.

Он вздохнул:

- О чем вы хотите узнать?

- О начале. Кто и когда впервые заговорил об убийстве аль-Афига?

Удивили ли их мои слова? Мне показалось или Гарриман чуть выпрямился и посмотрел на меня новым взглядом? И Диямены тоже?

- Хорошо. Это я признаю. Это очень рано стало... темой для разговоров. И под «рано» я подразумеваю первый месяц.

- Пожалуйста, подробнее.

Когда рабочая смена заканчивалась, а вместе с ней и ежедневная пытка, Гарриман и Диямены обычно уединялись в укромном месте и говорили о том, как они ненавидят эту сволочь. Иногда он просто выпускал пар, мрачно фантазируя, как было бы приятно задушить мерзавца, отравить или бросить в шлюз и накачать туда столько воздуха, чтобы медленно сжать его до размеров мясного брикета.

- Поначалу это были только мрачные шутки, - поведал Гарриман. - Я

уверен, и вам доводилось вести подобные разговоры, когда вы были вынуждены работать с кем-то, кто вас настолько сильно раздражал.

- Никогда, - ответила я вполне вежливо. - Но вдохновляла на такое неоднократно.

- В самом деле?

- Некоторые совершенно чуждые цивилизации. Вы о них и понятия не имеете.

Это озадачило троицу. Они не знали, верить мне или нет. Я могла бы привести конкретные примеры, но тут подсудимый пожал плечами и продолжил:

- Иногда, в плохие дни, разъяренный Гарриман носился по станции, вопя, что убьет эту сволочь, и Дияменам оставалось лишь его успокаивать. Нередко после этого он рыдал и находился почти на грани самоубийства. Понимаете, он никогда не был сильной личностью - прирожденная жертва тех, кто сильнее его, он почти не имел естественной защиты против хищников наподобие аль-Афига, и смесь беспомощности с яростью грозила его уничтожить. И некоторое время спустя... когда он говорил Дияменам, что собирается убить аль-Афига, это уже не было шуткой.

- А как реагировали Диямены на его слова?

- Они больше тревожились о Гарримане, чем об аль-Афиге. Само собой, с ними негодяй обращался не лучше, но им было легче отгораживаться от него психологическим барьером. И сочувствие к Гарриману не умаляло их гуманитарную миссию - попытаться решить сложную проблему. Поэтому Зи неоднократно оставалась с бушующим Гарриманом, а Ми отправлялась выговаривать аль-Афигу за его поведение. Они много раз увещевали аль-Афига не оскорблять Гарримана, пока не произошло трагедии. И всякий раз этот сукин сын лишь смеялся им в лицо - как будто они просили его перестать дышать.

Я придвинулась ближе.

- Расскажите еще раз о том дне, когда Гарриман расправился со своей жертвой.

- Я уже рассказывал всего несколько минут назад.

- Опишите пусковое событие.

- Это случилось в один из тех ужасных дней, когда Гарриман и аль-Афиг не могли трудиться в разных лабораториях, а были вынуждены находиться рядом. Их работа наткнулась на небольшое препятствие, и аль-Афиг весь день поливал Гарримана грязью, обвиняя его в некомпетентности и во всяких грехах. Наконец он перешел к оскорблениям настолько мерзким, что они скорее марали его, произносящего их, чем Гарримана, который их выслушивал. Я не в силах заставить мои губы повторить это.

- Точные слова мне не нужны. Они в любом случае сводятся к какой-

нибудь версии «я тебя ненавижу».

- Очень близко к истине.

- Но, в любом случае, вы могли его просто высмеять. Могли напомнить себе, что к гадким высказываниям его побуждает нездоровая психика и никакие его слова нельзя принимать всерьез.

- Мог, - согласился подследственный. - Но не хотел. Я уже давно решил, что покончу с этим, убив негодяя, и находил в этом факте мрачное утешение. Я знал, что когда-нибудь паскуда будет работать с другими невезучими людьми, которых он может погубить так же, как, по его утверждениям, уже погубил многих. И мне осталось лишь дожидаться, пока он произнесет оскорбление, которое станет последней каплей и разбудит во мне такой гнев, что я переступлю черту между намерением и действием.

- А Диямены?

- Они в то время занимались техобслуживанием вне станции. Во время убийства их рядом не было, но они вернулись вскоре после него, выслушали признание Гарримана и посадили его под официальный арест. Могу показать записи, подтверждающие мои слова.

- В этом нет необходимости.

Я обернулась и посмотрела на непрозрачную с этой стороны стену. Мне хотелось увидеть сквозь нее комнату, откуда за нами наблюдают Бенгид и Порриньяры. Бенгид, наверное, увидела триумф в моей позе, но не поняла его. Порриньяры поймут, и это их, наверное, ужаснет. Им не очень-то нравится тот извращенный трепет, с каким я измеряю зло.

Снова повернувшись к Гарриману, я сказала:

- Подведем итог. Это не было преступлением, совершенным в состоянии аффекта. Вы какое-то время готовились к убийству и лишь ждали, когда вас охватит достаточно сильный гнев.

- Все правильно. И остается правдой все время, пока я это говорю.

- Тогда скажите это снова. Скажите, что приняли осознанное решение убить аль-Афига.

- Я принял осознанное решение убить его.

- Вы были готовы убить его.

- Я был готов убить его, - повторил Гарриман и после короткой паузы добавил: - И я его убил.

- Вы нанесли ему более ста ударов.

- Я был охвачен гневом. Это чувство поглотило меня, уничтожило во мне всякую здравую мысль. Я настолько его ненавижу, что во мне не осталось ничего - ни рациональности, ни совести, ни милосердия, только потребность колотить по этому ненавистному лицу снова и снова. Кажется, у меня мелькнула мысль, что если я вычеркну его из Вселенной, то освобожусь не только от всего, что он мог сказать мне в будущем, но и от всего, что он мне уже сказал. Я не просто хотел его убить. Я хотел его стереть, уничтожить.

- А потом? Как вы себя чувствовали потом?

- Когда именно?

- Скажем, когда вошли Диямены.

У меня не было повода не поверить в искренность его слов.

- То есть когда они увидели Гарримана над трупом чудовища, забитого им насмерть?

- Да, тогда.

- Мне стало еще хуже. Как будто я вырвал свою душу. Я понял, что это конец. Мне хотелось умереть.

- Последний вопрос. Ваше решение о связывании - чье оно?

Он посмотрел на молчаливые фигуры по бокам, словно купаясь в своей любви к ним. Имитация способности любить их по отдельности, а не как олицетворения его личности, была столь безупречной, что я ощутила неизбежную душевную боль. Я могла лишь надеяться, что она не отразится на моем лице.

- Диямены, - произнес он, словно отец, гордящийся талантливыми дочерьми, - предложили объединить все, чем они были, с опустошенным мужчиной, находящимся на грани полного срыва. На протяжении месяцев, пока длились процедуры, это было единственным, что обещало ему надежду и не давало уничтожить себя. И в конце последней мыслью существа с единственным разумом было изумление перед тем, что во Вселенной нашлась хотя бы одна личность, способная на такое сочувствие.

Мои глаза вспыхнули. Я кивнула, прижала ладони к столу и встала, чтобы следующие несколько секунд смотреть на него сверху вниз. Он лишь моргнул в ответ. Я смогла уловить тот момент, когда до них дошло, что я победила. Иллюзорная пассивность Дияменов тоже исчезла, сменившись глубоким и полным презрением.

Меня охватила мрачная ярость:

- Признание вас не спасет.

И тут впервые Диямены ответили сами, а Гарриман промолчал. В отличие от голоса Порриньяров, в котором сливались оба пола, их голос оказался пустым и бесполом, более подходящим для виртуальной личности, нежели для реальной:

- Подозреваю, что я больше недостойна спасения.

Допрос продолжался недолго - по меркам женщины, которой доводилось допрашивать подозреваемых по десять или более часов. Но я почувствовала себя хуже, чем если бы меня ткнули ножом в живот - как будто некий разгневанный бог только что вырвал мне сердце. Пошатываясь, я добрела до ближайшей полки, где стоял кувшин с водой, и выпила три полных чашки, таких холодных, что каждая словно забила мне клин в череп.

Бенгид и Порриньяры ждали, пока я закончу, но по-разному. Порриньяры поняли все, что я здесь проделала. Они поняли в этом

преступлении то же, что и я. Возможно, они даже осознали его худшие последствия. Но для ушей Бенгид допрос Гарримана прозвучал так же, как и все ее предыдущие допросы, не выявив больше того, что она уже знала.

Я не стала поворачиваться, чтобы объяснить ей что-то. Я стояла лицом к стене, ощущая, как вода в моем желудке превращается в кислоту, когда я прошептала слова, услышанные от Порриньяров во время расследования при нашей первой встрече. Слова, не подразумевавшие ничего, кроме дружелюбия, но означающие гораздо больше, когда речь шла о них двоих. «Нести бремя, слишком тяжелое для одного».

Секунда тянулась за секундой, пока Бенгид не произнесла:

- Я этого не вижу.

- Не видишь, - подтвердила я, не оборачиваясь, - и вряд ли могла бы увидеть. Но ведь ты никогда не жила со связанными людьми и не задумывалась о том, чтобы стать таковой. Этот феномен не часть твоей повседневной жизни, а лишь странная, пугающая и чуждая процедура, о которой ты не хочешь даже думать и уже тем более понять.

- И что?

- А то, что ты позволила Гарриману выдать признание, которое поведало тебе все, при этом ничего не раскрывая. И тебе ни разу не пришло в голову, что чистая правда, высказанная здесь, может скрывать другую правду, которая лежит на виду.

Я обернулась. Бенгид сидела с широко раскрытыми глазами, ничего не понимая. Она догадывалась, что я обнаружила нечто ужасное, но не могла понять, что именно.

- Ты плачешь?

Верно, а я и не заметила. Я вытерла горячие слезы, превратив их в два одинаковых мазка на щеках, и сказала:

- Ничего удивительного.

- Бога ради, Андреа, да что с тобой?

Я глубоко вздохнула, снова вытерла лицо и ответила:

- По сути? В разнице между тем, что они не могли скрыть и знали это, и тем, что надеялись скрыть.

Она покачала головой:

- Ничего не...

- Да знаю я, что не понимаешь, - огрызнулась я. Мой голос дрогнул, еле заметно намекая на сдерживаемую истерику. - И не поймешь, пока я не продемонстрирую.

Я повернулась к Порриньярам - они стояли у дальней стены комнаты, глядя на меня с одинаковыми выражениями настороженности и беспокойства. Да, они понимали: что-то пошло не так. Они лишь не знали, насколько не так.

Я снова вздохнула.

- Извините, что превращаю вас в актеров, но мне надо показать Лайре, как это работает. Скай, опустишь на секунду на пол, а потом встань. Осцин, выйди в коридор и сразу вернись. Когда окажетесь вместе, возьмитесь за руки. А потом я задам вам несколько вопросов.

Они кивнули и под взглядом совершенно озадаченной Бенгид выполнили мои просьбы буквально. Скай опустилась на колени, Осцин вышел из комнаты, Скай встала, Осцин вернулся.

К тому моменту, когда они взялись за руки и снова повернулись ко мне, Бенгид, наверное, решила, что я окончательно сошла с ума. Но тут я отвернулась от них - зная, что они позади меня, но утешаясь тем, что могу не смотреть им в глаза.

- Осцин, кто опустился на колени?

- Скай, - ответил только Осцин у меня за спиной.

- Скай, кто выходил в коридор?

- Осцин, - ответила Скай.

- И еще пара вопросов. Осцин, кто выходил в коридор?

- Осцин, - ответил он.

- Скай, кто опускался на колени?

- Скай, - ответила она.

-, И последний вопрос: когда вы все сделали, кто взялся за руки?

- Я, - ответили они знакомым общим голосом.

Я попыталась улыбнуться Бенгид, но улыбка, наверное, выглядела как гримаса.

Она так ничего и не поняла:

- И что это должно было доказать, черт побери?

- Ты сама не раз в этом путалась, так ведь, Лайра? Черт, да только на нашем первом совещании ты сделала это несколько раз.

- Так помоги мне, Андреа. Если не начнешь объяснять прямо сейчас...

- А ты будешь слушать?

Она скрестила руки на груди и стала ждать.

Я закрыла глаза, сосредоточилась на том, чтобы держать себя в руках несколько ближайших минут, и дала себе разрешение отпустить тормоза, если потребуется, как только эти несколько минут пройдут. Я всегда могу быть роботом, находя прибежище в фактах. Я так уже делала.

Когда я заговорила, мой голос старчески задрожал, но обретал силу с каждой высказанной идеей:

- Послушай, это очень просто. За короткое время существования среди нас синхросвязанные люди обрели репутацию одной из самых раздражающих тем для обсуждения в человеческой цивилизации. И не потому, что они наиболее раздражающие представители человеческой цивилизации...

- Хотя мы можем такими быть, - вставили Порриньяры.

- ...просто всё, что к ним относится, не вписывается в синтаксис, исходно предназначенный для указания на индивидуальных людей, занимающих отдельные тела. Говоря о связанных парах или беседуя со связанными парами, ты не можешь не наткнуться на проблему с местоимениями, двусмысленные формы множественного числа и еще на десяток других причин для своеобразных семантических узлов, из-за которых ты несколько раз запинаясь посреди фразы во время нашего первого совещания.

Поэтому связанные люди и те, кто живет рядом с ними, вынуждены использовать большинство имеющихся под рукой лингвистических инструментов. Например, Осцин и Скай реально не являются отдельными людьми, но сохраняют индивидуальные имена. Зачем? Потому что, хотя их индивидуальные тела - это отдельные личности не более, чем твои правая и левая руки отдельные существа, они сохраняют способность к индивидуальным поступкам и могут описывать эти поступки индивидуально. Для них не имеет значения, какое из тел говорит. Первое лицо, единственное число - «я» - всегда означает нечто, что они сделали вместе, а их личные имена всегда означают действие, которое совершил только один.

Даже при этом двусмысленность иногда пробивается, но тут уж ничего не поделаешь. И нельзя утверждать, что эта двусмысленность зародилась вместе со связанными людьми. Подумай, сколько раз ты использовала местоимения «мы» и «они», а потом тратила время, возвращаясь к началу фразы, чтобы объяснить, кого именно ты подразумевала. Но если человек умен, это может стать преимуществом. Внутри этих двусмысленностей хватает простора для уловок, а это возможность кого-то запутать и скрыть, что он на самом деле имеет в виду.

Поэтому сведи это воедино с ключевыми аномалиями, отмечающими поведение твоих арестантов, их отказ говорить любым голосом, кроме голоса Гарримана, и станет ясно, что это делалось с целью уменьшить твои шансы заметить нечто очень важное.

Вспомни все, что говорил здесь Гарриман, и, полагаю, все, что Гарриман сообщил тебе во время допросов, и я уверена, ты обнаружишь: иногда он говорил о себе от первого лица, а иногда от третьего.

Бенгид моргнула:

- Мне казалось, что он переключается с одного на другое, когда ему вздумается.

- Никогда, Лайра. Никогда, если он рассчитывал, что, упустив это важнейшее обстоятельство, ты в конечном счете признаешь его невиновным. Проанализируй все, что он рассказал мне об убийстве, и заметишь нечто очень интересное. Всякий раз, описывая физический акт убийства, он упоминал «Гарримана». А когда рассказывал о

решении совершить преступление, он говорил «я».

Если ты и заметила это, то, наверное, была слишком занята, плывя против течения сквозь особую семантику физического состояния, настолько для тебя странного, что оно не имело особого смысла.

Но на это и рассчитывала связанная троица. Они хотели тебя запутать, решив, что могут заставить твое естественное непонимание сыграть в их пользу, предоставив хотя бы части их коллектива шанс на свободу и, возможно, разрушив обвинение, выдвинутое против остальных.

И вся хитрость заключалась в местоимениях.

Проанализируй их признание правильно - ведь запись под рукой и, несомненно, дублирует все, что они тебе когда-либо говорили, - и ты увидишь, что именно они от тебя скрывали.

Гарриман-одиночка не принимал решения убить аль-Афига.

Гарриман-тело лишь взял в руки оружие.

Истина в том, что они все решили убить аль-Афига.

Ведь в момент преступления они уже были единой личностью.

Бенгид моргнула. И еще раз. Мысленно проанализировала все факты, установленные во время допросов Гарримана. Затем вернулась к началу и проанализировала все свои выводы - то, во что Гарриман лишь позволил ей поверить.

Это ее ошеломило. Потом наполнило надеждой.

А затем она подошла к одному из стульев и села.

Хотела бы я знать, понимает ли она, насколько я ее в тот момент ненавидела.

Я быстро взглянула на Порриньяров. Они уже видели меня такой - охваченной столь сильным восторгом от найденного решения проблемы, что тот словно сжигал меня изнутри. И они знали: подобное состояние может быть как триумфом, так и пыткой, в зависимости от того, насколько близко к сердцу я принимала проблему.

Но только ли это они видели? Страдали ли они от этого так, как страдала я?

Мне не хотелось об этом думать.

Вместо этого я уселась рядом с Бенгид, чтобы закончить. Не повышая голоса, но надеясь, что он заставит ее страдать:

- А теперь поговорим о том, почему они так долго не сообщали о преступлении. По сути, это лишь еще одно хитроумное использование двусмысленности. Если бы они связались с начальством сразу, например, через несколько часов или дней после убийства, и сообщили всем, что они связанные личности, отсюда, естественно, последовал бы вывод, что все они в равной степени виновны в убийстве.

Но храня преступление в секрете так долго, они получали шанс подкрепить выдумку, будто связались уже потом, чтобы защитить Гарримана от травмирующих последствий убийства, которое он

совершил самостоятельно.

Так уж получилось, что они говорили абсолютную правду, когда Гарриман заявил: Диямены предложили ему союз, чтобы помочь слабому и опустошенному человеку, находящемуся на грани полного эмоционального срыва. Но эта правда предназначалась для сокрытия другой правды. Потому что, когда он закончил описание чувств вины и стыда, охвативших его после убийства, я должна была выстроить прямую хронологическую последовательность: они-де выполнили связывание, чтобы защитить его от эмоциональной травмы. Но прокрути запись того, что они реально мне сказали, и ты увидишь: в тот момент они отвечали на другой вопрос, намеренно подменяя тему. Они наверняка и тебя таким же способом сбивали с толку: им было очень важно, чтобы ты ошибалась.

В действительности же срыв, от которого они спасли Гарримана, еще только приближался и разразился через несколько месяцев в результате поведения аль-Афига.

Мы знаем, что в тот момент ситуация уже накалилась. Гарриман был человеком слабым, почти смиренным. Его уже вывели из одного проекта из-за эмоционального истощения, и теперь во внерабочие часы в нем все больше нарастали ярость и истерия, провоцируемые аль-Афигом. И Диямены ничем не могли помочь - ни успокоить его, ни положить конец эмоциональному насилию, которое его уничтожало.

Возможно, они тоже были в отчаянии, но в конце концов предложили ему разделить это бремя.

Эту фразу я ощутила на вкус почти как яд. Но я почти договорила. Прикусила губу и продолжила. Теперь уже немного осталось:

- Не знаю, долго ли пришлось его уговаривать, но раз он уже был на грани причинения вреда или себе, или аль-Афигу, вполне возможно, что и недолго. Он даже мог воспринять это предложение как дар небес. В итоге он согласился, и они совершили все нужные процедуры.

Кстати, именно поэтому рассказы Гарримана обо всех их переживаниях еще на стадии отдельных личностей относятся к событиям самых первых дней: поскольку аль-Афиг издевался над ним ежедневно, у Гарримана ушло немного времени, чтобы сломаться, а для Дияменов - понять, что другой альтернативы нет.

Я вздохнула и попробовала высказать следующую мысль как научную теорию:

- А теперь о самом печальном: с их стороны это, скорее всего, была попытка избежать насилия. Вероятно, Диямены подумали, что новая личность, которой они станут, окажется достаточно сильной, чтобы удержать в себе ярость Гарримана. Но они ошиблись. - Мой голос дрогнул. - Гарриман-одиночка выплескивал весь гнев в припадках ярости. Он мог и вовсе не поддаваться страстному желанию к насильственным действиям. Возможно, новая личность, состоящая из

Гарримана и Дияменов, стала более уравновешенной на эмоциональном уровне, но она таила в себе и накопившееся возмущение Дияменов, а после слияния возросла и их личная инициатива. По отношению к аль-Афигу такая комбинация могла обернуться только катастрофой.

Уже совместно они решили, что все еще ненавидят аль-Афига настолько, чтобы желать его смерти.

И будучи вместе они поддались навязчивой идее убить его.

Для комбинированной личности все могло начаться на уровне мрачной, но утешительной фантазии, однако это не сработало, когда эта личность больше была не в силах сопротивляться порыву убийства. И по сути неважно, что лишь тело Гарримана физически присутствовало на станции во время совершения преступления или что Диямены работали вне станции, случайно или преднамеренно создав себе алиби, которое никто не будет подвергать сомнению. Самим преступлением управляла их общая воля. Они все хотели смерти аль-Афига. И поэтому убили его сообща.

После этого, - я развела руки ладонями вверх, - осталось лишь выстроить признание, которое в итоге может избавить их от наказания. Формальный арест Гарримана, месяцы молчания до сообщения о преступлении и притворная пассивность Дияменов - все это было частью их плана.

И у них почти получилось.

Но, - сказала я, вставая, слыша лишь малейший намек на истерику в своем голосе и игнорируя его, потому что я уже почти закончила, - у тебя есть их признания. И теперь, когда ты разобралась в синтаксисе, дело техники - посадить всех троих.

Бенгид улыбнулась. Она словно помолодела на десять лет, и ее лицо неожиданно приобрело всю свежесть тех лет, когда я с ней только познакомилась. Красота того типа, что вызывала у людей желание узнать ее лучше, всегда была наименьшим из ее грехов.

- В устных спорах ты всегда превосходила меня, Андреа. Я...

Меня больше не отвлекала загадка, поэтому мой голос выбрал этот момент, чтобы показать ей, насколько я устала:

- Никогда больше не смей просить меня о помощи.

В интервале между двумя предложениями я превратилась из рационального аналитика в обессиленную женщину. Даже после всего, что она перенесла за годы нашего общения, такое было уж слишком. Она смогла лишь удивленно ахнуть, когда я повернулась и направилась по кратчайшему пути к двери.

Мой бросок к выходу оказался настолько внезапным и яростным, что застал врасплох даже Порриньяров. Хотя они и находились между мною и дверью, когда я сделала первый шаг, мой порыв и плотно сжатые губы настолько их напугали, что они расступились и пропустили

меня.

Крики Бенгид и протесты Порриньяров понеслись мне вдогонку, когда я вышла и быстро зашагала по коридору направо. Вскоре я услышала, как они торопливо следуют за мной, пытаюсь разобраться в причинах столь странного финала.

К тому времени, когда я прошла шагов двадцать, они уже наверняка поняли, что я направляюсь не в каюту, а к ангару, где ждал наш корабль. Я понимала, что не смогу попасть в ангар, войти в корабль, завершить все предстартовые процедуры и покинуть «Негев» прежде, чем меня остановят, и тем более не смогу бросить здесь партнеров, ничего им не объяснив. Я также знала, что если бы у меня имелся шанс спланировать побег более рационально, я могла бы попросить их остаться еще на одну ночь и сбежать, пока они спят. Да, наверное, так и следовало поступить - в таком случае им не пришлось бы выслушивать причины моего бегства, а заодно их утешила бы возникшая ко мне ненависть.

Порриньяры перехватили меня на развилке коридора, как раз под нарисованной двойной стрелкой, указывающей налево - в ангар и направо - к складу продовольствия. Мне пришлось чуть сбавить скорость, просто чтобы повернуть, и Порриньяры успели схватить меня за руки и прижать к переборке - резко, на грани удара.

Как и во всем, что они делали, координация двух тел была идеальной. Хоть я попробовала их стряхнуть, они легко парировали эти попытки и лишь усилили захват.

К нам подбежала Бенгид: глаза широко распахнуты, на лице изумление и непонимание. Глупым жестом, который я видела у нее всего раз или два, в моменты чрезвычайного потрясения, она закрыла рот кулаками, прижав большие пальцы к губам и переплел остальные. Жест маленькой девочки.

- Отпустите меня! - рявкнула я.

- Не отпущу, - заявили Порриньяры. - Пока не скажешь, в чем дело.

Я снова попыталась освободиться. Если я с кем-то ввязываюсь в драку, то обычно одолеваю противника, но я никогда не побеждала Осцина и Скай, никогда даже не дралась с ними. Я любила их, но сейчас переломала бы им руки, чтобы вырваться. Я скорее разнесла бы себе голову, лишь бы не говорить того, что они вынуждали меня сказать.

Внутри у меня не осталось ничего, кроме безвоздушного пространства, и поэтому я не могла быть с людьми, особенно с ними.

Но здесь стояла и Бенгид, эта глупая корова, которая подвела меня к краю обрыва и столкнула вниз.

Я боялась не того, что связывание уничтожит личность Андреа Корт.

Я возненавидела Лайру за то, что она вызвала меня сюда, где мне пришлось осознать ужасную вещь. Я попыталась броситься на нее, но

Порриньяры оттащили меня и снова прижали к стене.

- Я могу держать тебя так целый день, Андреа, - сказали они. - Отличное получится упражнение.

Дыхание уже начало возвращаться ко мне судорожными всхлипами, но я пока не могла понять, когда смогу обрести дар речи. Наконец я все же выдавила несколько слов, подобных диким существам, сбежавшим из клетки внутри меня:

- Они... были добры.

- Что?

- Они... были добры. Они... пытались ему помочь. Как и вы... они столкнулись... с раненой... сломанной личностью... и они хотели... ему помочь. Не знаю... может... они даже любили его. Они думали... что, сделав его... частью себя... они смогут забрать его боль... разбавить худшее... в его личности. Но они... не смогли. Они не... сделали его лучше. Это он... сделал их... хуже!

Последние слова едва не сорвались на вопль. Я снова попыталась вырваться, лягнув Скай в лодыжку, но она заблокировала мою ногу, просто переместив свою, и опять прижала меня к переборке. Я закрыла глаза и подумала обо всех неудачных решениях в моей жизни, обо всем плохом, что я сделала, о злобе и горечи, что наполняли слишком большой период моей жизни. О тьме, бывшей ядом внутри меня и намеренной теперь отравить их - единственную личность, которую я люблю.

Я все еще стояла с закрытыми глазами, в ужасе от такой перспективы, когда их вес переместился и две пары губ поцеловали меня в щеки.

- Ты никогда не сделаешь нас хуже, Андреа, - сказали они.

Мои колени подогнулись. Я опустилась на палубу, рыдая, еще не зная, что стану делать, но уже не считая бегство вариантом выбора. Они сели рядом со мной. Руки освободились, и я обняла плечи Осцина. Меня неудержимо трясло от шока - все сомнения, которые я так глупо вбила себе в голову, исчезли, сменившись уверенностью, какой в этом мире еще не было. Скай переместилась и обняла меня сзади, ее идеальная щека прижалась к напряженным мышцам моей спины.

Даже не знаю, сколько прошло времени, пока я не поняла, что Бенгид тоже осталась.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Adam-Troy Castro. Hiding Place. Печатается с разрешения автора.
Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2011 году.

КРЕЙГ ДЕЛЭНСИ

ТРИ ДЖУЛИИ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Вы отпустите ее?

На этот вопрос мне предстояло ответить до завтрашнего утра. Его задала Кристин Лувье, от злости сжавшая губы в тонкую линию и упиравшая руки в бока. Слава богу, нас разделял стол.

- Она моя племянница, - говорила Кристин. - А я ее ближайшая родственница. Отдайте ее мне.

- Я должен решить, что будет лучше для ребенка.

- Вы знаете, что будет лучше. Лучше всего отпустить ее ко мне домой, Я поерзал в кресле.

- Это... не так очевидно.

Глаза моей собеседницы превратились в узкие щелочки.

- Я рассказала вам слишком много. А вы еще удивлялись, почему мы храним это в тайне. Вы собираетесь упечь семилетнюю девочку в психушку только потому, что я сказала вам правду.

- Причина не в этом, - заметил я.

- Вы воспользовались моей откровенностью и собираетесь

уничтожить мою племянницу. Или того хуже: вы собираетесь рассказать о нас людям.

Кристин стояла, а я сидел, поэтому она, хоть и не обладала высоким ростом, возвышалась надо мной. Я начал поеживаться под ее злым и совершенно бесстрашным взглядом. Возможно, всего лишь возможно, она имела право на эту злость.

- Сядьте, пожалуйста.

Она осталась стоять.

- Я вернусь со своим адвокатом. Я намерена засудить вас и вашу больницу. Если вы отправите девочку в лечебницу, я уничтожу вас в суде. Это станет смыслом моей жизни. Я сумею забрать у вас даже собаку, - развернувшись, она рванула дверь моего маленького кабинета с такой силой, что сталь с грохотом ударила по книжному шкафу. Затем дверь закрылась.

Я уставился на календарь, висевший на ее внутренней стороне. Он отстал от жизни уже на семь месяцев.

Отпущу ли я эту девочку? Расскажу ли кому-нибудь об открывшейся тайне?

Я понимал всю важность этих вопросов. Но куда сильнее меня занимало другое. Проблема, не дававшая покоя, следовавшая за мной по пятам, пока я протискивался по пробкам к своему домику в пригороде.

«Вам не бывает одиноко?»

* * *

Три дня назад Томас, старший санитар, сказал мне:

- Привезли девочку, - тем утром он поймал меня, когда я пытался проскочить мимо. Я торопился, потому что мне предстояло еще проследить за переводом невменяемого преступника-шизофреника из нашего кабинета неотложной помощи. Времени оставалось в обрез.

По правде сказать, я хотел, чтобы его забрали как можно скорее, тогда бы я мог спокойно закрыться в своем кабинете, выпить чаю и ненадолго отвлечься. Может, пошарить по интернету.

- Я... э... - я указал на коридор за его спиной, показывая, что мне надо бежать. Томас отличался богатырской комплекцией, поэтому сейчас, встав передо мной, он перекрыл мне путь к отступлению.

- Ее родители погибли в аварии, - продолжил он, растягивая слова. - Она сидела на заднем сиденье, посередине. Сломала руку, других повреждений нет. Но доктор Уэллс считает, что вам надо ее осмотреть.

- Сколько ей? - Томас называл «девочками» едва ли не всех женщин. Возраст не имел значения.

- Лет семь, наверное.

- Травмирована?

Я психиатр, а значит, просьба Уэллса могла означать потенциальное душевное расстройство.

- Конечно. Да любой на ее месте... Родители погибли у нее на глазах. Она не в себе. Но кроме того, она... - Томас склонился ко мне, - разговаривает как-то странно. Как будто переключается туда-сюда.

Я кивнул.

- Ничего удивительного. Ребенок в шоке.

Девочку поместили в педиатрии, и я решил ее посетить.

Стены ее палаты, покрытые пятнами сырости, смотрелись убого в ярком свете ламп. Девочка оказалась симпатичной - такой, какой и полагается быть любой семилетней девчушке. Маленькая, чуть больше собственной подушки, она спала, завернувшись в одеяло. Правое предплечье от локтя до самой ладони покрывала белая, словно снег, гипсовая повязка.

Я снял с крючка ее карточку, висевшую над кроватью.

Никаких повреждений, не считая руки. Никаких признаков жестокого обращения: ни шрамов, ни ожогов, ни следов предыдущих переломов. Здоровая девочка, скорее всего, из хорошей семьи. Вполне ожидаемая характеристика для ребенка, сидевшего на заднем сиденье, между родителями.

Она перевернулась на другой бок и открыла глаза - темные, глубокие, смотревшие на меня будто издалека. Затем убрала с лица длинные волосы.

- Ou est ma mere?^{*9} - спросила она.

Очевидно, я имел дело с каджуном^{**10}. Скорее всего, она жила где-нибудь возле дельты.

Почти не зная французского, я все-таки постарался воспользоваться своими скромными способностями:

- Excusez-moi, je ne parle pas francais. Parlezvous anglais?^{***11}

Она отрицательно покачала головой, а потом вдруг произнесла:

- Знаю.

Я присел на краешек кровати.

- Джулия, я доктор Дуглас Эверли. Можешь звать меня доктор Даг. Как ты себя чувствуешь?

- Я не Джулия.

- О, вот как?

- Меня зовут Джулиана.

⁹ * Где моя мама? (фр.)

¹⁰ ** Франкоязычный житель штата Луизиана.

¹¹ *** Простите, я не говорю по-французски. Вы знаете английский? (фр.)

Я снова заглянул в ее карточку. Там совершенно четко значилось имя: Джулия.

- Понятно. Ну, Джулиана, как ты себя чувствуешь?

Она покачала головой, будто я задал слишком сложный вопрос. Я не пытался понять, осознает ли она до конца смерть родителей. Вместо этого я спросил:

- Ты говоришь по-французски. Ты из Луизианы?

- Я не говорю по-французски, - ответила она.

- Что?

- По-французски говорит Джулия.

- Не понимаю.

- Джулия говорит по-французски. А я не умею.

- Но ты же только что разговаривала со мной.

- Не я. Джулия.

Я кивнул и посмотрел на нее внимательнее.

- Ясно. Ты - Джулиана. И ты не знаешь французский.

- Точно.

- Ты из Луизианы?

- Ага.

- А могу я, если захочу, побеседовать с Джулией?

Она пожала плечами.

- Конечно, но она почти не знает английского. А Джуни немного тормозит, так что вам лучше говорить со мной.

- Джуни?

- Она немножко знает французский, но не особенно умная. Зато умеет рисовать. И играть на пианино.

- Джуни, Джулиана и Джулия, - осторожно произнес я. - Итак, Джулиана...

- Да?

- Джуни и Джулия всегда... жили с тобой?

- Конечно.

За дверью послышался шорох. Там стоял Ричард Стивенс, главный врач нашей больницы. Он подслушивал разговор.

- Прошу прощения, Джулиана, - сказал я и вышел в коридор, закрыв за собой дверь.

По выходным Стивенс обычно играл в теннис, а по рабочим дням изучал список больничных расходов и прилагал все усилия, чтобы не дать этому списку вырасти.

- Ну, как там? - спросил он, указывая на дверное стекло. Когда-то он изучал неврологию, поэтому почитал себя сведущим и в психиатрии.

- Пока не уверен, - ответил я. - Какая-то странная травма.

Стивенс кивнул.

- У нас ведь не психиатрическая больница. Выпишите ее как можно скорее. В идеале - сегодня, если получится.

Я открыл рот, собираясь протестовать, но Стивенс меня опередил:

- Нужна ваша помощь с тем шизофреником.

Я кивнул, бросил последний взгляд на Джулию и направился в свое отделение.

* * *

- Господи, Карен, ну и денек, - сказал я в тот вечер жене.

- Едва ли хуже, чем мой, - ответила она.

Я выложил на стол коробки с китайской едой.

По правде говоря, нам стоило бы следить за своим весом, а не лопать роллы с омлетом и свинину в сметанном соусе, но мы и помыслить не могли о готовке, после того как тратили целый час на дорогу до дома. Карен уже переделалась в спортивный костюм, который носила дома, и заколола свои светлые волосы. Я снял галстук и бросил его на табурет.

Она протянула мне две вилки.

- Тарелки, - напомнил я.

Ненавижу есть из коробок. Она пожала плечами, и я стал накрывать на стол.

Когда мы сели и положили на колени салфетки, она взяла пульт дистанционного управления, всегда лежавший где-нибудь неподалеку, и включила телевизор, тарасившийся на нас из угла.

Звук с грохотом ворвался в кухню. Такую, казалось бы, уютную: шкафчики из вишни, белые стены, гранитная поверхность, сияющая в свете ламп. Но мне все это не очень-то нравилось. Стоило слегка звякнуть вилок, и эхо тут же разносилось по всей комнате.

- Дорогая, а если не включать эту штуку?

- Хорошо, - она нахмурилась и выключила телевизор. - Ты расстроен?

- Из-за работы.. Ну, знаешь...

- Что-то случилось?

- Один шизофреник угрожал медсестре, поранил доктора и носился с воплями по всему отделению.

- Ужасно. Но теперь-то все в порядке?

- Да, спасибо.

Она откусила кусочек ролла.

- На самом деле меня беспокоит не это. Сегодня привезли девочку, и я даже не успел ее осмотреть. Стивенс тут же начал выпихивать ее за дверь.

Ролл замер на полпути к ее рту.

- Я знаю, ты переживаешь за детей, но... ведь это не твоя вина.

Я пожал плечами.

- Эта девочка... особенная. Станный случай. Загадка. Она говорит

разными голосами.

- Ты о чем?

- Как будто... в ней сидят несколько человек. То, что мы называем «диссоциативное расстройство личности».

- Действительно странно. Но такое ведь случается, правда?

- Очень редко. До такой степени, что я даже не верил в существование этой болезни. Придется, пожалуй, поверить. Некоторые люди, ставшие жертвой насилия, могут отгораживаться от реальности, считая себя множеством разных личностей. Так они убегают от действительности.

- А она похожа на жертву?

- В том-то и дело. Совсем нет.

Карен покачала головой. Я продолжил есть, а она снова включила телевизор.

- Я сделаю тише, - пообещала она. - Просто хочу посмотреть новости.

* * *

На следующее утро я первым делом отправился к девочке. Она молча сидела на кровати, упиравшись спиной в стену. На щеках остались влажные дорожки от слез, глаза опухли. Кажется, она наконец осознала произошедшее.

- Привет, Джулиана, - произнес я.

- Джуни, - пробормотала она.

- Хорошо. Привет, Джуни, - я сел на край кровати. - Как самочувствие? Она пожала плечами.

- Понятно. - Я указал на ее волосы. - Ты сегодня с косичками.

- Медсестра помогла.

- Тебе идет.

- Спасибо.

- Послушай, скоро приедет твоя тетя. Сегодня или завтра. Что думаешь?

- Тетя Кристин? Это хорошо, - она шмыгнула носом и слегка улыбнулась.

- Ты ее любишь?

- Да, во всех проявлениях.

Я нахмурился.

- Чем она занимается?

- Частично - изучает рыбу в колледже. Старшем колледже.

На какое-то время я задумался, а потом понял:

- В аспирантуре?

- Ну да. Раньше она ходила в колледж, и одна ее часть изучала старые языки, а другая - океаны. А еще одна часть классно готовит. В

общем, они мне все нравятся... Могу я поехать домой?

- Надеюсь, - ответил я.

Кристин Лувье, тетя Джулии, оказалась молодой девушкой, широкоплечей, не слишком высокой, с короткими темными волосами. И весьма прямолинейной. Я встретил ее у входа и сразу же предложил:

- Давайте зайдём в мой кабинет.

- Могу я увидеть Джулию?

- Конечно, но сначала я хотел бы с вами поговорить.

Она нахмурилась, открыла рот, собираясь, видимо, протестовать, но после кивнула и последовала за мной.

- Как она? - поинтересовалась Кристин, когда мы сели.

- Физически - в порядке.

- Физически? - она остановила на мне взгляд своих внимательных глаз.

- Меня беспокоит другое.

- У нее... травма?

- Конечно, - ответил я. - Она потеряла родителей. Но есть и еще кое-что.

Глаза моей собеседницы сузились. Вопреки моим ожиданиям, она не стала спрашивать о моих подозрениях, а вместо этого произнесла:

- Могу я забрать ее домой?

Я заглянул в бумаги.

- Вижу, вы собираетесь взять на себя опеку.

- Я аспирантка, сейчас заканчиваю диссертацию. Я могу переехать в дом Джулии, пока не закончу свою работу, а она - учебный год. Потом все будет зависеть от того, где я начну работать. Но что бы ни случилось, мы останемся вместе. И сохраним этот дом. У нас полно родственников в тех краях.

- Звучит идеально, - заметил я.

- Значит, я могу ее забрать?

- Это нам и предстоит решить, - я вздохнул и оглядел свой кабинет.

За последние несколько месяцев тут воцарился настоящий хаос. А если быть откровенным, бардак царил здесь уже несколько лет. Горы бумаг и книг занимали почти все свободное место. Из книжных шкафов под самыми неожиданными углами выглядывали загнутые уголки записок, которые я так и не прочитал. Повсюду, будто забытые друзья, горевали кофейные чашки. Большинство из них еще хранило остатки черной жижи. Внезапно мне сделалось стыдно. Как я мог так запустить кабинет? Весь этот хаос говорил об одном: я перегорел. И это правда.

Я покачал головой и постарался собраться с мыслями,

- У Джулии наблюдаются признаки очень необычной психологической травмы.

Я ждал, но Кристин Лувье вновь проигнорировала мои слова. Иногда в издевательствах оказываются замешаны целые семьи. Многие знают о

происходящем, но никто ничего не предпринимает. Молчание этой женщины не говорило о том, что она заинтригована или обеспокоена. Нет, она хотела сохранить тайну.

Подождав еще немного, я продолжил:

- Думаю, она страдает галлюцинациями. Она полагает, что в ней живут несколько личностей.

Моя собеседница не шевельнулась.

- Она постоянно рассказывала о воображаемых подружках. Думаю, речь идет именно о них.

- Как их зовут?

- Простите?

- Этих воображаемых подружек.

- Джулиана и Джуни.

Она кивнула. Не знаю, испытал ли я облегчение, убедившись, что она знает эти два имени. Я наклонился:

- Я хотел бы осмотреть дом Джулии. Место, где вы будете жить.

- Хотите провести осмотр? Разве вы социальный работник?

- Не совсем, - ответил я. Такими полномочиями я не обладал. - Я хотел бы осмотреть его неофициально. Я не могу понять, откуда у Джулии эти галлюцинации. Моя работа - убедиться, что она готова покинуть больницу и при этом ей не станет хуже в новых условиях.

Она посмотрела на меня искоса, но после все же кивнула.

- Хорошо, когда вы приедете?

- Завтра, - я встал и махнул рукой по направлению к двери. - А теперь давайте навестим Джулию.

* * *

На следующее утро я быстро осмотрел пациентов перед поездкой в дом Лувье. Я уже укладывал вещи в портфель, когда Стивенс постучал в дверь.

- Эверли, что эта девочка, каджун, делает в педиатрии?

Я вздохнул.

- У нее необычная эмоциональная травма, и я пока не могу поставить диагноз.

- Да, я слышал. Несколько личностей.

- Не то чтобы я в это верил... Мне нужно еще немного времени, чтобы понять, как быть дальше.

- Вы уже потратили целых два дня. Сегодня вечером мы ее выпишем. Отправьте ее в Крестхейвен - они решат, как с ней поступить, - сказав это, Стивенс ушел, не попрощавшись.

Крестхейвен - жуткая дыра, в которую ссылали бедняков. Там их накачивали солями лития и пускали шляться туда-сюда по грязным

коридорам. Тамошние врачи только и умели, что смотреть телевизор да отсчитывать таблетки.

Я мог бы потребовать у Стивенса еще один день. Одна только бумажная волокита отнимала больше времени, чем он отводил на весь курс лечения. И все же в моем распоряжении лишь один день.

Остаток утра ушел на дорогу до дома Джулии. В основном путь лежал по двухполосному шоссе через фермерские поля, разделенные длинными рядами деревьев. Центр города состоял из сбившихся в кучу домов, автозаправки и закуской, у которой я и остановился.

За барной стойкой, начинавшейся от самой двери, стоял повар, одинаково ловко орудовавший обеими руками. У противоположной стены располагались столики: за ними сидели в основном старики, но попадались и люди моего возраста, некоторые вели неторопливую беседу. Над ними висели выцветшие от времени фотографии в рамках - вероятно, галерея посетителей.

Я заказал у улыбчивой официантки по имени Брианна жареного цыпленка, пирог и кофе.

Когда дело дошло до пирога, я спросил, как доехать до Сикомор-стрит.

- О, это легко, - ответила она. - Езжайте вниз полмили, потом поверните налево. Там на углу маленькое кладбище, так что не ошибетесь.

- Спасибо.

- А куда вам?

- К дому Лувье, - ответил я.

Мужчина, сидевший рядом со мной, судя по одежде и лежавшему рядом шлему пожарный, покачал головой.

- Вы же знаете, что с ними случилось, да?

- Знаю, сэр, - ответил я. - Я собираюсь навестить Кристин Лувье.

«Интересно, что местные скажут о городе и об их семье», - подумал я.

- Я слышал, она вернулась, ну, или по крайней мере живет где-то неподалеку. Будет растить маленьких Джулий.

Готов поклясться, он употребил именно множественное число. Я переспросил: «Простите?».

Но официантка уже бросила на него быстрый взгляд. Пожарный умолк.

- Гарри - наш помощник шерифа, - заметила она.

- И пожарный? - я несколько удивился.

- Да, сэр, - подтвердил он. - У нас тут маленький городок. Почти все так или иначе приходится друг другу родственниками - братьями, сестрами, двоюродными, троюродными. И живем мы вроде как в изоляции, поэтому делаем все сами. Стивен, который сейчас готовит обед, - он указал на повара, одной рукой заливавшего масло, другой бросавшего цыплят на сковородку, - наш местный библиотекарь.

Брианна - секретарь муниципалитета и учительница в воскресной школе. Мы всегда так жили.

- Лувье - хорошие люди, - заметила официантка. - Все их любили. Вы их друг? Не успели на похороны?

Пришлось объяснить, кто я такой. На какое-то время над стойкой повисло молчание. Затем Гарри - пожарный и помощник шерифа - сказал:

- Ну, это правильно. Вы должны убедиться, что здесь подходящее место для Джулии и... И здесь действительно подходящее место. Да, тут им самое место.

Я поблагодарил своих собеседников и расплатился. Когда дверь за моей спиной уже закрывалась, я услышал, как Гарри спросил у официантки:

- Три Джулии, так ведь?

Дом оказался скромным, но вполне приятным на вид. Белое крыльцо на улице, усаженной белыми кленами. Кругом царилась столь глубокая тишина, что нарушал ее лишь шум ветра в кронах деревьев. Водостоки вычищены, крыша достаточно черная, чтобы казаться новой, трава на лужайке высокая, но ровная - видимо, до аварии ее подстригали регулярно.

Кристин Лувье, одетая в джинсы и толстовку, встретила меня у входа. В одной руке она держала маркер, в другой - книгу «Биология кишечнорастворимых».

- Добро пожаловать на экскурсию, - сказала она.

Мы осмотрели каждую комнату в доме. Краткие пояснения перемежались долгими периодами возмущенного молчания.

Комната Джулии не отличалась порядком, но и грязи я не заметил. В одном углу стояла кровать, в другом - чертежный стол с приколотыми к нему картинками. Рядом располагались стул и небольшой стол, над ним - книжные полки, уставленные пластмассовыми животными с большими глазами. Наверное, какими-то японскими игрушками. Еще один угол заполняли постеры с фотографиями какого-то музыканта и горы роликовых коньков. Внезапно я осознал, что в комнате будто бы жили три разные, но абсолютно нормальные девочки.

Другие помещения содержались в чистоте и выглядели обжитыми. В конце экскурсии Кристин показала мне подвал и гараж. Как и мой собственный, он оказался забит вещами. На стене висели три велосипеда - маленький, большой и средний. С их ручек свисали шлемы. Когда я увидел эти скелеты погибшей семейной жизни, меня охватила тоска.

- Я сделаю чай, - прервала мои раздумья Кристин. А позже спросила: - Ну, каково ваше мнение?

- Чудесный дом, - ответил я, опускаясь на диван. - Но вы рассказали не все.

Она покосилась на меня с подозрением.

- О чем это вы?

- У Джулии не просто воображаемые подружки. Она действительно верит, что состоит из трех личностей. Ни одна семилетняя девочка не смогла бы поддерживать такую иллюзию столь тщательно, убедительно и продолжительно ради одной только прихоти.

Кристин села в кресло напротив меня.

- Вам нравится иметь над людьми власть? Например, разбивать семьи?

- Нет. Нет, я терпеть этого не могу, - мой голос дрогнул. - Три года назад я послал домой одного мальчика. Я отдал его родителям, решив, что все будет хорошо. Адвокат и его улыбчивая жена, ходячая награда за жизненные успехи. Они забили его до смерти... - Тогда что-то умерло и во мне. После того случая я кое-как ковылял через свои рабочие дни, а дни эти стали казаться чертовски длинными. Я не собираюсь повторять эту ошибку. Джулия - чудесная девочка. Умная. Внимательная. С ней приятно поговорить. Она мне очень нравится. При этом она далека от нормы. Обычно это означает, что с ней происходило нечто... нечто очень плохое. Я обязан защитить ее.

Кристин Лувье молчала. Может, я и перегорел, но все еще мог определить, когда люди готовы вот-вот рассказать правду. Я ждал.

Однако мои ожидания не оправдались. Слова Кристин привели меня в замешательство:

- Думаю, это мутация. Передается по наследству в нашей семье.

- Что?.. - я удивленно поднял брови, пытаюсь понять ее. Вопрос касался семейной жизни девочки, а эта аспирантка начала рассказывать про мутации. В какой-то момент я счел сумасшедшей и ее. - О чем вы говорите? Какая мутация?

- В каждом из нас живут люди. В любом члене нашей семьи. - Она встала, подошла к окну и посмотрела на тихую тенистую улицу. Я наконец понял.

- То есть... вы тоже?

Она кивнула, продолжая глядеть в окно.

- Вот уже множество поколений мутация сохраняется. В каждом из нас живут несколько личностей. Обычно три, но не всегда. Наверное, такую мутацию можно назвать адаптивной.

- Адаптивной?

- Мы не безумнее обычных людей.

- Но вы... - я запнулся. Не стоило поддаваться этой абсурдной идее. Скорее всего, она просто врет или страдает галлюцинациями.

Кристин отвернулась от окна.

- Вам не доводилось чувствовать себя... переполненным? Не уставшим, а именно переполненным? Когда понимаешь, что можно просидеть за учебником еще хоть миллион лет, но в голове больше

ничего не уместится.

- Конечно. Я же учился на медицинском.

Меня хватало на четыре часа учебы, и все. После этого все мои увлечения - сочинение стихов и песен - вызывали лишь отвращение. Могли даже причинять боль, как громкий шум.

- Когда такое случается со мной, то есть с одной из нас, мы просто переключаемся на другую личность.

Я только кивнул. Хотелось узнать, к чему она клонит.

- К тому же все великие достижения человечества родились из диалогов, разве не так? - продолжала она. - Из взаимодействия и соревнования разных личностей. А каждая из нас может соревноваться сама с собой.

- Но...

- Знаете, - перебила она, - одна из моих... ипостасей изучает стрекающих кишечнорастворимых. Тех, которых обычно называют медузами.

- Джулия называла их «рыбами».

- Нет. Это могла сказать Джуни. А Джулия и Джулиана никогда бы не ошиблись.

Я попытался скрыть удивление. Она оказалась права.

- Это я изучаю стрекающих кишечнорастворимых. И уже совершила открытие. Что представляет собой ваша кровь?

Судя по ее тону, вопрос носил педагогический характер. Я пожал плечами:

- Систему доставки кислорода.

- Да, такова ее функция, но все же? Это океан внутри вашего организма. Вся эволюция сводится к тому, чтобы забирать снаружи нечто полезное, а затем захватывать его и помещать внутрь, под свой контроль. Подчините себе море, управляйте его составом и температурой, и вы сможете омывать свои клетки, даже находясь на земле. Так появилось кровообращение. Возьмите запахи и изображения предметов окружающего мира и поместите их в свой внутренний мир, где способны манипулировать ими, составлять планы. Это воображение, разум. Величайшим достижением за всю историю человечества стало возникновение общества. А наша семья помещает его внутрь себя. Вы живете в обществе, как губка в море. А мы носим общество с собой, как кровь.

Это зашло слишком далеко. Я поднял руки, защищаясь от ее слов.

- На мой взгляд, ваше объяснение не очень-то правдоподобно. Я ожидал истории о жестоком обращении - это более вероятно, чем ваши... мутации.

- Я рассказала вам правду. Почему вы не принимаете во внимание такой вариант?

- Хорошо. Пусть вы ничего не придумываете. Мы можем проверить

ваши слова, так же, как в тестах соощущений. Ряд быстрых вопросов и ответов. Я могу доказать, что вы не притворяетесь. Тогда я смогу отпустить Джулию и не буду считать травму причиной ее поведения.

Она покачала головой.

- Не сейчас. Нас еще слишком мало. Мы не хотим, чтобы люди... задавили нас. Сделали из нас шоу уродцев. Или даже признали угрозой обществу.

- Несколько недель вами будут интересоваться, а потом все забудется.

- Возможно. Но мы не хотим вымаливать у людей свое право на уединение, - она вздохнула. - Теперь вы знаете наш секрет.

- Даже если я поверю в эту историю, это все равно не гарантирует безопасности Джулии.

- Здесь выросло не одно поколение. И ни один из нас не страдал безумием. Ни разу за всю историю.

Я нахмурился. Как теперь быть? Рассказ Кристин поставил меня в тупик. Какая-то часть меня считала его правдоподобным, скептик же говорил, что меня водят за нос.

Я встал.

- Мне нужно возвращаться в больницу. Ехать довольно далеко, - я пошел к двери.

- Когда вы примете решение?

- Скоро.

- Я зайду к вам завтра, - пообещала она.

Я кивнул.

- У меня все расписано до четырех. Может, встретимся в половину пятого?

- Конечно.

Она проводила меня до машины. Забравшись в салон, я опустил стекло и произнес:

- Допустим, вы правы. Вы не... теряете себя? Не путаетесь? Во всех этих голосах...

- Не знаю. Не думаю. Не больше, чем любой другой человек, - она посмотрела на меня с нескрываемым любопытством. - Теперь ваша очередь. Вам не бывает одиноко? Вечно наедине с самим собой?

Я нахмурился и промолчал, затем завел двигатель.

- До завтра.

* * *

На следующий день мне пришлось воевать с представителем окружной тюрьмы, который хотел вернуть нам буйнопомешанного. Они, оказывается, уже сплавляли его в другую больницу две недели назад -

оттуда-то его наверняка и забросили в наше отделение экстренной помощи.

Не успев справиться с притоком адреналина после ругани по телефону, все еще кипя от злости, я отправился на встречу с Кристин Лувье. Учитывая мое состояние, эта встреча не сулила ничего хорошего.

Когда она пообещала засудить меня и хлопнула дверью, я опустился за стол и перевел дыхание, надеясь успокоиться. Но этого мне не дали: из-за двери выглянула большая голова Томаса.

- Вас искал доктор Стивенс. Он злится из-за маленькой девочки, которая все еще в педиатрии. И спрашивает, «где вас вчера весь день черти носили».

- Спасибо, - я кивнул.

- Выглядите уставшим, док.

- Так и есть.

Томас понял, в каком я состоянии, и не стал давать мне дурацких советов - вместо этого одарил меня ободряющей улыбкой и ушел.

Я уныло побрел в педиатрию.

Джулия вновь сидела на кровати. Рядом с ней лежала шахматная доска - судя по положению фигур, оставленная посреди партии. В углу безмолвно мерцал телевизор. Девочка положила себе на колени лист бумаги.

- Привет, - сказал я. График, висевший у кровати, не изменился. Утром я провел целую кучу всяческих тестов, затем с ней разговаривал социальный работник. Джулия не проявила никаких признаков когнитивного расстройства.

Склонившись над кроватью, я стал изучать ее рисунок. С листа на меня смотрела мудрая большеглазая кошка, нарисованная, на мой взгляд, довольно профессионально, в стиле японских мультфильмов. Или тех статуэток в детской.

- Кто побеждает? - спросил я, указывая на шахматы. Скорее всего, она играла с медсестрой, которую потом вызвали на обход.

- Не знаю, я не слежу за игрой, - она пожала плечами, затем взяла другой карандаш и стала раскрашивать кошачьи глаза.

- А кто же играл? - спросил я.

- Джулиана и Джулия.

- Вот как. Значит, ты - Джуни.

- Точно.

Она рисовала левой рукой, стремительно и проворно. Утром, когда я попросил ее отметить варианты ответов в тестах, она пыталась взять карандаш правой рукой, закатанной в гипс.

- Ты - левша? - спросил я сейчас.

Она кивнула.

- Но пишешь правой рукой?

- Не-а, - она нанесла на бумагу несколько быстрых штрихов. - Так пишут Джулия и Джулиана. Я - нет.

Девочка отложила карандаш и подняла голову. Теперь она говорила быстрее, с более четкими интонациями:

- Можно мне завтра домой, доктор Даг?

Я заколебался. Эта внезапная смена тона показалась мне жутковатой. Изменилось и выражение лица - расслабленное всего секунду назад, теперь оно сделалось внимательным, напряженным.

- Джулиана? - спросил я.

- Да.

Мне оставалось только вздохнуть.

- Возможно. Завтра будет виднее.

- Мне надо в школу, - заметила она. - И Джулии тоже.

- А Джуни?

- Она обычно пропускает все мимо ушей. Слушает только на уроках музыки.

- Понятно, - я встал. - Что ж, не засиживайся допоздна. Увидимся утром, хорошо?

- Ладно.

Когда я открыл дверь, за спиной послышался стук по доске. Я обернулся. Неуклюже орудуя загипсованной рукой, девочка сдвинула черную фигуру. Наступила пауза. Затем той же рукой она передвинула красную, после чего откинулась на кровати, и лицо ее вновь приняло расслабленное выражение. Будто став другим человеком, она взяла карандаш левой рукой и продолжила рисовать.

Я вышел в коридор и наткнулся на Стивенса, изучавшего Джулию через стекло.

Он коротко кивнул в знак приветствия.

- Диковинный случай. Очаровательный. Я понимаю, почему вы медлите. Уверен, тут пахнет диссертацией. Но обойтись, думаю, можно и стандартными препаратами. Торазин убьет все эти лишние голоса. Выпишите ее завтра утром.

* * *

Вернувшись в свой жалкий пригородный дом, я обнаружил жену за телевизором на кухне. Сегодня она заказала пиццу - треть дожидалась меня в размокшей картонной коробке.

Мы обменялись приветствиями, после чего я направился к шкафу, собираясь по крайней мере поесть из тарелки.

- Ужасный день на работе, - заметил я.

Она кивнула.

- Сочувствую, дорогой. В последнее время ты говоришь это

ежедневно, - сказав это, она вновь повернулась к экрану.

- Как-то мы уже особо и не разговариваем, правда?

Она нахмурилась.

- Разговариваем.

- Нет. Каждый вечер ты смотришь телевизор за ужином. Мы всегда покупаем готовую пищу.

- Ты хочешь заставить меня готовить? - она напряглась, предчувствуя приближение ссоры.

- Нет-нет. Я только хочу сказать, что у нас же есть время.

- Время?

- Ну да. Раз мы не тратим его на готовку, у нас есть время поговорить.

Она выключила телевизор.

- Хорошо. Говори.

Пиццу мы доели в угрюмом молчании.

* * *

На следующее утро, приехав в больницу, я увидел Кристин Лувье, уже поджидавшую меня на входе. Рядом с ней сидел грузный мужчина в костюме, державший в руках портфель. Увидев меня, Кристин бросилась наперерез.

- Я привела своего адвоката. Советую пригласить вашего.

- Не нужно, - ответил я.

Они последовали за мной в кабинет.

- Я хотел бы поговорить с мисс Лувье с глазу на глаз. Всего пару минут, - предложил я.

- Абсолютно исключено, - отверг адвокат. Он покачал головой и погладил свой гигантский живот, который, заметил я с горечью, по размерам не уступал моему.

Я посмотрел на Кристин. Ее взгляд метался по комнате, выдавая напряженную работу мысли. Затем она посмотрела мне в глаза.

- Одна минута, - согласилась она.

- Настоятельно не рекомендую, - запротестовал адвокат.

- Одна минута.

Адвокат вздохнул и вышел в коридор. Кристин закрыла дверь и повернулась ко мне.

- Итак?

Я сел.

- Я хочу, чтобы вы пообещали, дали мне слово, что вы позовете меня, если заметите какие-нибудь аномалии в развитии Джулии.

Она сдвинула брови и медленно опустилась на стул.

- Вы передумали?

Этой ночью, когда я лежал в постели и не мог уснуть, в моей голове

эхом отдавались слова Стивенса: «Торазин убьет все эти лишние голоса». Это привело меня в ужас, как будто он говорил об убийстве двух... личностей. И тогда, неожиданно для себя, я осознал, что уже верю в рассказ Кристин.

Я постыдился повторять слова главврача, поэтому просто пожал плечами.

- Вы обещаете?

- Зачем вам это?

- Природа не так проста, как вы думаете. Чисто адаптивные мутации исключительно редки. Ваш страх перед недельной популярностью и дурной славой не должен лишать девочку будущего.

После долгой паузы она все же ответила:

- Обещаю.

- Этого недостаточно.

- Что же еще?.. - она бросила на меня сердитый взгляд, но затем, уяснив смысл моих слов, улыбнулась. - Мы обещаем. Все трое.

Я отдал ей уже заполненные документы о выписке. Затем протянул свою визитку.

- Если смогу хоть как-то помочь - пожалуйста, позвоните.

Она кивнула, встала и открыла дверь.

Затем я отправился проводить их. Джулиана - думаю, именно она - помахала мне с порога, стоя перед открывшейся автоматической дверью.

Потом я направился на утренний обход, а в одиннадцать вернулся в свой кабинет и позвонил жене.

- В чем дело? - спросила она, все еще опасаясь продолжения вчерашнего вечера.

- Дорогая, - прошептал я. - Сбеги на часок с работы и пообедай со мной, хорошо?

Ее голос смягчился.

- У тебя все хорошо? Это из-за той девочки?

- Думаю, да.

- Она в порядке?

- С ней ничего не случится, - ответил я. - Все будет в порядке - настолько, насколько это возможно для девочки, потерявшей родителей.

- Хорошо.

- Понимаешь, она заставила меня задуматься. Мне... мне одиноко. Я хочу услышать твой голос. Иногда мне просто хочется поделиться с тобой своими мыслями и узнать, о чем думаешь ты. Порой я... - мой голос дрогнул, но я сопротивлялся подступившим слезам. Сделав глубокий вдох, я продолжил: - Порой я сам вызываю у себя неприязнь. Но когда я с тобой, я нравлюсь себе намного больше.

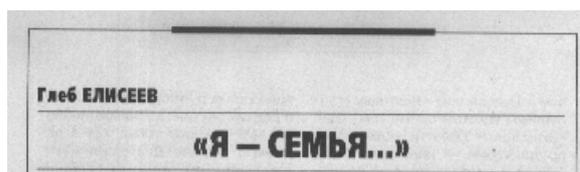
Она долго молчала. Затем прошептала:

- Сейчас приеду.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Craig Delancey. Julie is Three. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

«Я - СЕМЬЯ...»

Психиатрия, пожалуй, самая сложная из наук о человеке, ведь не понятно, где проходит грань между нормой и аномалией. Как подметил Д.Джонс: «Разум от безумия отделяет только тонкая красная линия», но еще точнее выразился один из героев А.А.Галича: «А кто не псих?». Фантасты, эти «испытатели наук», были не прочь вторгнуться и на эту территорию, осваивая ее в соответствии с законами жанра. Вполне естественно, что особым успехом у авторов пользуется расстройство множественной личности (РМЛ), или как предпочитают говорить американские специалисты - «диссоциативное расстройство идентичности».

В медицинских справочниках этот недуг характеризуют как «тяжелое, хроническое расстройство», ранее известное под названием «раздвоение личности». Это когда человек «попеременно ощущает себя то одной, то другой личностью», а поведение его определяет та, которая в данный момент доминирует. У женщин эта болезнь встречается чаще, чем у мужчин, а в целом она проявляется у 4% психически больных, госпитализируемых с другими диагнозами.

Трудность, которая возникает при попытке обозреть тему, связана с тем, что грань между реальным и нереальным, возможным и невозможным в историях о расстройствах множественной личности зыбка и почти неопределима.

В давние времена и в литературе, и в медицинской практике все было гораздо проще: если человек уверяет, что у него не одна, а несколько

личностей, и некоторые из них подбивают его делать пакости, то перед нами либо безумец, либо одержимый. Скорее всего, последний.

Об одержимости сказано еще в евангельских текстах, и сам Иисус Христос показал, как надо решительно действовать в таких случаях, изгнав из человека, страдающего одержимостью, легион демонов. Историй об одержимости достаточно и в средневековых сочинениях, вроде древнерусского сказания «История о бесноватой Соломонии». Однако в период Возрождения черти стали хитрее, научились лучше маскироваться, и уже эпоха Просвещения вывела тему одержимости из разряда «модных».

Реабилитация наступила в эпоху Неоромантизма, когда шло становление литературы ужасов. А еще чуть позже вселяющиеся в людей демонические сущности заполнили страницы всевозможных пальп-журналов и дешевых книг с яркими обложками. В истории жанра самым известным и успешным текстом на эту тему стал «Экзорцист» У.Блэтти, включая его продолжения - кинематографические и литературные. А снятый по первой книге фильм У.Фридкина вызвал настоящий зрительский бум, сегодня он признан шедевром киноужасов.

Однако в рамках нашего обзора куда интереснее другой роман Блэтти - «Легион», где действует целый сонм демонических индивидов и поработанных ими сознаний в теле одного человека. Описанная фантастом картина больше напоминает расстройство множественной личности, чем классическую одержимость с ее яростью, корчами и ярко выраженным безумием больного.

Именно после выхода книг Блэтти, ставших бестселлерами, одержимость становится расхожим штампом в хорроре - литературном и киношном. Бесы-захватчики появляются практически во всех известных телесериалах, посвященных сверхъестественному (например, в классическом сериале «Сверхъестественное»). И в качестве одного из распространеннейших явлений в отдаленном будущем (особенно - среди телепатов) одержимость представлена даже во многих романах по игровой системе «Вархаммер 40 000».

Губит любое произведение на эту тему только банальность развития событий. Ну, что нового в том, что влез очередной чертяга в сознание человека и теперь руководит его поступками? Лишь в редких случаях возникает любопытный поворот темы, как в недавнем романе Д.Грегори «Пандемоний», где демоны склонны прикидываться популярными персонажами американской масс-культуры.

* * *

Несколько менее тривиальной ситуация становится, когда фантаст

объясняет истоки одержимости без привлечения потусторонних сил. Например, у Т.Диша в «Азиатском берегу» одержимость «демонами», которые на самом деле являются частью подсознания героя, приводит его к трансформации в совершенно новую, глубоко чуждую ему личность.

Еще более распространенный вариант - это описание вторжения в сознание инопланетного разума, полностью или частично контролирующего деятельность человека, как, например, в «Пассажирах» Р.Сильверберга, «Игле» Х.Клемента, «Четверо в одном» Д.Найта и «Паразитах мозга» К.Уилсона. Иногда инопланетянин даже не пытается скрыть от окружающих факт захвата чужого тела. Но обычно это приводит к тому, что он становится постоянным обитателем местного психдиспансера, как это случилось с героем книги Д.Брюэра «Планета Ка-Пэкс». А в романе Д.Типтри «Выше стен Земли» целая инопланетная раса пытается при помощи «телепатического мыслепровода» вселиться в сознание землян.

Впрочем, и люди не отстают от пришельцев в стремлении поработить ближнего и завладеть его телом. В некоторых случаях даже часть тела, сохранившая остаток чужой души, может подчинить себе несчастного и вызвать раздвоение сознания. Так, например, произошло с персонажем романа М.Ренара «Руки Орлака», которому пересадили кисти казненного преступника. На более высоком научном уровне и более оптимистично описывает схожую ситуацию Ч.Шеффилд в романе «Сторож брату моему». В подобной ситуации оказывается и герой романов К. Сиодмака «Мозг Донована» и «Память Хаузера», угодивший под влияние сохраненного им мозга умершего преступника. У Ф.Рассела в рассказе «Кресло забвения» описано, как герой-преступник создал специальный аппарат для подключения к сознанию жертвы.

Есть в истории жанра повествования и о том, как одержимость человека человеком возникала в результате путешествий во времени. Например, в результате темпоральных перемещений персонаж обнаруживает себя в одном из своих предыдущих телесных воплощений («Смирительная рубашка» Д.Лондона) или оказывается «подселенным» в тело другого человека (революционер Гелий из повести В.Итина «Страна Гонгури»). В сознание различных исторических персонажей проникал герой романа Д.Чалкера «Остановка на ночной стороне».

* * *

В отличие от одержимости «простое» раздвоение личности издавна воспринималось как сугубо медицинский недуг. Во всяком случае, еще

со времен Просвещения приступы разделения сознания трактовались как безумие, связывались с шизофренией и описывались в литературе. А вот рассказы о раздвоении личности всегда были фантастичны: истории о двойниках, о темной сущности души. Из ранних произведений на эту тему вспомним рассказ Э.По «Вильям Вильсон». Ф.М.Достоевский в повести «Двойник» появление второго «я» героя представляет галлюцинацией. Ярко и убедительно тему раздвоения личности отразил Р.Стивенсон в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда». Свою трактовку сюжетной коллизии этой повести предложили голландский писатель Белькампо в рассказе «Признание» и американский прозаик Г.Эндор в романе «Осознавая себя женщиной». В рассказе Г.Эверса «Смерть барона фон Фриделя» описано расщепление сознания одного человека на мужскую и женскую личности. Борьба между ними завершилась трагически: барон фон Фридель покончил жизнь самоубийством. Позднее, в рассказе «Работа вдвоем» М.Бишоп также описал, как две личности борются за контроль над телом.

Со времен Стивенсона и Эверса мотив раздвоения личности звучит преимущественно в трагическом ключе. В романе «Человек без лица» А.Бестера больная совесть героя предстает в облике ментального фантома. Раскол сознания превращает человека в кровавого маньяка-убийцу («Психо» Р.Блоха); безумием заканчивается тяжелая форма заболевания у гениального скульптора (Г.Ф.Лавкрафт «Гипнос»). В романе Ф.К.Дика «Помутнение» разделение самосознания, ставшее необходимой частью полицейского прикрытия героя, доводит его до окончательного сумасшествия. Трагически заканчивается распад личности для героев С.Кинга в повести «Потаенное окно, потаенный сад» и в романе «Ловец снов».

Нередко под пером писателей-фантастов психическое разделение сознания приобретало и вовсе странные формы. Например, в повести В.Колупаева «Защита» герой мог общаться с собственной совестью по телефону.

* * *

В медицинской практике диагноз «расщепление личности» начали ставить с конца XVIII столетия. В XIX веке наука предложила идею о том, что человек может иметь несколько психических центров, проявляющихся при травматическом жизненном опыте и способных сформировать несколько личностей в одном теле. Опираясь на подобную концепцию, в 1888 году французские врачи Буррю и Бурро издали книгу «Вариации личности», где описали клиническую историю Л.Виве, обладавшего шестью разными личностями с отдельными

индивидуальными воспоминаниями. Тогда же их соотечественник П.Жане создал теорию «диссоциации», согласно которой такие сущности являются действующими психическими центрами в сознании одного индивида. В 1906 году М.Принс в книге «Диссоциация личности» описал случай с К.Фаулер, обладавшей тремя личностями, и предложил способ лечения недуга, базировавшийся на вытеснении в подсознание одних индивидуальностей и объединении других. В 1915 году об экспериментах над пятью личностями пациентки Д.Фишер писал психиатр У.Ф.Принс в книге «Случай множественной личности Дорис».

Шума эти исследования наделали много, вдохновив и фантастов на создание «медицинской НФ». Вполне научно о РМЛ писали О.У.Холмс в романе «Ангел-хранитель», У. Безант в романе «Врата плюща» и С.Вейнбаум в «Мрачном ином».

В то же время в первой половине XX века психическое заболевание с проявлением множества личностей было достаточно редким явлением. Настолько, что в середине 1940-х годов некоторые американские психиатры стали заявлять: подобное заболевание ныне уже не встречается.

Однако в 1950-е годы неожиданно разразилась настоящая эпидемия этого недуга. И существуют гипотезы, что решающую роль тут сыграла... литература.

В 1954 году вышла книга Х.М.Клекли и К.Х.Торбетт «Три лица Евы», где был описан вполне реальный клинический случай пациентки К.Костнер-Сайзмор, у которой проявлялись три личности. Труд вызвал огромный интерес, еще более подогретый экранизацией 1957 года (в 1977-м К.Костнер-Сайзмор заявила, что авторы неверно интерпретировали факты ее жизни, и опубликовала собственную книгу «Я - Ева»). После появления «Трех лиц Евы» симптомы расстройства множественной личности стали диагностироваться все чаще и чаще.

Окончательно характер психической эпидемии болезнь приняла после появления в 1973 году бестселлера Ф.Шрайбер «Сибил», живописавшего историю Сибил Дорсетт, в сознании которой поместилось аж 16 личностей. Книга основывалась на реальной истории болезни американки Ш.Мейсон. В 1976 году вышел телесериал на основе романа, и все большее число американцев стало жаловаться на «расстройство личности».

Эпидемию подогрело увлечение психотерапевтами регрессивным гипнозом, который, увы, использовался активно и бессистемно, несмотря на то что гипнотизер может невольно влиять на ответы пациента. Плачевный результат этой неконтролируемой практики в США - книга «Мишель вспоминает» Л.Паздера и М.Смит. Этот текст спровоцировал еще большую эпидемию, когда пациенты вдруг «вспоминали» о своем участии в культах сатанистов и человеческих

жертвоприношениях. В конечном итоге многие специалисты стали оценивать заболевание как ятрогенное явление, то есть навязываемое психотерапевтом умственно и душевно нестабильному пациенту. Уже к 1980 году число людей, уверенных в том, что они страдают РМЛ, возросло до десятков тысяч.

Определенный вклад в популяризацию исследований расстройства множественной личности внес писатель-фантаст Д.Киз, создавший культовый роман о психологических экспериментах «Цветы для Элджернона». Началось все с того, что писатель в 1981 году заинтересовался историей некоего Уильяма Миллигана, обвиненного в ряде уголовных преступлений. Однако подследственный уверял детективов и подключившихся к делу психиатров, что виноват не он, а 23 личности, поселившиеся в нем. Д.Киз поначалу отнесся с недоверием к истории Миллигана, но пообщавшись с ним, изменил свое мнение. В результате появилась книжка «Множественные умы Билли Миллигана». Сам же У.Миллиган был признан невменяемым, пройдя десятилетний курс лечения в психиатрической клинике, был выпущен в 1991 году. А Д.Киз позже опубликовал еще одну книгу о своем герое - «Войны Миллигана».

По утверждению авторов книги «Чужой в зеркале. Диссоциация: скрытая эпидемия» М.Штейнберг и М.Шналь, сегодня в США наблюдается порядка 30 миллионов случаев РМЛ.

* * *

Реальность практически не дает фантастам шансов на выдумку. То и дело она подбрасывает удивительнейшие казусы. Взять, к примеру, нашумевшую историю с изнасилованием в штате Вирджиния. Обвиняемый, страдающий острой формой РМЛ, пытался доказать, что преступление совершил не он, а одна из 30 личностей, обитающих в его теле. Но это, допустим, понятно: преступник всеми правдами и неправдами пытается уйти от наказания. Но ведь и жертва настаивала на том, что изнасиловали не ее, а одну из множества личностей, контролирующую ее сознание! Суд вынужден был просто отправить преступника продолжать лечение...

Не будем же удивляться, что фантасты ныне не так часто отрабатывают тему в своих книгах. Один из самых запоминающихся примеров мультиличности в НФ (наряду с творением Д.Киза) - главный герой эпопеи Ф.Херберта «Дети Дюны» Лито Атридес, сын легендарного правителя Галактики Пола Муад Дибба Атридеса. Лито объявляет, что его сознание контролирует союз множества сущностей, которым руководит личность одного из его самых отдаленных предков. Будущий бог-император Дюны так описывает свое сознание: «А я -

сообщество, в котором доминирует один, древний и исключительно могучий. Он основал династию, продержавшуюся три тысячи лет. Звали его Харум».

Запущенная форма РМЛ (от девяти и более личностей в одном теле) встречается также у персонажей «Плоского мира» Т.Пратчетта, Д.Мартина и создателей межавторской серии «Дикие карты», «Четырех стихий» Р.Шекли...

В романе С.Кинга «Собрать троих» из фэнтези-цикла «Темная башня» главный герой - стрелок Роланд - извлекает из нашего мира в свой негритянку-инвалида Одетту Холмс, страдающую классическим расстройством множественных личностей. В ее теле скрывается преступница и маниакальная расистка Детта Уокер, ненавидящая белых и мужчин. Зато, в отличие от доброй и боязливой Одетты, психопатка Уокер отважна, решительна и обладает превосходными математическими способностями. Но слияние темной и светлой половинок и, как следствие, возникновение новой синтетической личности Сюзанны Дин происходит при весьма трагических обстоятельствах: невольная самотерапия Одетты-Детты-Сюзанны едва не прикончила иных героев романа.

В другом романе цикла («Бесплодные земли») встречается еще один персонаж с мультиличностью. Правда, он не человек, а разумный компьютер, управляющий сложнейшим монорельсовым поездом. Зовут его Блейн-Моно, а раздвоение компьютерного сознания у него преобразилось в законченное безумие.

* * *

«Соревнуясь» с реальностью и явно проигрывая на этом фронте, фантасты пытались пойти иным путем. Если природа сумела вселить в сознание одного человека множество личностей, то почему бы не придумать обратное: одно сознание, использующее множество тел?

Еще в начале XX века фантасты верили, что в будущем на подобное объединение окажется способно все человечество. Например, люди организуют «всеобщую трансцендентную субстанцию», как в пьесе Б.Шоу «Назад, к Мафусаилу». Советские авторы М.Емцев и Е.Парнов в повести «Душа мира» изобразили, как благодаря специальному биологическому устройству жители Земли научились сливаться в единый сверхразум, а отдельные личности даже получили возможность обмениваться мыслями или телами. Подобная же эволюция человечества описана и в романе М.Жери «Орбита и колесо».

Но в большинстве своем фантасты уверены: такое единение доступно лишь тем, кто обладает развитыми экстрасенсорными способностями.

Классическая НФ-история о подобном психическом организме, составленном из разумов отдельных детей-экстрасенсорики, - роман Т.Старджона «Больше, чем человек». Ну, а циничный вариант развития темы изобразил К.Воннегут в «Балагане, или Более не одинок!», где двое достаточно вредных мальчишек оказались способны сливаться в единый сверхразум. В романе Д.Браннера «Цельный человек» главный герой из групп людей формирует временное коллективное сознание, организуя так называемые «ментальные концерты». Эту же идею использовала Д.Мэй в цикле романов «Изгнанники в плиоцен». А в ее романе «Джек Бестелесный» изображена группа преступников-телепатов, которые, объединяя психические сущности, создают новое существо - Гидру, аморальное и беспощадное, способное совершать идеальные убийства. Целую серию книг о телепатах-мутантах, объединяющихся в единый сверхразум, создал Д.Морган («Новые разумы», «Множество разумов», «Ловушка для разума» и «Страна разума»). В ментальный суперорганизм сливаются сверхлюди-телепаты и у К.Робертса во «Внутреннем колесе».

Особо одаренные телепаты способны объединяться не только с человеческим сознанием. Героиня повести Д.Мартина «Песня о Лии» вошла в коллективный разум инопланетных существ-паразитов. В романе С.Кинга «Мобильник» мутанты объединяются в коллективный разум - свирепый и беспощадный. Да, подобное «ульевое» сознание может обладать многочисленными сверхспособностями, но в нем не будет ничего человеческого...

КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В АНК-МОРПОРКЕ

Терри ПРАТЧЕТТ. НОЧНАЯ СТРАЖА. М. - СПб.: Эксмо - Домино, 2011

«Я больше не мокну ночами напролет под дождем, не борюсь за собственную жизнь в сточной канаве с каким-нибудь бандитом, не передвигаюсь быстрее, чем шагом. Все это у меня отобрали.

Ради чего?

Комфорта, власти денег и прекрасной жены».

Наш старый знакомый начальник городской стражи Сэм Ваймс (теперь уже Ваша Светлость) в центре повествования новой книги Пратчетта.

Казалось бы, герцог Ваймс вполне доволен своим положением, тем более что готовится стать отцом. Но иногда он тоскует по тем временам, когда мог сквозь тонкие подошвы дешевых ботинок чувствовать мостовые. Отчасти поэтому в погоню за психом и убийцей Карцером (Пратчетта какое-то время интересовал секрет харизматического обаяния зла) он пускается сам. И во время головокружительной погони по крышам Незримого университета получает такой удар молнии, что обнаруживает себя в Анк-Морпорке тридцать лет назад, как раз накануне тайного заговора и народного восстания. Тогдашний параноик-патриций и его тайная полиция порядком достали горожан, а городская стража, продажная и равнодушная, противостоят им не могла. А тогдашний Сэм Ваймс еще был зеленым юнцом под началом у старого и глуповатого капитана Мякиша.

Этот мятеж, закончившийся если не поражением, то ничем, мог завершиться гораздо хуже, если бы не чужак из Псевдополиса - сержант Киль. Он сумел сделать так, чтобы законы соблюдались хотя бы на одной-единственной улице Паточной Шахты. И чтобы полицейские не числили восставших горожан врагами, а видели граждан, которых они поклялись защищать. Именно сержант Киль своим примером и сделал когда-то из юного Сэма настоящего полицейского.

Но сейчас Киль убит провалившимся вместе с Ваймсом в прошлое Карцером, и будущему начальнику стражи приходится занять место сержанта: история сама себя пытается направить в одно и то же русло. Нужно учить самого себя «новому анк-морпоркскому стилю» - подчиняться закону, а не властям. Наставляет старый Ваймс молодого Ваймса, но заодно и весь полицейский участок на улице Паточной Шахты, и так удачно, что в конце концов (как и в первом варианте истории Анк-Морпорка) Ночная Стража становится оплотом народного возмущения против параноика и труса лорда Вертуна и его банды «особистов».

В изначальном варианте истории Республика Паточной Шахты просуществовала совсем недолго. Однако сейчас все происходит

немножко по-другому - как знать, вдруг на этот раз удастся переломить ситуацию? Сержант Киль погиб, защищая «сиреневую революцию», а Ваймсу очень надо выжить и вернуться обратно. Но граждане города за его спиной возводят баррикаду - а он поклялся защищать их!

«Свободу, равенство, братство и любовь по разумным ценам!» Анк-Морпорк все-таки получил, но не сразу после революции. Ведь тогда пришел популист, тиран и опять же псих. И только потом появился Витинари.

Молодой Витинари сыграет, кстати, не последнюю роль в этой истории. Равно как и некий подметальщик, знакомый читателям по «Вору времени». Авторское объяснение странных исторических совпадений и многократных повторений ключевых событий ничем не хуже теории Фоменко.

Пратчетт, похоже, опять написал очень своевременную и прозорливую книгу (оригинал вышел в 2002 году). О том, что на самом деле революции делаются респектабельными людьми в вечерних смокингах за бокалом-другим хорошего шампанского. О том, что иногда и марионетки обретают свободную волю, а от воли одного человека зависит, как и куда повернется скрипучее колесо истории. О том, как легко одурачить народные массы, соблазнив их иллюзиями, и эти иллюзии, случается, воплощаются в жизнь.

И еще о том, что противостоять манипуляциям можно, а злу - нужно, как бы тебе ни хотелось домой, к жене и сыну: просто потому, что иначе ты перестанешь себя уважать.

Ну, еще о том, что делать полицейскому в смутное время. Если он, конечно, анк-морпоркский полицейский нового толка.

Мария ГАЛИНА

Рецензии

Рецензии

**Дмитрий ВОЛОДИХИН, Геннадий ПРАШКЕВИЧ
БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ**

Москва: Молодая гвардия, 2012. - 352 с.

(Серия «Жизнь замечательных людей»).

5000 экз.

Новое исследование творчества АБС непременно начнут сравнивать с недавней работой Анта Скаландиса. И напрасно. Авторы биографии, выпущенной в серии ЖЗЛ, решали иную задачу. Если Ант Скаландис

описывал главным образом житейскую судьбу писателей, то внимание Д.Володихина и Г.Прашкевича сконцентрировано на текстах. Соавторы выдвигают собственные (иногда точные, иногда откровенно спорные) интерпретации произведений.

Наверное, героев монографии этот подход вполне бы устроил. Во всяком случае, взгляды Б.Н.Стругацкого на писательские жизнеописания хорошо известны: «Я всегда полагал (и полагаю сейчас), что жизнь писателя - это его книги, его статьи, в крайнем случае - его публичные выступления; все же прочее: семейные дела, приключения-путешествия, лирические эскапады - все это от лукавого и никого не должно касаться...». И хотя соавторы еще в первой главе шуточно отстраняются от этих «директивных указаний», создали они именно творческую биографию, а не сплетение фактов обыденной жизни.

Книга Скаландиса обращена преимущественно к знатокам или компетентным читателям, хорошо знакомым с содержанием, например, «Попытки к бегству» или «Пикника на обочине». Однако Д.Володихин и Г.Прашкевич учитывают уровень гуманитарного одичания современного общества. В ходе своего скрупулезного анализа они подробно излагают содержание повестей и рассказов АБС. И делают это так, что даже человек, лишь поверхностно знакомый с творчеством братьев Стругацких, сумеет понять, о чем говорят критики.

В последние два десятка лет литературоведческие работы - большая редкость в нашем любимом жанре. И появление подобной монографии - реальный вклад в отечественное фантастиковедение.

Игорь Гонтов

АНТИТЕРРОР -2020. Сборник

Москва: Эксмо,

2011. - 448 с.

(Серия «Русская фантастика»)

5000 экз.

Хорошее дело - сборник, в котором правда всегда на стороне тех, кто корчует террор, и никогда на стороне тех, кто его разжигает. Даже ради самых благих идей, даже во имя очередного «правильного» будущего... Очень верно выразился один из авторов: «Нельзя во имя будущего лишать будущего других людей».

В литературном смысле выделяются три текста, авторы которых сумели преодолеть обычную для подобного рода сборников хворь - выложиться в упражнении на заданную тему и... больше ничего. Куда

интереснее использовать эту самую «заданную тему» как предлог поговорить о вечных проблемах. Работа спецов по антитеррору служит в этих случаях всего лишь предлогом для разговора о причудах человеческой сущности, испытываемой на разрыв. Кирилл Бенедиктов в повести «Зайиб» продолжает историю Ардиана Хачкая, центрального персонажа его же романа «Путь шута». Текст хорош тем, что представляет собой, помимо картинок борьбы с террористами, еще и «кадр» из жизни маленького человека, перерастающего в грозную величину - своего рода эзотерическое путешествие по картам Таро.

Леониду Каганову впору давать за рассказ «Магия» Булычевскую премию. Он предложил парадоксальную идею: стать убийцей ближнего, т.е. террористом, в его мире может каждый. Без особых затруднений! Но право на убийство, дарованное людям, как водится, из самых благих намерений, превращает планету в ад. Каганов вежливо напоминает читателю: к лучшему убийством никогда и ничего исправить нельзя.

Составитель Сергей Чекмаев в рассказе «Четыре страницы из черной тетради» предлагает выбор: пусть террористы прикончат одного, если его жизнь стоит многих сотен других жизней... Пусть? А если это твой ребенок?

Тексты неравноценны: есть сильные, есть, мягко говоря, средненькие. Но общий уровень сборника заставляет говорить о нем, скорее, как об удаче.

Дмитрий Михайлович

**Ник ПЕРУМОВ, Вера КАМША
МЛАВА КРАСНАЯ
Москва: Эксмо, 2012. - 480 с.
60 000 экз.**

Роман в жанре альтернативной истории. Авторы явились к старту во всеоружии: у Перумова - богатейший опыт в конструировании вселенных, у Камши - мощная историческая база и талант к закручиванию сюжета. «Маховиком» здесь являются пограничный конфликт на реке Красная Млава и демонстрация силы в качестве увещевания притеснителей православной веры.

Что имеем? Серьезная геополитическая перестройка матушки-России. Перенос столицы с берегов Невы на берег Ладоги, василевсы вместо царей. Заслуживает уважения внимание авторов к деталям: оружию и одежде, именам и топонимам. Очевидна серьезная работа над проектом. Но главным критерием оценки жанрового текста является его увлекательность. А вот с этим, увы, есть проблемы. У Ника Перумова,

как и во многих прежних текстах, чересчур пылкая любовь к затяжным описаниям сражений и бесконечным диалогам; у Веры Камши - некоторая тяжеловесность слова и обилие «литературных излишеств», свойственное авторам с историческим образованием. Серьезные различия в стилистике текста нарушают плавность повествования. Большое количество персонажей также не идет на пользу роману. Гусары и солдаты, генералы и светские львы получились живыми, но все же типовыми, словно срисованными с хорошей, но уж слишком популярной кальки. Кроме того, длинная череда второстепенных фигур не дает возможности как следует сосредоточиться на характерах главных героев. В итоге центральным образам недостает выразительности.

Еще одна гиря на чашу «contra» - нарушение баланса между большим и малым. Доминирование описаний событий великих и грозных над бытописанием обычной жизни с ее радостями и горестями неизбежно создает эффект отстраненности. Все это, думается, вызвано тем, что двум ярким, талантливым авторам тесновато в одной упряжке.

Николай Калиниченко

Джеймс СВАЛЛОУ

DEUS EX: ЭФФЕКТ ИКАРА

СПб.: Азбука, 2011. - 352 с.

Пер. с англ. О. Ратниковой.

4000 экз.

В 2000 году вышла культовая НФ-игра «Deus Ex», главный герой которой - агент антитеррористического подразделения ООН Джей Си Дентон - втянут в водоворот интриг и заговоров правительств и международных корпораций. Спустя 10 лет вышел приквел «Deus Ex: Human Revolution», ставший продолжателем традиций оригинала. И вот теперь появилась первая книга, действие которой развивается в той же игровой вселенной. Перед нами не продолжение игры, а приквел.

Сюжет книги рассказывает о приключениях сотрудника спецподразделения правительства США Анны Келсо и бывшего наемника Бенджамина Саксона, «неосторожно» перешедших дорогу отряду киллеров «Тиран» и загадочной «Группе» - организации, тайно управляющей человечеством. Путешествие обещает быть захватывающим. Еще бы! Штурмовая операция в центре Москвы, освобождение из грузовика для перевозки заключенных, рукопашная с тремя киборгами, да еще на борту самолета, полет на дирижабле, взрыв огромной яхты в центре Женевского озера, загадочные

иллюминаты, попивающие шампанское в ресторане на Эйфелевой башне...

И хотя тот факт, что книга представляет собой новеллизацию, несколько смущает, но в конечном итоге читатель обнаружит добротное приключенческое чтение, к тому же не без культурного бэкграунда и россыпи литературных цитат. Перед нами довольно удачный эксперимент по скрещиванию Уильяма Гибсона с Яном Флемингом. Очень увлекательно, интригующе и с обилием действия.

Однако облик мира будущего, который рисует Д. Сваллоу, оказывается достаточно сложным и неудобным. Перед читателем предстает беспощадное грядущее, где человек постепенно все более и более дегуманизируется, превращаясь в винтики огромного механизма, в котором грань между людьми и машинами постепенно стирается.

Григорий Елисеев

ФЕМИНИУМ. Антология феминистической фантастики.

Сост. Даля Трускиновская

Москва: Снежный ком, 2011. - 480 с.

3000 экз.

В аннотации обещано: «Некоторые завзятые феминистки пишут отличные фантастические рассказы, а некоторые известные фантасты сочиняют истории из жизни отважных, решительных и технически грамотных женщин. Если пригласить тех и других, да еще предложить им взять псевдонимы, чтобы читатель с трудом догадался, кто тут феминистка, а кто фантаст, то получится сборник «Феминиум».

Бог весть, кто есть кто, но амплитуда качества текстов убийственная. От блистательных до абсолютно плоских.

Авторы текстов из первого ряда поступают самым разумным образом: делают из тематического сборника предлог для создания чудесных, тонких произведений, где-то там, «на пятой горизонтали», связанных с «отважными, решительными и технически грамотными». Настоящая жемчужина - жесткая детективная повесть «Имя Йонти», выполненная графично, в тонах старого американского черно-белого кино со стареющим Хэмфри Богартом and so on. Вещь принадлежит перу (хотя уместнее было бы сказать - камере) некоей Шейлы Кадар. «Достойный противник» - большой рассказ Ольги Боронихиной, где худенькая девушка Сафра несколько раз спокойно ставит на кон жизнь и состояние ради независимости своей планеты, своего народа. Это, конечно, очередная вариация на тему «пепел Клааса», зато сделанная на высоком драйве и с завораживающим искусством сюжетного плетения.

Ну, а создатели текстов из второго ряда бесхитростно сводят счеты с противоположным полом, бодро шмаляют газетные юморески и впопыхах монтируют из латиноамериканского католицизма какого-то матриархатного уродца, который готов и государству услужить, и с шаманами договориться о сотрудничестве...

Итак, ощущение от сборника: пятьдесят на пятьдесят. Стакан, как известно, в зависимости от оценки может быть либо наполовину полон, либо наполовину пуст...

Екатерина Кристинина

Пол МЕЛКОУ

СТЕНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Москва: АСТ - Астрель, 2012. - 349 с.

Пер. с англ. А.Шипулина.

(Серия «Сны разума»).

3000 экз.

Для нынешних авторов характерно многократное использование сработавшего приема. Например, удачный рассказ или повесть разгоняются в роман, а то и вовсе в сериал, зачастую убивая всю первозданную прелесть идеи;

По этому же пути пошел и американский фантаст П.Мелкоу, раскатав в романный блин одноименную повесть, ранее опубликованную «Asimov's Science Fiction Magazine» и переведенную, тоже удачно, для журнала «Если».

События в «Стенах вселенной» начинаются с того, что юный американец и потомственный фермер Джон Рейберн сталкивается со своим двойником, надменно называющим себя Джоном Первичным. Он разъясняет ошавевшему Рейберну, что существует невероятное количество параллельных вселенных, где обитает столь же неисчислимое количество Джонов, а он, Первичный, способен путешествовать между ними благодаря портативному устройству перемещения. И только по доброте душевной он предлагает Джону-фермеру совершить краткую экскурсию в соседний мир.

Как тут устоишь перед искушением!

И что любопытно, при чтении повести не возникает вопросов, которые вдруг выпрыгивают, когда читаешь романную версию: откуда у Джона Первичного вообще взялось устройство перемещения? Кто, извините, такие прибабасы производит и где? Да и вообще, есть ли другие странники по параллельным мирам, кроме Джонов-двойников? На некоторые из них читатель все же получит ответы ближе к финалу книги. А на прочие, похоже, они не предусматривались автором

изначально. Тем более что «Стены вселенной» являются только первой частью задуманного цикла. И на языке оригинала роман-продолжение «Разрушенная вселенная» уже анонсирован на июнь 2012-го. Вполне подходящее чтение в год запланированного очередного «конца света»...

Игорь Гонтов

Валерий ОКУЛОВ

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕУДАЧНИК

В этом месяце исполняется 90 лет со дня рождения автора, чье единственное крупное произведение - дебютный роман «Гриада» полвека назад буквально взорвал почти весь читающий Союз. Немолодой уже писатель-дебютант на какое-то время стал едва ли не самым известным, обсуждаемым и... ругаемым фантастом советской литературной жизни начала «оттепельных» 1960-х.

На «Гриаду» Александра Колпакова, вышедшую в 1960 году даже по тем временам немалым тиражом в 215000 экземпляров и проиллюстрированную известным художником Николаем Гришиным, отозвались практически все литературные издания. В течение следующего десятилетия писатель был постоянно в центре внимания критиков, а его единственный роман и рассказы перевели на полтора десятка языков. Анонсировали «Гриаду» щедро: «Научной фантастике автора присущи острые драматические сюжеты, динамичность действия. Его герои - преимущественно советские космонавты, штурмующие просторы Вселенной... совершающие на гравитонной ракете полет к центру Галактики, знакомящиеся с жителями других миров, обладающих высокой цивилизацией... Широкий загляд в будущее, стремление рассказать о людях будущего - привлекательные черты творчества автора... Книга читается с неослабевающим

интересом, она очень актуальна сейчас, когда человечество стоит на пороге полетов в космос». Однако после выхода книги критика обрушилась на роман самым жестоким образом.

В коротенькой заметке «Одухотворенное лицо метagalактиани-на», опубликованной в майском номере «Литературной газеты» за 1960 год, кандидат педнаук И.Назимов анализирует «непонятный стиль» романа: «Биопсихология, эллиптический параболоид, электронно-мезонная форма движения... Лучезарные глаза, устремленные в пространство, выдавали гигантскую работу мысли». В февральском номере за 1961 год «Комсомольской правды» размещают письмо не по годам смышленного восьмиклассника Юры Романова «Тема космическая, а проступок - ученический»: «Сколько в ней надуманных эпизодов, сколько нелепостей, а то и самой обыкновенной чепухи, прикрытой «научными» рассуждениями, которые кажутся сомнительными...». Но самое страшное: начитанный юноша прямо обвиняет автора в плагиате, обнаружив в тексте сцены, «удивительно совпадающие» с романом «Когда Спящий проснется» Уэллса! «У нас в школе это называется списыванием», - заключает школьник Юра. Известный в те годы критик Александр Лейтес на страницах «Учительской газеты» уже профессионально выдворяет за пределы литературного пространства книгу автора: «Малохудожественным и противоречащим основам научного мышления представляется нам роман «Гриада», разошедшийся большим тиражом...».

Досталось Колпакову и от коллег по цеху. В статье «Отражение мечты» (1961) советский фантаст Виктор Сытин каленым железом партийной критики клеймит «зарвавшегося» писателя: «Интерес к проблеме завоевания космоса вызвал ряд поспешных и примитивных, конъюнктурных и спекулятивных произведений. О бесконечных приключениях космонавтов, залетевших непонятно как «к центру галактики», - «Гриада» Колпакова. В случае с его «творчеством» мы имеем дело не только с уголовной и беспардонной халтурой, но и с воинствующей аполитичностью...». Возмутил роман и мэтра «твердой» НФ Анатолия Днепров, поскольку «ни одно выдвинутое положение автор не доказывает... Роман - типичный образец произведений, где титр «НФ» используется не по назначению».

Справедливы ли были критики? Если начистоту, некоторые из претензий имели под собой основание. В самом деле, первая часть романа перегружена невыверенными, скажем так, «научно-популярными» объяснениями и наивными мечтаниями, автор пренебрегает им же цитируемым пожеланием И.С.Тургенева: «Избегай говорить напыщенно». Приключения героев на Гриаде часто выдуманы только ради самих приключений. Но ведь перед нами космическая опера! Жанр, который, как правило, пренебрегает научной точностью ради сюжетной динамики.

Хотя с Днепровым можно поспорить: собственно научно-фантастическая составляющая романа даже сегодня выглядит впечатляюще. В 2260 году межзвездник Андреев и «второй Эйнштейн» академик Самойлов готовятся к полету на гравитонной ракете на 30 000 световых лет. При старте «малютки» (всего-то 300 метров) «Урании» с лунного космодрома происходит «заметное смещение Луны с орбиты». «Пожирающий пространство» звездолет достигает скорости света и... оказывается в межгалактическом пространстве - 307 000 парсеков одним махом! Масштабы, достойные канонів космоперы! К тому же отлично выполнены описания Гриады и грианоидов.

Тамошний «золотой век» лицемерен и лжив, действует «мощная идеологическая машина». В борьбе за «правое дело» землянам помогают трехметровые гиганты-телепаты из другой Метагалактики, для которых и 83 миллиарда парсеков - не предел. Боевые действия с применением «лучистой энергии» заканчиваются, разумеется, победой «наших», после чего благодаря технологиям метагалактиан герои возвращаются на Землю всего за два часа. Спустя миллион лет, прошедших с момента старта к Гриаде, героя встречает его возлюбленная, все это время ожидавшая часа встречи в криокамере Пантеона Бессмертия... Новая физическая теория освещает запутанные вопросы земной физики. Словом, обвинять автора в отсутствии фантазии, согласитесь, нелепо! Да и неслучайно в знаменитом «Регистре НФ-идей» Генриха Альтова (подкласс «Космические происшествия») имя А.Колпакова встречается не менее десятка раз!

Родился будущий офицер, журналист и фантаст 15 февраля 1922 года в Нижнем Поволжье, в селе Мачеха Царицынской губернии, впоследствии - Киквидзенского района Сталинградской области. Отец служил на границе «с Турцией или с Пакистаном», затем занимал руководящие должности, в 1937 году был репрессирован. Мать, спасенная им при переходе ирано-российской границы, ушла из жизни очень рано. Сашу и сестру Лизу воспитывала мачеха, в детстве они жили в казачьей станице на Дону. После окончания средней школы Александр недолго работал литсотрудником в районной газете. В 1940 году был призван в РККА, прошел всю Великую Отечественную войну, служил в арtpолку. В 1944-м был отозван с фронта на командирские курсы, уже офицером прослужил в армии еще одиннадцать лет. Учился в Военно-химической академии имени К.Ворошилова, но после ее окончания неожиданно ушел с военной службы в звании капитана. После демобилизации до середины 1970-х работал в московских НИИ инженером-химиком, научным сотрудником, завлабораторией. Получил ряд авторских свидетельств на изобретения в области химтехнологии.

По собственному признанию, тягу к литературе испытывал с детства.

После войны начал писать, с 1955 года уже публиковал научно-популярные статьи в газетах и журналах, выпустил две брошюры в популярной тогда серии «Новое в жизни, науке и технике» - «Щедрая кремнийорганика» (1962) и «Металлы в органических молекулах» (1964). Иногда выступал и в качестве литературного критика, писал о фантастике.

Дебютом в жанре стал фрагмент романа «Гриада» в журнале «Что читать» (1959), а в октябрьском номере журнала «Знание - сила» за тот же год увидел свет и первый НФ-рассказ писателя «Один», позже переработанный в повесть «Альфа Эридана» (1960). В начале 1960-х Колпаков - в когорте самых перспективных советских фантастов; вместе с А.Стругацким, А.Днепровым и С.Гансовским он участвовал в работе литобъединения при издательстве «Молодая гвардия». В течение следующих четырех лет (1960-1964) Александр Колпаков опубликовал еще восемь повестей и рассказов, но читатели и критики восприняли их прохладно.

Шаг в сторону - приключенческая повесть «Цена миллисекунды» (1961), опубликованная в «Юном технике». И снова негодование критиков. Некто А.Ручкин в «Горестных заметках» (1962) возмущался: «Капиталисты, доллары, виски - откуда это у советского писателя?..». В январе 1965 года Аркадий Стругацкий пишет редакторский отзыв (внутреннюю рецензию) на рассказ Колпакова «Континуум два зэт». Отмечая «буйную фантазию автора» (надо обладать незаурядным воображением, чтобы построить такой мир - из сфероидов, лучей, субстанций и всего прочего), он все же заключает: «Рассказ не годится для опубликования... Банальности, тривиальности, опять мотивы жертвенности, опять смерть и споры, кому остаться жить...». Этот отзыв поставил точку в некогда дружеских отношениях двух писателей...

В 1964 году А.Колпакову удалось издать в серии «Короткие повести и рассказы» издательства «Советская Россия» тоненькую книжечку «Море Мечты», включавшую заглавный рассказ, где автор попытался уйти от собственных стереотипов. Это космическая фантастика «ближнего прицела» - о полете «Востока-10» к Луне и вынужденной посадке на обратной ее стороне...

В 1960-е годы основным источником доходов для Колпакова стал ежегодник «На суше и на море», на страницах которого были напечатаны шесть его рассказов, в том числе и забракованный Стругацким «Континуум два зэт» (1966). Рассказ, конечно, из конца 1950-х: Колпаков так и остался во времени космического пафоса и жертвенности. А вот встреча со сверхвысокой цивилизацией в странном мире пространственной ловушки описана на редкость интересно. Уж в чем в чем, а в умении фантазировать Александру Колпакову не откажешь.

В эти годы проявилась склонность писателя к мистификации, он печатался под разными псевдонимами, переписывал заново старые рассказы. В 1971 году вышла последняя прижизненная книга Колпакова - сборник рассказов «Нетленный луч». Уже в 1970-х Колпаков все реже выступал в жанре: за 20 лет было опубликовано всего пять рассказов. Да и печатался автор все больше в региональных изданиях вроде «Дальнего Востока» и «Ашхабада». В московские сборники его уже не звали. Черное пятно в биографии писателя - подпись (вместе с А.Казанцевым) под открытым письмом в газету «Правда» о засилье в фантастике сионистов и ущемлении прав русских авторов...

В 1980-е Колпаков зарабатывал на жизнь в основном журналистикой и «переводами» с туркменского и прочих республиканских языков (как говорили в те времена, «перевод с узбекского на сберкнижку»). Неизданным остался и второй его роман «Восьмая спираль», который, по словам сына писателя, на самом деле представляет собой существенно переработанный вариант «Гриады» с неожиданной и оригинальной концовкой.

Умер писатель в сентябре 1995 года в дороге, возвращаясь в Москву из Ашхабада, где гостил у сестры...

Как ни странно, но Александра Колпакова, можно сказать, миновала горестная судьба писателей второго эшелона. Он не забыт, хотя написал немного и оценка его творчества противоречива. Уже в новом тысячелетии вновь стали появляться публикации о нем в жанровой периодике, журналы перепечатывают его старые рассказы - читатель истосковался по искренней романтике. А одной из самых дорогих и редких книг на букинистическом рынке фантастики остается «Гриада», которую, без преувеличения, желает иметь в своей коллекции каждый знаток НФ. В 2010 году вышло переиздание романа, правда, довольно скудным тиражом. А не так давно в интернете открылся фант-сайт, посвященный роману «Гриада».

Фантазером и романтиком запомнился писатель сыну Алексею Александровичу, стараниями которого и появилось переиздание «Гриады». Колпаков все время что-то сочинял. Говорят, он даже свою биографию выдумал. Да и каков он был на самом деле, литературный неудачник, написавший одну из самых знаменитых НФ-книг советской эпохи?

Вл. ГАКОВ

ЗАПОВЕДНИК ПРИМАТОВ

Подобно Роберу Мёрлю, французский писатель Пьер Буль, столетие со дня рождения которого отмечается в этом месяце, научным фантастом себя не считал. Однако, как и Мёрль, написал не одно, а несколько произведений, без коих мировую фантастику XX века представить немислимо. Так что говорить о случайной, мимолетной «связи» видного прозаика с жанром, которому на родине Буля еще полвека назад прочили место преемника бульварного «полицейского романа», в данном случае не приходится.

Хотя большинство произведений мэтра переведено на русский язык, многим российским читателям фантастики французский писатель известен одним-единственным произведением. Не говоря уже о зрителях, понятия не имеющих, кому они обязаны киносагой о «планете обезьян»...

Пьер Франсуа Мари Луи Буль родился в старинном Авиньоне - том самом, где некогда восседали папы-раскольники, «изменившие» родному Риму. Буль тоже вырос в католической семье, был крещен, но на всю жизнь остался убежденным агностиком. В 1930 году будущий писатель окончил в Париже престижную Высшую электротехническую школу с дипломом инженера и шесть лет работал по специальности. А затем вдруг резко решил изменить свою жизнь: отправился в далекую Малайю, тогда британскую колонию, работать техником на каучуковых плантациях.

Там с ним случилась романтическая история, о которой впору читать в «дамских романах». Молодой инженер встретил соотечественницу и влюбился. Она была разведена, принимала от воздыхателя любовные письма, но дальше этого дело не пошло. Спустя какое-то время возлюбленная Буля все же решила вернуться к мужу - важному чиновнику, служившему во французском Индокитае. Когда началась

Вторая мировая война, супруги бежали в Малайю, во время всех этих перипетий умер их ребенок, а уже после войны Пьер Буль снова встретил свою первую любовь, и их платоническая связь продолжалась не одно десятилетие...

А за годы войны он сам испытал такое, о чем пишут уже в военно-политических детективах. В первый год Буль воевал в составе французского корпуса в Индокитае, а после того как немцы оккупировали его родину, явился в сингапурское представительство деголлевской «Свободной Франции» и попросил записать его добровольцем. В Сингапуре он окончил разведшколу, обучился взрывному делу и под именем Питера Джона Руля выполнял секретные задания в Бирме, Китае, французском Индокитае.

Там же подобные задания выполняли и соотечественники Буля, сражавшиеся по другую сторону баррикад, - агенты коллаборационистского правительства Виши. В 1943-м вишисты схватили Буля на территории современного Вьетнама и должны были расстрелять «шпиона и диверсанта», но приговорили его к пожизненному заключению в местном концлагере в окрестностях Сайгона. В принципе, тот же смертный приговор, но отсроченный: изнуряющий физический труд в душных малярийных джунглях, постоянное недоедание и свирепость охранников должны были обеспечить приведение приговора в исполнение лучше всякой пули.

Но Буль сумел совершить побег. Чудом выжив в джунглях, он наткнулся на английский экспедиционный корпус, в составе которого прослужил до конца войны. В 1945-м Пьер вернулся на родину, где был удостоен высших воинских наград - ордена Почетного легиона, Военного креста и медали Движения Сопротивления.

Всю оставшуюся жизнь писатель не только поддерживал связь со своими друзьями-однополчанами, но и постоянно возвращался к пережитой войне в своем творчестве.

* * *

Писать Буль начал еще в Индокитае - тайно вел дневник в лагерном бараке. Вернувшись на родину, он устроился было на каучуковую фабрику в Париже, но вскоре пополнил ряды безработных, которых в послевоенной Франции хватало. И тогда снова махнул в Малайю, на уже знакомые плантации. Потом Буля занесло в Камерун, и лишь в 1949-м он окончательно вернулся в Париж, чтобы посвятить свою жизнь литературному творчеству.

Денег на покупку собственной квартиры не было, и начинающий писатель сначала перебивался в дешевом отеле рядом с вокзалом Монпарнас, а затем его приютила родная сестра: она только что

овдовела и жила в большой квартире с дочерью Франсуазой. Брат настолько привязался к племяннице, что заменил ей отца и даже хотел официально удочерить. Этого не случилось, но семья сестры стала для Буля его собственной. Другую он иметь не захотел, так и прожив всю жизнь холостяком.

* * *

Свой первый роман «Уильям Конрад» Буль опубликовал в 1950-м, когда ютился в привокзальном отеле. Дебютная книга, как и последующая - «Святотатство в Малайе», годом позже, - остались почти незамеченными. Прошел еще год, и в одно прекрасное утро писатель проснулся знаменитым. Его во многом автобиографический роман «Мост через реку Квай» стал бестселлером. Сначала национальным, а после 1957 года, когда по экранам мира с триумфом прошел одноименный фильм английского режиссера Дэвида Лина, и международным.

Роман был основан на реальных событиях - строительстве в 1942-1943 годах 400-километровой железнодорожной ветки в бирманских джунглях, прозванной «дорогой смерти». Потому что строили ее заключенные японского концлагеря, пленные солдаты и офицеры войск союзников - французы, англичане, американцы, а также пригнанные на работу местные жители, и за время строительства погибло 16 тысяч белых эков и более сотни тысяч местных.

Роман стал одним из самых сильных антивоенных произведений прошлого века во всей мировой литературе. А его экранизация с Алеком Гиннесом в главной роли с триумфом прошла по экранам мира, стала кассовым рекордсменом и принесла создателям семь статуэток «Оскар», включая главную - за лучший фильм года. Премию «Оскар» получил и Пьер Буль - за лучший сценарий. Он собственноручно принял золотую статуэтку на торжественной церемонии в Голливуде, хотя не прикасался к сценарию, поскольку не знал английского. Говорят, что это была кратчайшая благодарственная речь лауреата за всю историю премии, состоявшая из одного слова: «Merci». Однако в титрах значилось его имя, потому что реальные авторы сценария Карл Фримен и Майкл Уилсон тогда пребывали в «черном списке» коммунистических «симпатизантов», в Америке развернулась маккартистская «охота на ведьм» и создатели картины решили не дразнить собак¹²...

¹² * *Правда восторжествовала лишь в 1984-м, когда имена обоих сценаристов были официально внесены в анналы Американской киноакадемии, присуждающей «Оскар». А ирония истории состояла в*

Впрочем, одну престижную премию на родине Пьер Буль успел получить и до выхода своей самой знаменитой книги. В 1953 году появился его сборник научно-фантастических рассказов и повестей «Абсурдные истории» (или «Сказки абсурда»), завоевавших литературную премию Grand Prix de la nouvelle. После этой книги, содержащей многие известные любителям фантастики произведения - «Бесконечная ночь», «Идеальный робот», «Царство мудрецов» и другие, начался долгий и драматичный «роман» писателя с литературой, от которой в те времена серьезный французский читатель и критик, что называется, нос воротил.

Пьер Буль хорошо чувствовал отношение к жанру. И в 1967 году, отвечая на вопрос «Почему я стал фантастом?» для специального номера журнала «Иностранная литература», посвященного научной фантастике, Пьер Буль ответил:

«Ни в коей мере я не могу утверждать, что предпочитаю жанр научной фантастики. Я действительно написал в этом жанре несколько новелл и один роман «Планета обезьян», но это, в общем, составляет лишь незначительную часть моего творчества.

Однако мне кажется, что нельзя и пренебрегать этим жанром (впрочем, как и всеми остальными). Я, сказать по правде, не сторонник привилегированных жанров в литературе. Безусловно, научная фантастика таит в себе множество новых возможностей и дает богатую пищу воображению, но лишь при условии, если не рассматривать ее как обособленное, изолированное от общего потока литературы течение, иначе произведения, зачисленные в жанр научной фантастики, постигнет печальная участь полицейских романов и романов о шпионах, они потеряют какую-либо художественную ценность и станут скучными и неинтересными».

В 1957 году вышел новый сборник « $E=mc^2$ », заглавная повесть которого представляет собой один из ранних примеров «альтернативной истории» в мировой фантастической литературе. В этом произведении впервые проявился талант автора к доказательству «от абсурда», в полной мере раскрывшийся в «Планете обезьян». В «параллельных» сороковых группа ученых-атомщиков отказывается от участия в создании бомбы и ставит перед собой цель противоположную - превращение энергии в материю. Однако знаменитое уравнение Эйнштейна, вынесенное в заголовок, жестко действует «в обе стороны»: социальные уравнения не менее беспощадны, чем физические константы! В результате и в этом альтернативном мире, в котором трудятся ученые-идеалисты,

том, что в Белом доме тогда пребывал один из главных голливудских антикоммунистов времен маккартизма - бывший актер Рональд Рейган. (Здесь и далее прим. авт.)

Хиросима не избежала своей участи, погребенная под неведомо откуда взявшимися «грудами урана».

Впрочем, парадоксами и доведенными до логического конца невероятными предположениями, составляющими суть настоящей научной фантастики, писатель занимался и до этого. Хорошо известные современному читателю временные «хроноклазмы», в начале пятидесятых еще не ставшие расхожим сюжетным приемом, описаны в изящной повести «Время сошло с ума», известной у нас под названием «Бесконечная ночь». А знаменитые азимовские законы роботехники творчески развиты и дополнены в рассказе «Идеальный робот», где машины изначально несовершенны и поэтому не вызывают у людей комплекса неполноценности (это обеспечено внедрением в программу роботов изначально заданных будущих ошибок). В вышедшей чуть позже новелле «Сердце галактики» полученная из космоса весточка от «братьев по разуму» после расшифровки оказывается простым рекламным слоганом. Что касается произведений, в которых затронуты вопросы религии: «Когда не вышло у змея», «Чудо», «Загадочный святой», - то уж тут для последовательного агностика и иконоборца было где разгуляться.

* * *

А потом была еще раз прославившая Буля «Планета обезьян» (1963), вызвавшая восторги читателей и критиков и переведенная на многие языки. Нет нужды пересказывать хорошо известный сюжет, но вот об истории появления книги у нас напомнить стоит.

Прорвалась она к нам в шестидесятые. Мрачная басня о человечестве, захлебнувшемся в болоте им же созданных вещей, уступившем Землю эволюционировавшим обезьянам, отечественными «инстанциями» была вполне справедливо расценена как антибуржуазная и лишь потому достойная публикации. Никаких иных пластов, к счастью, тогда не заметили, и книга, в которой всем сестрам роздано по серьгам, увидела свет на русском, заразив думающего читателя тревогой, весьма далекой от конъюнктурных целей тогдашней «контрпропаганды». Ведь автор почти в открытую заявляет, что земная цивилизация погибла от скудоумия и «тех», и «этих». И за случившееся в равной мере ответственны обе главные политические силы на планете, не желавшие уступить сопернику ни пяди. Как бы то ни было, в 1967 году в авторском томе Пьера Буля, вошедшем в состав незабвенной подписной Библиотеки современной фантастики, появился перевод «Планеты обезьян».

Новый всплеск интереса к роману Буля вызвала экранизация, осуществленная в «революционном» 1968 году режиссером

Франклином Шеффнером. На сей раз фильм был голливудским и к литературному оригиналу отношение имел опосредованное. Печальная и тонкая интеллектуальная притча в духе европейской традиции, идущей от Свифта и Вольтера, на экране свелась к эффектному костюмированному боевику. Правильнее сказать - «гримированному», ибо львиная доля успеха пришлась как раз на обезьяньи маски, в одночасье ставшие популярными. Не делает картину серьезнее даже ударный финал - полузасыпанная статуя Свободы на границе радиоактивной пустыни, однозначно указующая на местоположение «планеты обезьян». Подмена очевидна: более обкатанная к тому времени в массовой литературе и кино «ядерная катастрофа» вместо «катастрофы вещей» в романе Буля.

Как бы то ни было, фильм имел успех, стал классикой кинофантастики и был номинирован на три «Оскара», в результате заслужено получив одну заветную золотую статуэтку - за лучший грим. Более всех, казалось, был удивлен неожиданному успеху сам автор романа, полагавший, что его произведение принципиально не поддается экранной адаптации. Однако обезьяньи маски «вытянули» еще четыре фильма-сиквела, два телесериала и один мультсериал, комикс-версию и появление индустрии игрушек, сувениров и прочего, на которых выросло целое поколение фанатов^{*13}.

* * *

С «Планетой обезьян» альянс Пьера Буля и НФ не закончился. Хотя следующие его книги - фантастические или с элементами фантастики - заметно уступают самому успешному роману писателя.

Сюжет «Сада Канашимы» (1964), увы, устарел уже спустя пять лет после выхода романа. Потому что, по Булю, космическая гонка двух сверхдержав заканчивается победой третьего игрока, которого никто не воспринимал всерьез, - это Япония, раньше всех высадившая человека на Луну! Правда, астронавт-камикадзе профессор Канашима заведомо обрекал себя на гибель во имя родины, так как полет мог быть осуществлен только в один конец. Однако эта отчаянная попытка японцев во что бы то ни стало обогнать русских и американцев имела результат прямо противоположный. Нации Земли осознали наконец абсурдность и разорительность (в обоих смыслах - неоправданная трата и денег, и человеческих жизней) затеянной гонки и объединили свои усилия в деле освоения Космоса.

¹³ * *Недавний фильм «Восстание планеты обезьян» (2011) Руперта Уайта, вопреки анонсу, практически никакого отношения к сюжету романа Буля не имеет.*

Ушел в прошлое и сюжет второго романа «Уши джунглей» (1972), действие которого разворачивается во время вьетнамской войны, а единственным фантастическим допущением является электронный прибор, позволяющий прослушивать значительные территории из отдаленного центра. Зато по-прежнему актуальна тема третьего романа «Прекрасный Левиафан» (1978): экологическая катастрофа, которую в романе вызвала авария в открытом океане нового супертанкера.

Не теряет актуальности и более ранний сатирический роман-памфлет «Игра ума» (1971), в котором автор «Планеты обезьян» снова едко издевается над главной амбицией людей - называться «человеками разумными». В недалеком будущем на планете возникает очередная утопия: власть принадлежит всемирному правительству ученых (в составе кабинета - поголовно нобелевские лауреаты!), которому удастся решить многие из наболевших проблем человечества. Кроме одной-единственной - изменения природы самого человека. А последняя нуждается в регулярном выходе агрессии, для чего в утопии и организуются кровопролитные «военные игры». Этот роман, как и ряд реалистических книг Пьера Буля¹⁴, был награжден литературной премией.

Писатель умер 30 января 1994 года в Париже. В той самой квартире сестры, где прожил почти четыре десятилетия. А спустя год после его кончины любимая племянница, разбирая вместе с мужем погреб, нашла неизвестные рукописи писателя. Незаконченный труд (полуроман, полуисследование) полвека пролежал забытым в сундуке со старыми письмами и был издан посмертно под названием «Археология и загадка Нефертити». Ну, действительно, не жизнь - роман!

ТЕОРИЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Известный ученый и по совместительству писатель-фантаст верит в силу Науки, поэтому готов смотреть в будущее с

¹⁴ * Среди произведений писателя, не относящихся к фантастике, выделяются романы «Ремесло Господа Бога», «Палач», «Бремя белых людей», «Фотограф».

оптимизмом. Да и читатели вроде бы заразились картиной недалекого будущего, которую предлагает ученый-фантаст, но не все... А вопрос звучал исключительно по-научному: «Эксперимент, показавший, что скорость нейтрино может быть выше скорости света, полностью выбивает почву из-под существующей физической картины мира. Какой же сценарий развития науки и цивилизации наиболее вероятен?».

Ответы распределились следующим образом:

Для создания новой картины мира понадобится не один десяток лет, но перед этим мы переживем период хаоса в науке - 15%;

Человечество окажется неспособно создать новую теорию мироздания и впадет в эпоху, подобную временам алхимии и мистики - 3%;

Будут извлечены из хранилищ сотни открытий, ранее отклоненных. Физика получит новый импульс к развитию, и в ближайшие годы мы станем свидетелями новой научно-технической революции - 47%;

Наука как таковая перестанет существовать, все научные институты приостановят свою деятельность, и любое финансирование научной работы запретят как противоречащее разуму - 3%;

Будут созданы Нуль-Т и Машина времени - 12%;

Мы все умрем как страшно жуть - 20%.

Всего в голосовании приняли участие 402 человека.

Прежде чем анализировать итоги голосования, мне бы хотелось подробнее раскрыть смысл вопроса. Достижения науки в последнюю сотню лет раздвинули мир, данный нам в ощущениях, до невероятных размеров. Мы спокойно оперируем расстояниями в триллионы километров, изучаем планеты, подобные Земле, на удалении в 600 световых лет и пытаемся поймать бозон Хиггса, работая в пространственных масштабах настолько малых, что их даже нельзя себе представить. Мы ввинчиваем в люстру светодиодные лампочки, которые потребляют мощность в единицы ватт, в то время как современные лазеры излучают мощности в петаватты (10^{15} ватт). Современный мир полон достижений, которые стали возможны только благодаря науке.

Но все, что нельзя потрогать руками или оценить другими органами чувств, мы исследуем приборами, делая выводы о предмете исследования по показаниям этих приборов и физической модели, объясняющей нам значение показаний. И вот здесь уже в познании Вселенной на первый план выходит именно физическая модель мира.

К началу XX века для объяснения многих результатов физических экспериментов потребовалась теоретическая модель, которая могла бы свести их все в одно целое. Гений Эйнштейна и не в меньшей

степени гений Минковского способствовал созданию достаточно парадоксальной, но позволявшей многое объяснить Специальной теории относительности. Не буду останавливаться на основных ее постулатах - они хорошо известны каждому читателю «Если». Да и не в ней дело, а в том, что в настоящий момент любой результат физического эксперимента рассматривается только на основании этого базиса и построений, которые из него следуют. Проще говоря, ни один научный журнал не примет статью, в которой будет написано, что по результатам исследования нечто пролетело быстрее скорости света. Ведь если на минутку предположить, что скорость света в вакууме не является мировой константой, то уже никто не сможет объяснить ни процесс деления ядра, ни принцип работы полупроводникового транзистора, ни устройство телевизора. Однако все, что создало человечество, работает. И потребитель даже не задумывается о том, какая модель лежит в основе работы окружающих нас приборов. Но прогресс не стоит на месте: регулярно появляются сообщения, что при определенных условиях, возможно, имеются нарушения главной модели мира.

И вот тут уже появляются вопросы. А может, звезды не так далеки от нас, как кажется? А может, гравитация, природа которой до сих пор так же непонятна, как и во времена великого Ньютона, все-таки поддается управлению? А может, мы создавали полупроводниковую электронику не самым оптимальным путем? Вопросов хватает, и все они пока остаются без ответов. Пусть даже эксперимент с нейтрино и окажется ошибочным (хотя трехлетнее повторение результатов говорит уже о многом), но давайте пофантазируем, что этот результат верный. Или будет другой, точно так же разрушающий устои. А вот возможные сценарии развития такой ситуации и оценили читатели.

К счастью, пессимисты, убежденные, что наука вообще отомрет, а человечество и вовсе откатится в эпоху алхимии и мистики, оказались в меньшинстве.

И это радует. Как мне кажется, именно оптимизм наших респондентов тому порукой. Несмотря на повальное доминирование фэнтези в фантастической литературе, мало кто мечтает жить по законам иррациональным и средневековым. Материальность мира у нас уже давно «в крови». Ну, а то, что науку перестанут финансировать в силу проблем с моделью, это тоже неверный сценарий. Ее и так перестают финансировать. И у нас, и на Западе.

Романтической вере в создание Нуль-Т и Машины времени досталось лишь третье место с конца. Мне искренне жаль, что этот вариант ответа оказался столь непопулярным. Вероятно, потому что нынешние сочинители, в отличие от своих литературных учителей, отнюдь не апологеты дальних космических путешествий и охоты на бабочек в силурийском периоде. Но все равно надежда не умрет, пока есть

романтики, верящие в создание Машины времени. Так и хочется сказать: «И Космос, и Время будут нашими!».

Следующую позицию в рейтинге занял вариант «Для создания новой картины мира понадобится не один десяток лет, но перед этим мы переживем период хаоса в науке». Это очень сбалансированный и реалистичный вариант. Приходится признать: этот сценарий, видимо, наиболее вероятен, хотя и тянет за собой вариант с прекращением финансирования.

В большинстве оказались те, кто убежден: когда-нибудь непременно извлекут из хранилищ сотни открытий, ранее отклоненных, а физика получит новый импульс к развитию. Уже в самые ближайшие годы мы станем свидетелями новой научно-технической революции. Должен сказать: эти мечты не беспочвенны. Я уже говорил о сложившейся практике в физике, когда любая работа, противоречащая теории относительности, не рассматривается, поскольку и опровергается с точки зрения этой же теории. Вот и осталась за бортом масса результатов, которые могли изменить мир. Представьте, что вдруг прорвалась плотина знаний, сдерживающая полет мысли. Мы изменим представление о Вселенной, звезды окажутся ближе - и потому что научимся летать быстрее скорости света, и потому что предыдущие измерения расстояний оказались неверны. Простые реакторы на холодном термоядерном синтезе будут стоять в подвале каждого дома, снабжая дармовой энергией его жителей. Небо и земля очистятся от вредных выбросов, и на полях, согретых искусственным солнцем, будут снимать по три, а в колхозах-передовиках и по четыре урожая в год. Жизнь на Земле постепенно приблизится к утопической. Настанет всеобщее процветание.

И это было бы возможным, если бы не извечный, застревающий в зубах сценарий, который занял почетное второе место: «Мывсеумремкакстрашнажить...».

Сергей СЛЮСАРЕНКО

Курсор

Курсор

Международный конгресс футурологов и писателей-фантастов, получивший название «Байконур», проходил 30 ноября - 2 декабря в столице Казахстана Астане. Конгресс был приурочен к 20-летию независимости республики и 50-летию первого полета человека в космос. Были оглашены итоги конкурса фантастических рассказов

«Байконур-2011.», состоялись мастер-классы, открытые лекции, литературные встречи, выставки книг казахстанских и мировых писателей-фантастов, кинопоказы. Кроме местных писателей и любителей фантастики в конгрессе приняла участие представительная российская делегация, в составе которой уроженцы Казахстана Сергей Лукьяненко и Тимур Рымжанов, фантасты Василий Головачёв, Николай Ютанов, публицист Сергей Переслегин и другие. Всем им была предоставлена возможность провести собственные мероприятия.

✦ **Экранизацией** научно-фантастического романа Филипа Дика 1966 года «Now Wait for Last Year» займутся студии Lila 9th и Electric Shepherd Productions. На русском этот роман выходил под названиями «Когда наступит прошлый год», «Наркотик времени» и «В ожидании прошлого». Интересно, что продюсером картины станет и дочь писателя Иза Дик Хэкетт. Поможет ей работавший над «Властелином Колец» Барри М.Осборн. Работу над сценарием поручили Теду Куперу, но с режиссером и актерами пока не определились. Начало съемок назначено на третий квартал 2012 года. Действие романа происходит в XXI веке. В разгар космической войны Земля договаривается о сотрудничестве с планетой Лилистар. Доктор Эрик Свитсент случайно принимает галлюциноген, переносится во времени и выясняет, что и у врагов, и у союзников совсем не те цели и задачи, как они видятся землянам.

✦ **Московский цирк** на проспекте Вернадского в конце декабря 2011 года представил фантастический новогодний спектакль по мотивам произведений Кира Булычёва об Алисе Селезнёвой. По сюжету Алиса попадает на планету Зляндия, где космические пираты хотят похитить у Деда Мороза кристалл счастья. Добро в итоге, конечно же, побеждает. Главная особенность этого новогоднего спектакля в том, что здесь продемонстрированы цирковые номера трупп из девяти стран - участников и лауреатов международного фестиваля «Золотой Буфф».

✦ **Финал фестиваля** независимого кино «futureFEST: Будущее твоими глазами» состоялся в Краснодаре. Конкурс проходил в течении всего 2011 года: принимались любительские киноработы, посвященные будущему нашей страны. Всего прислано более 20 фильмов. Жюри, в работе которого принимал участие и представитель журнала «Если», выявляло победителей в нескольких номинациях, но серьезной конкуренции не получилось. Триумфатором стала экранизация

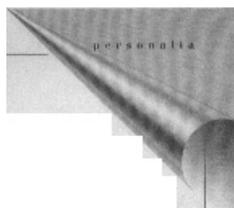
рассказа Сергея Лукьяненко «Почти весна» (реж. Надежда Крылова): фильм взял пять из шести наград фестиваля - за лучший сценарий, режиссуру, актерскую игру и прочее.

☞ **Два аукциона**, завершившихся рекордами, состоялись в конце 2011 года, и оба были связаны с фантастикой. Аукционный дом Profiles in History провел в Беверли-хиллз торги, где нашла нового владельца кинокамера, которую использовал на съемках первого фильма саги «Звездные войны» Джордж Лукас. Неизвестный поклонник приобрел камеру Panavision PSR 35 mm за 400 тыс. фунтов (\$625 тыс.), почти в три раза перекрыв эстимейт. Это самая высокая цена за подержанное кинооборудование, да и вообще за предмет, связанный с эпопеей «Звездные войны». Кстати, фирма Panavision не продает свое оборудование, лишь сдает в долгосрочную аренду, поэтому новоявленный владелец камеры получил специальный сертификат, подтверждающий его статус.

Другой рекорд пришел из мира комиксов. Выпуск журнала «Action Comics» (№1,1938) был продан на аукционе в Нью-Йорке за сумму 2 миллиона 161 тысячу долларов. Именно в этом номере «появился на свет» знаменитый Супермен. Сейчас существует всего 10 экземпляров этого выпуска журнала, и каждое их появление на аукционах ставит рекорд. Интересно, что данный экземпляр выставил на продажу знаменитый голливудский актер и коллекционер Николас Кейдж, испытывающий сейчас определенные финансовые трудности.

☞ **«Звездный десант»** Пола Верховена по мотивам одноименного романа Роберта Хайнлайна обретет новое киновоплощение. За экранизацию взялся продюсер Нил Мориц - он же в данный момент заканчивает перезапуск еще одной культовой фантастической экранизации Верховена «Вспомнить все» по рассказу Филипа Дика.

Агентство F-пресс

personalia

АМНУЭЛЬ Павел Рафаилович

Ученый-астроном и фантаст Павел Амнуэль родился в 1944 году в Баку. Окончил физический факультет Азербайджанского государственного университета, кандидат физико-математических наук.

В течение многих лет Павел Амнуэль был сотрудником Шемахинской астрофизической обсерватории, работал в бакинском Институте физики. Автор более шестидесяти научных работ в области релятивистской астрофизики, а также методики развития творческого воображения, используемой как часть ТРИЗ - теории решения изобретательских задач, созданной известным советским изобретателем и писателем-фантастом Г.С.Альтшуллером (Г.Альтовым). С 1990 года живет в Израиле.

Как писатель-фантаст дебютировал в 1959-м в журнале «Техника - молодежи» рассказом «Икария Альфа» в жанре «твердой» НФ. Его перу принадлежат книги «Сегодня, завтра и всегда» (1984), «Капли звездного света» (1990), «Приговоренные к высшей мере» (1990), «День последний - день первый» (1993), «Люди Кода» (1997, 2006), «Все разумное» (2002). В 2007 году вышел сборник повестей «Что там, за дверью?», в 2010-м - роман «Мечь в домино». Известен также работами в детективном жанре. Кроме того, писатель активно выступает с публицистическими материалами по различным проблемам науки и фантастики. В настоящее время - главный редактор интернет-журнала «Млечный путь».

Лауреат приза «Великое кольцо» (1982), премии им. И.Ефремова «Бронзовое кольцо» (2009) и премии им. А.Беляева.

ВАДЖРА Раджиар (VAJRA, Rajnar)

Американский писатель и профессиональный музыкант Раджнр Ваджра родился в 1947 году в Нью-Йорке. До занятий литературой он увлекался музыкой: выступал «классическим» пианистом и занимался роком (играл на гитаре и клавишных), писал песни, преподавал и был владельцем музыкального магазина.

Поступив в Университет штата Массачусетс, Ваджра учился на преподавателя музыки (и, не дожидаясь диплома, преподавал ее всем желающим). В научной фантастике дебютировал рассказом «Прохождение теста Арболи» (1997). С тех пор Ваджра опубликовал более 20 рассказов и повестей, книгу в межавторской серии «Нулевая вероятность» - «Последовательности» (2000), а также роман «Выступ у Нокай Коррал» (2003), вышедший пока лишь в журнале «Analog» с

продолжением. В том же издании опубликовано и большинство произведений писателя, неоднократно побеждавших в конкурсе читателей на лучшее произведение года.

**ДЕЛЭНСИ Крэйг
(DeLANCEY, Craig)**

Писатель и ученый-философ Крэйг Делэнси закончил факультеты антропологии и филологический Университета Рочестера в 1987 году. Позже он защитил сразу две диссертации в Университете штата Индиана: магистерскую - по компьютерным наукам, а также докторскую - по философии. Работал в известном консалтинговом агентстве McKinsey; в настоящее время преподает философию в Университете штата Нью-Йорк.

С конца 1990-х Делэнси начал писать прозу и пьесы. Его дебют в научной фантастике состоялся в 1998 году, это был рассказ «Музыка хромосом». С тех пор вышло еще шесть фантастических новелл.

**КАСТРО Адам-Трой
(CASTRO, Adam-Troy)**

Американский писатель Адам-Трой Кастро родился в 1960 году. Его первый рассказ «Подтверждение разрешения на посадку» вышел в 1989-м, и с тех пор Кастро опубликовал около восьми десятков произведений короткой формы в периодике и антологиях (ряд произведений был номинирован на премии «Хьюго», «Небьюла», имени Брэма Стокера и другие). Широкую популярность принесли автору два романа - «Чужая тьма» и «Разлагающаяся тьма» (оба - 2000), а также серия книг «Вософф и Нимиц» (1994-1998). Адам-Трой Кастро в настоящее время проживает во Флориде.

**КОРНЕЛЛ Пол
(CORNELL, Paul)**

Британский писатель и телесценарист Пол Корнелл родился в 1967 году и более всего известен сценариями эпизодов популярного телесериала «Доктор Кто». Всего опубликовал 10 романов, действие которых разворачивается во «Вселенной Доктора Кто», а также три внесерийных романа и 13 фантастических рассказов и повестей. Дважды произведения Пола Корнелла номинировались на премию «Хьюго», в том числе рассказ «Исчезнувший пруссак», первый перевод

которого на русский язык опубликован в «Если» № 6 за 2011 год.

КУДРЯВЦЕВ Леонид Викторович

Родился в 1960 году на Урале. После окончания школы и службы в армии сменил немало профессий, пробовал себя и в роли главного редактора книжного издательства. Ныне живет за счет литературного труда. В начале нового тысячелетия переехал из Ижевска в подмосковный город Пушкино.

Первый фантастический рассказ «Лабиринт» опубликовал в 1984 году в журнале «Енисей». В 1990-м вышла в свет авторская книга - сборник «Дорога миров». Фантастические рассказы и повести Л.Кудрявцева объединены в сборниках «Аппарат иллюзий» (1991), «Тень мага» (1996), «Черная стена» (1997), «Клятва крысиного короля» (1997), «Мир крыльев» (2000) и других. Из произведений автора наибольшую известность получили «Дорога мага» (1997), «Агент звездного корпуса» (1998), «Центурион инопланетного квартала» (2000), «Долина магов» (2001), «Последняя одиссея» (2004). Всего автор адресовал читателю 60 книг. В этом списке есть и шесть романов для детей, и детективная проза (под псевдонимом Виктор Доренко).

Л.Кудрявцев - лауреат болгарской премии «Златен Кон», российской «Лунная радуга» и других.

ФЕДОТОВ Дмитрий Станиславович

Родился в 1960 году в Томске. Окончил Томский медицинский институт, после чего работал в медицинских учреждениях города. Тогда же начал выступать как прозаик. В 2003-м закончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М.Горького (Москва). В настоящее время - заведующий редакцией художественной литературы издательства «Вече».

Первый альманах «Сказки мегаполиса» (вместе с А.Стояновым и С.Комаровым) вышел в 1991 году в Томске. В 2001-м был издан сборник рассказов и повестей «Этот мир придуман не мной». Затем последовали романы писателя: «Ветер смерти» (2002), исторический детектив «Огненный глаз Тенгри» (2009), «Злое золото» (2009, в соавторстве с В.Царицыным), научно-фантастический роман «Аберрация»(2011).

Лауреат премии «Золотая цепь» им. А.Грина, а также ряда нежанровых премий.

ХОЛДЕМАН Джо (HALDEMAN, Joe W.)

Один из ведущих современных американских писателей-фантастов Джозеф Уильям Холдеман родился в 1943 году в городе Оклахома-Сити. Семья часто переезжала с места на место, будущий писатель в детстве исколесил всю территорию Штатов, включая Аляску и Пуэрто-Рико. Закончив Университет штата Мэриленд с дипломами физика и астронома, Холдеман поступил в аспирантуру, однако его научную карьеру прервала повестка в армию. Холдеман воевал во Вьетнаме в инженерных войсках, был тяжело ранен и награжден орденом; его военные впечатления и откровенно пацифистские настроения отражены в нефантастическом романе «Год войны» (1972). После демобилизации Холдеман защитил диссертацию, работал в издательстве научно-популярной литературы, преподавал в университетах и колледжах. Вместе с женой Гэй Холдеман объездил весь свет (в том числе все те места, где проводятся НФ-конвенции), а последние десятилетия проживает в Гэйнесвилле (штат Флорида).

Дебютом писателя в научной фантастике стал рассказ «Вне фазы» (1969). С тех пор вышли 24 романа, из которых наиболее известны три трилогии - «Вечная война» («Вечная война», «Вечный мир» и «Навечно свободны», 1975-1999), «Миры» («Миры», «Миры разделенные» и «Достаточно миров и времени», 1981 - 1992) и «Марсиане» (2008-2011), а также романы «Мост сознания» (1976), «Розыгрыш Хемингуэя» (1990) и другие. Фантаст опубликовал более семи десятков рассказов и повестей (ряд написан в соавторстве с братом Джеком Холдеманом, ныне покойным), лучшие из которых вошли в семь авторских сборников.

Джо Холдеман один из самых «премированных» авторов американской фантастики последних десятилетий: в его впечатляющей коллекции пять премий «Хьюго» и «Небьюла» (в том числе три «золотых дубля»), Мемориальная премия им. Джона Кэмпбелла, австралийская «Дитмар», Премия имени Джеймса Типтри-младшего, Всемирная премия фэнтези и другие.

Кроме научно-фантастической прозы, Холдеман пишет также НФ-поэзию (трижды лауреат Премии Райслинга) и детективы.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ООО «Культснаб» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2012 года.

Номера будут высылаются подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.	
	ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

(ИНН получателя платежа)

№

(номер счета получателя платежа)

ОАО Сбербанк России, г.Москва

В

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810400000000225

БИК

№

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540 00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп

Кассир
Квитанция

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 3010181040000000225

БИК _____ № _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771401001

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540 00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об

**оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей
странице.**

**Адрес: 119435, г, Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Культснаб», отдел распространения.**

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____</p> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____</p> <p>(ИНН)</p> <p>№ _____</p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____</p> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____</p> <p>(ИНН)</p> <p>№ _____</p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Карла ШРЕДЕРА
«В ДАЛЕКОЙ СИЛЕНИИ»**

РАССКАЗЫ

**Майкла СУЭНВИКА, Алексея КАЛУГИНА,
Лайзы ГОЛДСТАЙН, Сергея МАЛИЦКОГО,
Билла ДЖОНСОНА**

ОЧЕРК

**Вл. ГАКОВА о творчестве
Сэмюэля ДИЛЭНИ**

ЧИТАЙТЕ МАРТОВСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.
Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера – 87 рублей,
включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Карла ШРЕДЕРА «В ДАЛЕКОЙ СИЛЕНИИ»

РАССКАЗЫ

**Майкла СУЭНВИКА, Алексея КАЛУГИНА,
Лайзы ГОЛДСТАЙН, Сергея МАЛИЦКОГО,
Билла ДЖОНСОНА**

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА о творчестве Сэмюэля ДИЛЭНИ

ЧИТАЙТЕ МАРТОВСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и «Роспечать»
(газеты, журналы).

Индекс 73118.

Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера - 87 рублей, включая почтовые услуги.

